

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 19 (3) 2022

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2022

**«ДИСКУРС-ПИ»
19 (3) 2022
Ноябрь 2022**

Издание посвящено 300-летию
Российской академии наук

**Научный журнал
Издаётся с 2001 года
Выходит четыре раза в год**

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-82291 от 10.11.2021 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 19.11.2022 г.
Формат 70x100^{1/16}
Усл. печ. л. 15,6
Тираж 500 экз.
Заказ № 40940

Отпечатано в ООО Типография «Гуд Принт»
620033, г. Екатеринбург,
ул. Изоплитная, д. 23Б

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620108, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Все выпуски журнала размещаются на сайте
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам придерживаться
стилистики научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)**

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

*Российская Академия
Наук*

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Никита Головкин – Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Виктор Мартынов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллах – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

06.10.2020 Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

**«DISCOURSE-P»
19 (3) 2022
November 2022**

The edition is dedicated to the 300th anniversary
of the Russian Academy of Sciences

**Scientific journal
Published since 2001
Published four times a year**

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-82291 from November 10, 2021
given by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications

Passed for printing on November 19, 2022
Format 70x100^{3/16}
Reference sheet area 15,6
Issues – 500
Order # 40940

Printed by typography «Good Print»
Izoplitnaya street, 23B
Ekaterinburg, 620033, Russia

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620108, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors to adhere
to the style of scientific discourse**

**Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)**

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

*Russian Academy
of Sciences*

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Nikita Golovko – Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties: 23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences

The journal is abstracted/indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is included into the «CyberLeninka» database

October 6, 2020 the journal is included in the European Reference Index for the Humanities ERIH PLUS

№ 19(3)

Тропы метода

Алексеев Д.В., Коргунюк Ю.Г., Помигуев И.А.

Размежевания в российском законодательном процессе:
опыт факторного и дискурс-анализа10

Дубровская Т.В.

Дискурсивная модель женщины в советской детской прессе36

Кирчанов М.В.

Проблемы радикального ислама в дискурсе индонезийского
мусульманского либерализма второй половины 2010-х – начала 2020-х гг.
(на примере проекта tirta.id)54

Парадигмы и процессы

Журбина И.В.

Неолиберальный тип демократии: стратегия «исключения» политического.....70

Малешевич А.В.

Западные Балканы в дискурсе ЕС и стран региона
с позиции критики балканизма86

Богатырева О.Н., Ковба Д.М., Табаринцева-Романова К.М.

Межцивилизационный диалог как инструмент
гуманитарной дипломатии стран БРИКС101

Конференц-зал

Фан И.Б., Рабинович Е.И., Воробьева М.В.

Об итогах семинара
«От идеологического конструкта к поведенческим моделям.
Официальный дискурс гражданственности и парковая культура
1920–1930-х годов на Урале»122

**Всероссийская научная конференция с международным участием
ФИКОС-2022 «ФИЛОСОФСКИЕ КОНТЕКСТЫ СОВРЕМЕННОСТИ:
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИНТУИЦИЯ»
25–26 февраля 2022 года г. Ижевск, Россия.**

Доклады

Попов Д.В.

Искусственный интеллект: между человечностью и бесчеловечным 138

Сорокова Е.Д.

Этика искусственного интеллекта в России и Европейском союзе:
общее в риск-ориентированных подходах 157

Современная логика и интеллектуальные технологии

Лобовиков В.О.

Искусственный интеллект и некий почти неизвестный аспект
математической лингвистики..... 170

19(3)

Tropes of Method

Alekseev, D.V., Korgunyuk, Yu.G., Pomigev, I.A.

Cleavages in the Russian Legislative Process:
The Experience of Factor and Discourse Analysis.....10

Dubrovskaya, T.V.

Discursive Modeling of a Woman in the Soviet Periodicals for Children.....36

Kirchanov, M.V.

Problems of Radical Islam in the Discourse of Indonesian
Muslim Liberalism in the Second Half of the 2010s – Early 2020s
(In the Context of the Tirto.Id Project)54

Paradigms and Processes

Zhurbina, I.V.

Neoliberal Democracy: The Strategy of Excluding the Political Meaning70

Maleshevich, A.V.

Western Balkans in the Discourse of the EU and the Balkan Countries
from the Standpoint of Balkanism Critique86

Bogatryyova, O.N., Kovba, D.M., Tabarintseva-Romanova, K.M.

Intercivilizational Dialogue as an Instrument of Humanitarian Diplomacy
of the BRICS Countries..... 101

Conference Chamber

Fan, I.B., Rabinovich, E.I., Vorobyeva, M.V.

On the Results of the Seminar
“From an Ideological Construct to Behavioral Models.
The Official Discourse of Civic Consciousness and Park Culture
in the 1920s – 1930s in the Urals” 122

**All-Russian scientific conference with international participation
FIKOS-2022 "PHILOSOPHICAL CONTEXTS OF MODERNITY:
ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND INTELLECTUAL INTUITION"
February 25–26, 2022 Izhevsk, Russia**

Reports

Popov, D.V.

Artificial Intelligence: Between Humanity and the Inhumane 138

Sorokova, E.D.

AI Ethics in Russia and the European Union:
Commonalities in Risk-Oriented Approaches 157

Modern Logic and Intellectual Technologies

Lobovikov, V.O.

Artificial Intelligence and an Almost Unknown Aspect
of Mathematical Linguistics 170

УДК 328.34

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_10

РАЗМЕЖЕВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ОПЫТ ФАКТОРНОГО И ДИСКУРС-АНАЛИЗА*

Дмитрий Владимирович Алексеев,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия,
mityaalexeev@yandex.ru

Юрий Григорьевич Коргунюк,

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Москва, Россия,
partinform@mail.ru

Илья Александрович Помигуев,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук,
Москва, Россия,
pomilya@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31792.

© Алексеев Д.В., Коргунюк Ю.Г., Помигуев И.А., 2022

Статья поступила в редакцию 15.02.2022, принята к публикации 29.08.2022

Для цитирования: Алексеев Д.В., Коргунюк Ю.Г., Помигуев И.А. Размежевания в российском законодательном процессе: опыт факторного и дискурс-анализа // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 3. С. 10–35. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_10

Авторы статьи выражают благодарность за консультации и поддержку при работе над статьей к.полит.н., доценту НИУ ВШЭ И.В. Фомину.

Аннотация

Статья посвящена анализу размежеваний в российском парламентском дискурсе. Факторный анализ позволил выделить основные сюжеты, определяющие характер политического противостояния в Госдуме. Это прежде всего общее «властно-оппозиционное» размежевание, в котором разногласия по внутривнутриполитическим и социально-экономическим вопросам фактически сливаются в противостояние между «Единой Россией» и остальными парламентскими партиями. В его тени находится противостояние КПРФ по отношению к «Единой России» и другим парламентским партиям – в первую очередь по вопросам, имеющим отношение к изменению Конституции в 2020 г. и его законодательным последствиям. Факторные оценки вопросов, вызывающих наибольшую поляризацию позиций, выявили темы, по которым «Единая Россия» и парламентская оппозиция расходятся в максимальной степени. Это сюжеты, касающиеся изменения избирательного законодательства и налоговой политики государства. Дискурс-анализ в свою очередь показал, что парламентская оппозиция в рамках стратегии аргументации использует более эмоционально окрашенную лексику и критические аргументы. Дискурсивные стратегии парламентского большинства и Правительства довольно схожи: их речи направлены, во-первых, на разделение ответственности между государственными структурами за принимаемое непопулярное решение; во-вторых, на смягчение негативных контраргументов и критики оппозиции. Иногда наблюдается готовность «Единой России» к сближению позиций с «малыми фракциями», признанию проблем и незначительным уступкам. В свою очередь парламентская оппозиция часто использует в своей речи обвинительную риторику: критикует политику Правительства и решения фракции большинства, предлагая собственные, в основном популистские, альтернативы.

Ключевые слова:

факторный анализ, дискурс-анализ, парламентский дискурс, дискурсивные стратегии, политические размежевания, парламент, Государственная Дума.

CLEAVAGES IN THE RUSSIAN LEGISLATIVE PROCESS: THE EXPERIENCE OF FACTOR AND DISCOURSE ANALYSIS

Dmitry V. Alekseev,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia,
mityaalexeev@yandex.ru

Yuri G. Korgunyuk,

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
partinform@mail.ru

Ilya A. Pomiguel,

National Research University – Higher School of Economics (HSE University),
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
pomilya@mail.ru

Article received on February 15, 2022, accepted on August 29, 2022

For citation: Alekseev, D.V., Korgunyuk, Yu.G., Pomiguel, I.A. (2022). Cleavages in the Russian Legislative Process: The Experience of Factor and Discourse Analysis. *Discourse-P*, 19(3), 10–35. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_10

Abstract

The article examines cleavages in the Russian parliamentary discourse. Factor analysis allows identifying the key points defining the nature of the political confrontation in the State Duma. This is, first of all, a general “power-opposition” cleavage, when disagreements on domestic political and socio-economic problems actually merge into a confrontation between Edinaya Rossiya (United Russia) and other parliamentary parties. In the shadow of this divergence, there is also a confrontation between the Communist Party of the Russian Federation and other parliamentary parties – primarily on concerns related to the change in the Constitution in 2020 and its legislative consequences. Factor scores of the issues causing the greatest polarization in the parliamentary discussion reveal the topics on which Edinaya Rossiya and the parliamentary opposition differ to the maximum extent. They relate primarily to changes in the electoral legislation and the fiscal policy of the state. The discourse analysis, in turn, shows that the parliamentary opposition

uses more emotionally colored vocabulary and critical arguments as part of the argumentation strategy. The discursive strategies of the parliamentary majority and the Government are quite similar. Their speeches are aimed, firstly, at sharing responsibility between state structures for an unpopular decision, and, secondly, at mitigating negative counterarguments and criticism of the opposition. Edinaya Rossiya sometimes demonstrates willingness to converge its positions with “small fractions”, as well as to recognize problems, and to make minor concessions, while the parliamentary opposition often uses rhetoric of accusation. It criticizes the Government's policy and the decisions of the majority faction, offering its own, mostly populist, alternatives.

Keywords:

factor analysis, discourse analysis, parliamentary discourse, discursive strategies, political cleavages, State Duma.

Введение

Политический процесс – это прежде всего политическая борьба. Во многом борьба всех против всех. Однако, как и в любой другой сфере, противостояние невозможно без объединения в группы, создания влиятельных коалиций индивидуальных акторов, что позволяет трансформировать множество частных противостояний и противоречий в ряд крупных социально-политических размежеваний, определяющих содержание и свойства политического процесса в стране. Не в последнюю очередь эта борьба протекает в рамках парламентского процесса. Институт парламентаризма – один из самых востребованных объектов исследования у политологов, которые рассматривают разные аспекты его деятельности, что привело к формированию самостоятельных направлений политических исследований, среди которых можно выделить *legislative studies* (Помигуев и др., 2021). В фокусе законодательных исследований – процесс принятия решений в парламенте, который рассматривается как поэтапная деятельность политических акторов, направленная на достижение нужного для них результата (outcome), например, принятого или непринятого закона, сохранения или изменения политического статус-кво и т. д.

Кроме содержательной, законодательный процесс имеет и другую сторону – публичную. Особенно это заметно, если наблюдать за законодательной деятельностью оппозиции в российском парламенте, которая не имеет шансов провести свои законопроекты без поддержки со стороны фракции «Единая Россия» или компромисса с исполнительной властью / Президентом (Remington, 2008; Помигуев, 2016). Зачастую оппозиция, выступая с той или иной инициативой, делает упор главным образом на производимый ею публичный эффект, который разными политическими и бюрократическими способами власть пытается сгладить, в том числе с помощью формальных инструментов, не доводя до публичных дебатов на пленарных заседаниях (Помигуев, 2016). Малые партии в парламенте не столько стремятся привести внесенный законопроект к принятию, сколько используют парламентскую трибуну для демонстрации своей оппозиционности, апелляции к избирателю, попыток получить публичную

поддержку широких слоев населения и повысить политический вес. Это вполне закономерно делает противостояние власти и оппозиции стержнем парламентской жизни (Помигуев, 2017).

Каждое пленарное заседание Государственная Дума принимает множество политических решений, являясь важным центром российской политики (Глейзнер, Чейсти, 1999), даже несмотря на доминирование одной из фракций, общую тенденцию снижения уровня партийной конкуренции (Гельман, 2013) и высокое влияние Правительства и Президента на парламент (Remington, 2008). Каждая из законодательных инициатив является политическим высказыванием и частью более широкого и часто неоднородного парламентского дискурса, как на стадии публичного внесения на рассмотрение в Госдуму, так и на стадии парламентских дебатов. Поэтому под парламентским дискурсом мы подразумеваем всю совокупность коммуникативных действий и высказываний, так или иначе связанных с деятельностью законодательной ветви власти.

Ежедневно в рамках законодательной процедуры и в публичном дискурсе вокруг нее сталкиваются интересы различных политических групп, партий и отдельных политиков. Анализ дискурса парламентских дебатов показывает, что в целом политические ценности и ориентации системной оппозиции и «Единой России» сходятся, хотя и неравномерно по времени и партийным фракциям, причем как с фракцией большинства, так и с «президентской линией» (Панов, Сулимов, 2021). При этом за множеством отдельных взаимодействий можно увидеть и достаточно устойчивые политические и идеологические размежевания, именно они и находятся в фокусе данного исследования.

В данной статье мы ставим перед собой цель ответить на два вопроса:

1) вокруг каких сюжетов возникают основные размежевания между российскими парламентскими партиями;

2) посредством каких способов выстраивания коммуникации (дискурсивных стратегий) такие размежевания оформляются в публичном дискурсе.

Чтобы ответить на эти вопросы, мы используем смешанную методологию, предполагающую последовательное применение двух методов – количественного факторного анализа и качественного дискурс-анализа. Такой подход позволит сначала вычленить те направления и конкретные инициативы, мнения по которым у разных фракций российского парламента существенно расходятся, а потом ответить на вопросы: в результате использования каких дискурсивных стратегий эти размежевания оформляются; какие мотивы и цели движут представителями различных фракций, когда они участвуют в парламентских дискуссиях.

Методология исследования размежеваний с использованием факторного анализа

На российском материале уже давно ведутся исследования, связанные с количественным анализом структуры размежеваний (измерений) в политическом пространстве России. В основе этих исследований зачастую лежит теория размежеваний (cleavage theory) С.М. Липсета и С. Роккана (Lipset & Rokkan, 1967) и теория проблемных измерений (issue dimensions theory) И. Баджа (Budge, 1987; Budge & Nomola, 2016), для которых противостояния – это нерв политического процесса. Их вычленение предполагает прежде всего определение

круга вопросов, порождающих наибольшую поляризацию среди участников общенациональной политической дискуссии.

В настоящем исследовании использован подход к исследованию политических размежеваний в России, предложенный Ю.Г. Коргунюком (Korgunyuk, 2014; Коргунюк, 2017, 2019). Основное внимание в рамках данного подхода уделяется вопросам, порождающим наиболее оживленную дискуссию между политическими партиями – акторами, которые больше всего заинтересованы в актуализации политических противоречий и конвертации их в собственный политический капитал (в виде голосов, полученных на выборах по пропорциональной системе). Эти дискуссии отражены как в партийных документах, так и в публичных выступлениях представителей политических партий. Соответствующие материалы начиная с 1991 г. собираются одним из авторов в рамках проекта «ПартАрхив»¹.

Позиции партий по этим вопросам оцениваются по шкале от –5 до +5 (низшая оценка означает резко негативное отношение, высшая – апологетическое; если партия придерживается «центристской» позиции или игнорирует вопрос, ее позиции оцениваются нулем). Затем эти оценки подвергаются факторному анализу, и обнаруженные в результате факторы можно трактовать как противостояния (политические измерения), объединяющие вокруг себя политическое пространство.

В ходе предыдущих исследований было определено, что на протяжении 1993–2020 гг. политическое пространство постсоветской России определяли три основных размежевания (измерения): 1) социально-экономическое; 2) авторитарно-демократическое; 3) системное. Третье из них, характер которого менее очевиден, чем у первых двух, по сути, представляет собой противостояние между сторонниками открытости и закрытости общественных систем – как во временном (прошлое/будущее), так и в пространственном отношении (национальная замкнутость/интеграция в глобальные структуры) (Коргунюк, 2019; Korgunyuk, 2020).

Иерархия этих противостояний в постсоветской России не отличалась неизменностью. На думских выборах 1993 г. на первом месте было системное измерение, на втором – социально-экономическое, на третьем – авторитарно-демократическое. В 1995–2011 гг. на первом месте – социально-экономическое, на втором – системное, на третьем – авторитарно-демократическое. В 2012–2013 гг. первое место принадлежало авторитарно-демократическому, второе – социально-экономическому, третье – системному. В 2014 г. крымско-украинские события выдвинули на авансцену системное измерение (между «ястребами» и «голубями»), отодвинув авторитарно-демократическое и социально-экономическое размежевания на второе и третье места (Коргунюк, 2017, с. 110–111). Данная иерархия в общих чертах сохраняется и поныне.

Специфика Государственной Думы заключается в том, что в ней начиная с 2003 г. представлены только четыре партии – «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия»². Это существенно упрощает картину политиче-

¹ *ПартАрхив* (без даты). Взято 20 марта 2022, с <http://partinform.ru/pa98/>

² До 2007 г. в Госдуме была представлена партия «Родина», на организационной основе которой в результате принудительного слияния с Российской партией пенсионеров и Российской партией жизни была создана «Справедливая Россия». В 2021 г.

ских противостояний в стенах парламента. Во-первых, из их числа выпадает противостояние «ястребы-голуби», один из полюсов которого (либералы) с 2004 г. в Государственной Думе не представлен. Во-вторых, «авторитарно-демократическое» и социально-экономическое размежевания фактически сливаются в единое противостояние между «Единой Россией», выступающей в роли не только «партии власти», но и представительницы либерально-рыночного полюса в социально-экономическом размежевании, и остальными парламентскими партиями. Точнее сказать, противостояния между разными отрядами парламентской оппозиции остаются, но они оттеснены на задний план. В связи с этим их вычленение требует определенного усложнения методики.

Сама методика выглядит следующим образом. Из общей совокупности вопросов, являвшихся предметом межпартийной дискуссии в период работы Госдумы седьмого созыва (2016–2021 гг.), выделены имевшие отношение к тем или иным законодательным инициативам. Эти вопросы берутся как случаи (cases), тогда как партии (точнее их парламентские фракции) – как переменные (variables).

Факторный анализ партийных позиций по вопросам (по шкале от –5 до +5) позволяет свести разнообразие противостояний к единым паттернам. При этом в расчет берутся лишь факторы с собственным значением (eigenvalues) выше единицы. Факторные нагрузки (factor loadings) переменных указывают на место каждой из партий в выявленном противостоянии, а факторные оценки (factor scores) вопросов – на содержательный характер данного противостояния; основное внимание при этом уделяется вопросам с наибольшими по модулю оценками, поскольку именно они вызывают наибольшую поляризацию.

Как уже упоминалось, ограничение круга участников межпартийной дискуссии парламентскими партиями практически неизбежно оставляет место только одному крупному противостоянию с собственным значением выше единицы: «партия власти» («Единая Россия») против оппозиции (КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия»). Эта неизбежность объясняется логикой политической борьбы: в условиях доминантной партийной системы у оппозиции нет шансов провести через Думу собственные законодательные инициативы без поддержки «партии власти», и ей не остается ничего другого, кроме как подчеркивать и преувеличивать свою оппозиционность.

Для выявления противостояния, остающегося в тени главного – властно-оппозиционного – размежевания, предлагается на втором этапе исключить из анализа те вопросы, в которых КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» занимают позиции прямо противоположные тем, которых придерживается «Единая Россия», т. е. те, в которых у оппозиционных партий оценка –5, тогда как у ЕР – +5, и наоборот. Усеченная матрица вновь подвергается факторному анализу, давая шанс проявиться еще хотя бы одному противостоянию, выходящему за рамки главного. В итоге с помощью факторного анализа можно получить список тем

к четырем парламентским партиям добавилась пятая – «Новые люди». В свою очередь «Справедливая Россия», объединившись с партиями «За Правду» и «Патриоты России», несколько изменила как название, так и позиции по ряду актуальных вопросов. Однако деятельность Госдумы восьмого созыва выходит за временные рамки исследования, в связи с чем мы этих изменений касаться не будем.

и вопросов, в рамках которых размежевания между фракцией большинства и парламентской оппозицией формируются наиболее явно, что позволяет более подробно погрузиться в содержательные стороны противоречий и определить стратегии политических сил.

Методология исследования размежеваний с использованием дискурс-анализа

В рамках данного исследования дискурс-анализ позволяет определить, какие дискурсивные стратегии используются участниками парламентских дискуссий, а также предположить суть мотивов, которые стоят за их использованием.

При выборе законопроектов для дискурс-анализа отправной точкой выступали результаты факторного анализа, а также два дополнительных критерия: поляризация голосования по исследуемой законодательной инициативе в первом чтении³ и институционализация дискуссии – обсуждение в рамках парламентских чтений, а не просто «заявление о намерениях» внести законопроект.

В качестве эмпирической базы были взяты стенограммы парламентских дебатов заседаний Государственной Думы. Акцент сделан на выступлениях представителей различных фракций и стратегиях их аргументации. Также были рассмотрены дискуссии в формате «вопрос-ответ» и выступления с позицией фракции перед началом голосования.

Анализ данных проводился на основе методики анализа аргументов М. Скривена⁴ и критического дискурс-анализа. Были использованы категории топиков и неустановленных аргументов и выводов. На первом этапе выявляются темы внутри монологов, которые проговариваются на пленарных заседаниях Государственной Думы. Здесь же выявляется и отношение говорящих к обозначенным проблемам (Matytsina et al., 2020). В терминах критического дискурс-анализа такие темы называются *топиками*, и они являются структурными единицами анализа (Reisigl & Wodak, 2009). На втором этапе вычленяются неустановленные аргументы и выводы, которые не были высказаны напрямую, но подразумевались. По сути, такие «невывказанные высказывания» являются вариантами интерпретации того, что было сказано на самом деле. Предполагается, что уже на этом этапе будут видны противоречия в рамках дискурса по законодательным инициативам, а также различия в аргументации у политических акторов. На третьем этапе проводится анализ дискуссии, проходящей в формате «вопрос – ответ». Именно здесь, в момент отстаивания позиций политическими акторами, фиксируются основные точки расхождения, а также определяются стратегии репрезентации и аргументации всех сторон.

³ Поскольку в рамках этой процедуры инициатива рассматривается концептуально, оценивается необходимость новаций в правовое поле, а также решает ли законопроект заявленную проблему. Также при отборе кейсов были приняты во внимание результаты голосования в третьем чтении, поскольку именно по его результатам окончательно оформляется политическое решение фракции о поддержке инициативы или ее отсутствии.

⁴ *Scriven model of argumentation* (n.d.). Retrieved August 29, 2021, from http://individual.utoronto.ca/ecolak/EBM/evidence_and_eikos/models_of_argumentation/scriven/scriven.htm#Title

На четвертом этапе анализируется контекст⁵. Под ним понимаются прежде всего документы, пояснительная записка к законопроекту, которая также содержит аргументы субъекта законодательной инициативы. По мнению Э. Лаклау и Ш. Муфф, нет ничего, что бы лежало за пределами дискурсивных практик и артикуляций (Laclau & Mouffe, 1994, p. 105). Следовательно, контекст является такой же частью дискурса, как и прямые высказывания, монологи и диалоги. Важно помнить, что контекст – сущность трудноизмеримая, и поэтому сложно заранее спрогнозировать, какой из факторов повлияет на ход рассмотрения законодательной инициативы.

Дискурсивные стратегии в исследовании были операционализированы с помощью типологии, данной Р. Водак и М. Мейером (Reisigl & Wodak, 2009, p. 40). При этом в фокусе исследования оказались стратегии аргументации (топики, неуставленные аргументы и выводы, проявляющиеся в высказываниях говорящих) и интенсификации (какова сила высказываний депутатов различных фракций, присутствует ли намеренное ослабление или усиление высказываний).

На основе анализа способов аргументации и дискурсивных стратегий нами сформулированы предположения, каковы цели высказываний политических акторов, в результате которых в российском парламентском дискурсе образуются размежевания.

Результаты факторного анализа

За период работы Госдумы седьмого созыва (2016–2021 гг.) нами было выявлено 105 вопросов, так или иначе относящихся к деятельности Госдумы и парламентских партий. Иногда они касались какого-то одного законопроекта, но чаще – целого направления законодательной деятельности, причем не всегда воплощенного в конкретной инициативе.

Критерии оценки партийных позиций в том или ином вопросе различались в зависимости от того, шла ли речь о «партии власти» или, наоборот, оппозиции. Для последней за основу берутся прежде всего публичные выступления ее представителей, тогда как для «Единой России» – голосование по проекту. Это объясняется разницей в политической тактике.

В условиях, когда «партия власти» владеет конституционным большинством, оппозиция, реалистично оценивая свои шансы, иногда вместо голосования «против» предпочитает не высказывать позицию совсем. Ставить ей в этом случае оценку «0» методологически неверно.

Напротив, «Единая Россия», как правило, вяло участвует в содержательной публичной дискуссии, иногда в силу непопулярности законодательной инициа-

⁵ Некоторое исключение составило рассмотрение закона о трехдневном голосовании, т.к. данное изменение процедурно было предложено посредством внесения поправок уже во втором чтении. Поэтому выделение топиков, а также неуставленных выводов и аргументов произведено на основе высказываний парламентариев при рассмотрении законопроекта в третьем чтении (первый и второй этапы анализа). Столкновение позиций политических акторов имело место в рамках процедуры вынесения на отдельное голосование поправок ко второму чтению (третий этап).

тивы (например, в случае повышения пенсионного возраста), иногда из-за отсутствия уверенности в том, что «сверху» не поступит сигнал о резком изменении позиции по тому или иному законопроекту (Помигуев, 2016). В большинстве вопросов политической повестки «партия власти» занимает оборонительную позицию и не столько атакует оппонентов, сколько отбивается от их атак. Поэтому важно не то, что «единороссы» говорят, а то, как они голосуют.

Факторный анализ партийных позиций по всей совокупности вопросов, как и ожидалось, выявил всего одно размежевание с собственным значением выше единицы (Таблица 1). Его суть состояла в противостоянии «Единой России» остальным парламентским партиям. Причем позиции фракции большинства в этом противостоянии носят несколько «смазанный» характер, а в качестве ее главного оппонента выступает КПРФ, оттесняющая «Справедливую Россию» и ЛДПР соответственно на второе и третье места⁶.

Таблица 1 – Фактор размежевания партийных позиций по вопросам законотворчества в Госдуме седьмого созыва, ось «партия власти» – оппозиция (составлено авторами на основе базы данных «ПартАрхив»)

Table 1 – Factor of disengagement of party positions on lawmaking issues in the State Duma of the seventh convocation, axis “party of power” – opposition (compiled by the authors based on PartArchive)

Переменная	Факторные нагрузки (без ротации) Метод извлечения: главные компоненты (выделенные нагрузки – >,700000)
Единая Россия	0,599
КПРФ	-0,910
Справедливая Россия	-0,792
ЛДПР	-0,750
Expl.Var	2,377
Prp.Totl	59,43%

Факторные оценки с наибольшими по модулю значениям зафиксированы по вопросам, имеющим отношение прежде всего к социально-экономической и отчасти внутривнутриполитической повестке, в основном связанной с выборами (Таблица 2). Во всех этих случаях позициям «Единой России» и ее оппонентов выставлены поляризованные оценки: +/-5.

⁶ Полную версию факторного анализа законодательных инициатив в рамках данного исследования см.: Alekseev, D. (2022). Replication data for paper: Cleavages in the Russian legislative process: The experience of factor and discourse analysis. *Harvard Dataverse*. Retrieved March 27, 2022, from <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/DGAERT>

Таблица 2 – Законодательные инициативы, в наибольшей степени поляризующие расстановку сил в Госдуме по оси «партия власти» – оппозиция (составлено авторами на основе базы данных «ПартАрхив»)

Table 2 – Legislative initiatives that most polarize the alignment of forces in the State Duma along the “party of power” – opposition axis (compiled by the authors based on PartArchive)

Инициативы	Единая Россия	КПРФ	Справедливая Россия	ЛДПР	Факторные счета
Всенародное избрание глав местного самоуправления	-5	5	5	5	-1,145
Введение государственной монополии на производство алкоголя и табака	-5	5	5	5	-1,145
Возвращение к прежнему пенсионному возрасту	-5	5	5	5	-1,145
Возвращение к бюджетному финансированию медицины и образования	-5	5	5	5	-1,145
Возвращение к системе государственных пенсий и солидарной пенсионной системе	-5	5	5	5	-1,145
Изменение избирательного законодательства в интересах «партии власти» ⁷	-5	5	5	5	-1,145
Снижение (ликвидация) НДС	-5	5	5	5	-1,145
Перенос единого дня голосования	-5	5	5	5	-1,145
Ратификация 20-й статьи Конвенции ООН	-5	5	5	5	-1,145
«Мусорная» реформа	5	-5	-5	-5	1,928

⁷ В данном случае речь идет о целом направлении законодательных инициатив. Едва ли не каждую парламентскую сессию в избирательное законодательство вносятся изменения, имеющие, как правило, целью создать режим максимального благоприятствования для «партии власти».

Инициативы	Единая Россия	КПРФ	Справедливая Россия	ЛДПР	Факторные счета
Закон о едином регистре населения	5	-5	-5	-5	1,928
Практика многодневного голосования	5	-5	-5	-5	1,928
Сохранение курортного сбора	5	-5	-5	-5	1,928

После исключения наиболее поляризованных вопросов из общего списка факторный анализ для оставшихся 92 вопросов выявил два фактора (Таблица 3). Первый из них также сводится к противостоянию «Единой России» и оппозиции (с тем исключением, что по данным инициативам «слабину» дала либо фракция большинства, либо один из ее оппонентов), а вот второй фиксирует скорее противостояние «единороссов» и коммунистов (ЛДПР и «Справедливая Россия» в центре).

Таблица 3 – Факторы размежевания партийных позиций без учета наиболее поляризирующих вопросов (составлено авторами на основе базы данных «ПартАрхив»)

Table 3 – Factors of disengagement of party positions without considering the most polarizing issues (compiled by the authors based on PartArchive)

Переменная	Факторные нагрузки (без ротации) Метод извлечения: главные компоненты (Выделенные нагрузки – > ,700000)	
	Factor 1	Factor 2
Единая Россия	-0,469	0,852
КПРФ	0,904	-0,166
Справедливая Россия	0,765	0,365
ЛДПР	0,696	0,389
Expl.Var	2,107	1,037
Prp.Totl	52,68 %	25,92 %

Для нас более интересен второй фактор. Противостояние здесь получается не особенно четким. На одном из полюсов (см. три верхние строчки табл. 3) вообще не видно содержательной логики (так, в вопросе о пропаганде гомосексуализма все фракции придерживаются единодушной позиции), но другой полюс отчетливо фиксирует противостояние КПРФ не только с «партией власти», но и со всеми остальными парламентскими партиями. Как видим, подавляю-

щее большинство вопросов из этого «пакета» имеет отношение к изменению Конституции в 2020 г. и его законодательным последствиям (Таблица 4).

Таблица 4 – Законодательные инициативы, поляризующие расстановку сил в Госдуме по оси КПРФ против ЕР (составлено авторами на основе базы данных «ПартАрхив»)

Table 4 – Legislative initiatives that polarize the alignment of forces in the State Duma along the axis Communist Party against Edinaya Rossiya (compiled by the authors based on PartArchive)

Инициативы	Единая Россия	КПРФ	Справедливая Россия	ЛДПР	Факторные счета
Отмена контрсанкций	-5	-1	-4	-5	-2,316
Отмена наказания за пропаганду гомосексуализма	-5	-5	-5	-5	-2,259
Снижение роли Президента в тексте поправок к Конституции 2020 г.	-5	5	-5	-1	-2,211
Перенос на регионы московского опыта реновации жилых домов	5	-3	5	4	1,495
Поправки к Конституции 2020 г.	5	-4	5	4	1,531
Проведение всенародного голосования по поправкам к Конституции 2020 г.	5	-5	5	5	1,667
Гарантии неприкосновенности бывших президентов	5	-5	5	5	1,667
Введение единых учебников	5	-5	5	5	1,667

Возможно, если и дальше идти по пути отсекающих вопросов с «крайними» позициями, то на каком-то уровне можно «нащупать» и размежевания, в которых «Единой России» противостоят уже не коммунисты, а две другие парламентские партии. Но это будет уже слишком большим искажением реальной картины противостояния внутри парламента.

Таким образом, выявленные в результате факторного анализа наиболее поляризующие парламентский дискурс сюжеты так или иначе имеют две тема-

тические направленности. Они связаны либо с вопросами бюджетной и налоговой политики, либо с регулированием таких внутривополитических вопросов, которые напрямую затрагивают интересы политических партий (например, избирательное законодательство). Как фракция большинства, так и оппозиция вносили законодательные инициативы, связанные с изменениями в этих сферах. Поэтому важно проанализировать кейсы с противоположными позициями политических сил в парламенте по одним и тем же сферам – бюджетно-налоговой и внутривополитической.

Результаты дискурс-анализа

Опираясь на изложенные выше результаты факторного анализа, мы выделили обсуждения ряда законодательных инициатив в качестве объектов дискурс-анализа (Таблица 5).

Таблица 5 – Законодательные инициативы для дискурс-анализа (составлено авторами на основе данных Системы обеспечения законодательной деятельности)

Table 5 – Legislative initiatives for discourse analysis (compiled by the authors based on System of procuring legislation)

Позиция	Бюджетно-налоговая сфера	Внутривополитическая сфера (затрагиваются интересы парламентских партий)
Фракция большинства «за», оппозиция «против»	Сохранение курортного сбора (№ 169585-7 «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае»)	Практика многодневного голосования (№ 47830-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части проведения голосования в течение трех дней))
Фракция большинства «против», оппозиция «за»	Снижение (ликвидация) НДС (рассматривались как альтернативные № 918286-7 «О внесении изменения в Налоговый кодекс Российской Федерации в части оптимизации ставок налога на добавленную стоимость в целях восстановления и развития потенциала экономики Российской Федерации»; № 903200-7	Перенос единого дня голосования (ЕДГ) (№ 471205-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления дня голосования в ходе выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации)»; № 545087-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; № 476598-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты

Позиция	Бюджетно-налоговая сфера	Внутриполитическая сфера (затрагиваются интересы парламентских партий)
	«О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации от 05.08.2000 № 117-ФЗ»	в части переноса даты единого дня голосования на второе воскресенье октября» (законопроекты по этому вопросу рассматривались как альтернативные))

Приведенные в таблице 5 проекты законов в целом соотносятся с обозначенными выше критериями. Согласно результатам факторного анализа, позиции фракции большинства и парламентской оппозиции находятся на крайних полюсах возникающих размежеваний (факторные показатели – 1.145 и 1.928 соответственно; подробнее см. табл. 2). Важными предпосылками для выбора именно этих кейсов стало и то, что по приведенным законопроектам на пленарных заседаниях Государственной Думы имели место довольно развернутые обсуждения как во внепарламентском поле, так и на самих пленарных заседаниях. Размежевания проявились и в голосованиях по проектам законов.

Обращаем внимание, что для усиления репрезентативности представления различных точек зрения в рамках оппозиционного парламентского дискурса были выбраны те вопросы, по которым законодательные инициативы вносили все «оппозиционные» фракции. Часто они рассматривались вместе с одним содокладом от комитета и единой дискуссией одновременно по нескольким инициативам, касающимся одной темы (процедура рассмотрения альтернативных законопроектов)⁸. Рассматривая оппозиционный дискурс таким образом, мы стремились выявить особенности дискурсивных стратегий малых фракций⁹.

При этом некоторые политические инициативы (например, законодательство об «иностранных агентах», необходимость отмены статьи 282 Уголовного кодекса РФ) не вызывают такой поляризации, как вносимые изменения в избирательное законодательство (возможность дистанционного голосования, выборы в течение трех дней). В первую очередь это обусловлено стремлением всех сил в Госдуме придерживаться «президентской линии» (Панов, Сулимов, 2021), а также собственными интересами парламентской оппозиции в вопросах избирательного законодательства, касающихся возможностей переизбираться по новым правилам.

Также обращает на себя внимание тот факт, что многие оппозиционные инициативы, которые были заблокированы фракцией большинства, связаны с наращиванием расходов федерального бюджета, а иногда его фактическим

⁸ Регламент Государственной Думы (гл. 13, ст. 119, ч. 8). Взято 15 сентября 2021, с <http://95.173.130.41/duma/about/regulations/chapter-13/>

⁹ Полную версию дискурс-анализа законодательных инициатив в рамках данного исследования см.: Alekseev, D. (2022). Replication data for paper: Cleavages in the Russian legislative process: The experience of factor and discourse analysis. *Harvard Dataverse*. Retrieved March 27, 2022, from <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/DGAERT>

сокращением, через предложения по уменьшению налоговой нагрузки. В качестве примеров можно привести инициативы о снижении НДС, возвращении солидарной пенсионной системы, снижении пенсионного возраста и др. «Единая Россия», напротив, часто вносит законопроекты, направленные на рост доходов бюджета страны, сбережение средств в нем. Так, она поддержала не только инициативы о введении и сохранении курортного сбора, но и принятие бюджета во все последние годы (с учетом некоторых поправок депутатов фракции), передачу контроля над Сбербанком от Центрального банка Правительству.

Если говорить конкретно о *стратегиях аргументации* различных политических фракций, то необходимо отметить, что фракция большинства часто прибегает к рациональным аргументам (в частности, они часто связаны с проблемами финансирования, ростом или снижением доходов федерального бюджета). Например, при рассмотрении законопроектов об уменьшении НДС она апеллирует к невозможности компенсировать выпадающие расходы из федерального бюджета, а его повышение было направлено на обеспечение финансирования здравоохранения, образования, майских указов Президента:

«Основной целью повышения налога на добавленную стоимость, точнее, не повышения, а возвращения его к тем цифрам, которые были до 2004 г., являлось... увеличение финансирования инфраструктуры здравоохранения, образования, демографической политики... Комитет по бюджету и налогам обращает внимание, что столь существенное сокращение доходов федерального бюджета ограничит возможности финансирования расходных обязательств государства» (А.З. Фаррахов, «Единая Россия») ¹⁰.

Схожая аргументация была представлена в ходе обсуждения законопроекта об эксперименте по введению курортного сбора. Главным аргументом в поддержку нового сбора стала необходимость в денежных средствах для совершенствования курортной инфраструктуры:

«В законопроекте предлагается определить полномочия органов государственной власти и местного самоуправления, необходимые для его реализации... не может составлять более 100 рублей за сутки пребывания и может быть дифференцирован» (О.С. Хацаев, Правительство) ¹¹;

«А что, эта тема не важна для Золотого кольца, для Байкала, для Волги? Приезжают миллионы иностранных туристов – почему они не должны платить туристический сбор, разве это не пойдет на благо нашим городам?!» (А.М. Макаров, «Единая Россия») ¹².

Из этих фрагментов также видно, что аргументы Правительства и «единороссов» достаточно близки, хотя в некоторых случаях они могут использовать разные стратегии интенсификации. Оба аргумента касаются доходов городов и органов местного самоуправления, однако их подача совершенно разная. Представитель Правительства излагает фактуру, акцентируя внимание на таких топиках, как: необходимость формирования новых источников финансиру-

¹⁰ Стенограмма заседания Государственной Думы (2020, 16 декабря). Взято 8 февраля 2022, с <http://transcript.duma.gov.ru/node/5567/>

¹¹ Стенограмма заседания Государственной Думы (2017, 23 июня). Взято 8 февраля 2022, с <http://transcript.duma.gov.ru/node/4692/>

¹² Там же.

ния развития курортной инфраструктуры; небольшой размер сбора; передача основных полномочий по регулированию в субъекты Федерации. Председатель комитета Думы по бюджету и налогам в свою очередь использует эмоциональные высказывания, взывает к справедливости, используя риторические вопросы и т. д. При этом отсылка к позиции Правительства и Государственно-правового управления Президента сама по себе может быть аргументом в пользу принятия или отклонения законопроекта. Например, при рассмотрении трех альтернативных законопроектов по переносу единого дня голосования в конце выступления от комитета Д. В. Ламейкин отметил, что Правительство и профильный Комитет Совета Федерации не поддерживают проекты законов¹³.

Кроме того, во «властном» дискурсе наблюдается еще и попытка разделить ответственность между Правительством, Государственной Думой, субъектами и муниципальными образованиями за непопулярную инициативу. Приглашая к дальнейшей совместной работе, представитель Правительства, в сущности, предлагает стать соавторами критикуемой инициативы, таким образом уводя часть общественного недовольства от органов исполнительной власти:

«Все замечания и предложения, которые поступят от фракций и комитетов Государственной Думы, мы планируем внимательно вместе с вами изучить и максимально учесть ко второму чтению» (О. С. Хацаев, Правительство)¹⁴.

Такая стратегия логична, поскольку любые инициативы, связанные с новыми сборами, налогами, расходами граждан и бизнеса, априори непопулярны. В данном случае на обсуждении законопроекта присутствовали и мэры курортных городов, а глава Сочи А. Н. Пахомов¹⁵ даже выступил в поддержку инициативы.

Парламентская оппозиция, хотя и использует конкретные аргументы, все же делает ставку на критику инициатив «Единой России», эмоциональные высказывания и аргументы, апеллирующие к чувству справедливости. Отчасти это связано с популизмом, в том или ином виде присущим всем оппозиционным фракциям. В качестве примера приведем высказывание о том, как коммунисты обосновывали возможности компенсации выпадающих доходов, которые будут иметь место после снижения НДС:

«Мы знаем о золоченых лестницах в «Роснано», знаем о миллиардах, переведенных «Сколково» Массачусетскому университету за консультационные услуги, и о 47 миллиардах, выведенных из «Роснано» в офшорные зоны, в фирмы-однодневки... у нас «Бинбанк» и банк «Открытие» оздоравливались за 800 миллиардов рублей... ни одна шахта, которую обанкротил «Бинбанк», не получила ни одной копейки, понимаете?!» (Н. В. Коломейцев, КПРФ)¹⁶.

С одной стороны, коммунисты указывают на возможные источники компенсации выпадающих расходов, с другой – депутат апеллирует к большим

¹³ Стенограмма заседания Государственной Думы (2020, 4 февраля). Взято 8 февраля 2022, с <http://transcript.duma.gov.ru/node/5384/>

¹⁴ Стенограмма заседания Государственной Думы (2017, 23 июня). Взято 8 февраля 2022, с <http://transcript.duma.gov.ru/node/4692/>

¹⁵ Был главой города Сочи на момент рассмотрения законопроекта (23 июня 2017 г.).

¹⁶ Стенограмма заседания Государственной Думы (2020, 16 декабря). Взято 8 февраля 2022, с <http://transcript.duma.gov.ru/node/5567/>

тратам на содержание государственных корпораций, на неправильную политику Центрального банка. Все эти аргументы в системе употребляются фракцией КПрФ и призваны не сколько изменить ситуацию, сколько привлечь внимание к проблеме и показать, что фракция большинства не предпринимает никаких действий для ее решения.

Следует отметить, что фракция большинства и оппозиция часто используют сходные аргументы и данные, однако трактуют их по-разному. Ярким подобным примером является рассмотрение законопроектов о переносе единого дня голосования. «Единая Россия» здесь придерживалась консервативных позиций, настаивая на том, что избиратель уже привык к проведению ЕДГ в сентябре:

«...Частая смена дня выборов негативно влияет на явку избирателей, а ныне существующая дата единого дня голосования – она, кстати, не так давно у нас принята, менее семи лет назад – за прошедшие годы в принципе стала уже привычной для нашего избирателя» (Д.В. Ламейкин, «Единая Россия») ¹⁷.

КПрФ также апеллирует к консервативной позиции, например, ЕДГ должен проводиться в марте, поскольку до 2012 г. это было именно так ¹⁸. Здесь можно увидеть критику и в адрес фракции ЛДПР, которая часто апеллирует к опыту имперской России как к позитивному, а здесь вдруг решила предложить перенести ЕДГ на рабочий день. Это вызвало непонимание, ведь *«даже выборы в Учредительное собрание и земские соборы проводили всегда по выходным дням, это не советская власть придумала»* (Н.В. Коломейцев, КПрФ) ¹⁹. Таким образом, опытные депутаты довольно легко могут трактовать сходные данные и тезисы по-разному, в зависимости от политической ситуации. Наличие во фракции депутатов, которые легко оперируют любой фактурой и могут выступить практически по любой теме, крайне важно, особенно если речь идет об оппозиции.

Отметим, что все фракции в парламенте ссылаются на статистические данные, исторические факты, зарубежный опыт. В частности, «Справедливая Россия» привела расчеты, согласно которым выпадающие доходы от снижения НДС можно компенсировать, в том числе за счет экспортеров сырья. Также интересно, что в рамках одного и того же вопроса обе стороны обращаются к зарубежному опыту, но либо трактуют его по-разному, либо «подгоняют» кейсы под обоснование собственных инициатив. Так, в случае с законопроектами о снижении НДС оппозиция апеллировала в первую очередь к примерам, где НДС вообще отсутствует (США, Австралия):

«Кстати, могу сказать, что в Соединенных Штатах Америки, Японии, Австралии, Канаде нет такого налога – НДС, а есть налог с продаж... И если мы посмотрим в сравнении с другими странами, то увидим, что самый большой такой налог в Венгрии – 27 процентов, во многих странах он есть,

¹⁷ Стенограмма заседания Государственной Думы (2020, 4 февраля). Взято 8 февраля 2022, с <http://transcript.duma.gov.ru/node/5384/>

¹⁸ С 2006 по 2012 гг. было два единых дня голосования: второе воскресенье марта и второе воскресенье октября последнего года полномочий соответствующего органа власти.

¹⁹ Стенограмма заседания Государственной Думы (2020, 4 февраля). Взято 8 февраля 2022, с <http://transcript.duma.gov.ru/node/5384/>

но в большей части стран все-таки налог на добавленную стоимость гораздо ниже» (В. А. Ганзя, КПРФ)²⁰.

В свою очередь Правительство в заключении к законопроекту отмечает, что применение НДС «соответствует международной практике».

Говоря о стратегии интенсификации высказываний, отметим, что парламентская оппозиция регулярно использует довольно агрессивную, идеологизированную риторику, часто задавая провокационные вопросы фракции большинства. Одним из примеров является фактически обвинение от депутата фракции КПРФ седьмого созыва в том, что «Единая Россия» не хочет перенести ЕДГ, т. к. ей невыгоден потенциальный рост явки:

«Вот скажите, пожалуйста, вы намеренно держитесь так за эту дату, чтобы меньше избирателей приходило на избирательные участки?» (В. А. Ганзя, КПРФ)²¹.

Данное высказывание можно интерпретировать как скрытое обвинение в том, что у «Единой России» практически не осталось аргументов в пользу удержания большинства, кроме как пересмотра законодательства в своих интересах.

Подтверждают эти тезисы и то, как агрессивно, единым фронтом оппозиционные фракции выступили против внесения во втором чтении поправок о возможности голосования в течение трех дней. При этом, применяя довольно резкие определения и метафоры, угрожая революцией и ответом за принятые решения в будущем:

«...Хотите резать хвост по частям (я о демократических выборах) – да пожалуйста. Возьмем китайский опыт: одна партия, один путь и стопроцентная ответственность. Только тогда не забывайте: к стенке коррупционеров, а может быть, и весь съезд, как в советские времена было» (О. А. Нилов, «Справедливая Россия»)²².

Таким образом, депутат фактически утверждает, что многие депутаты «Единой России» могут быть едва ли не посажены в тюрьму за коррупцию и неверные управленческие решения. При рассмотрении данного вопроса особое значение имеет контекст. Законопроект был внесен еще в 2012 г., и в первом чтении принят в редакции, где о голосовании в течение трех дней не упоминалось. Речь шла лишь о наделении политических партий правом отзыва своих представителей из избирательных комиссий. В первом чтении законопроект был поддержан парламентской оппозицией. Спустя 8 лет законопроект был принят со значительными поправками, которые фактически меняли его концепцию. Среди них была и поправка о голосовании в течение трех дней. Разумеется, во втором чтении законопроект был принят только голосованием фракции большинства. Так, посредством использования конкретной законодательной технологии получилось избежать дискуссии по концепции законопроекта.

²⁰ Стенограмма заседания Государственной Думы (2020, 16 декабря). Взято 8 февраля 2022, с <http://transcript.duma.gov.ru/node/5567/>

²¹ Стенограмма заседания Государственной Думы (2020, 4 февраля). Взято 8 февраля 2022, с <http://transcript.duma.gov.ru/node/5384/>

²² Стенограмма заседания Государственной Думы (2020, 21 июля). Взято 8 февраля 2022, с <http://transcript.duma.gov.ru/node/5497/>

Фракция большинства, напротив, часто смягчает риторику и готова идти на уступки, обсуждать с оппозицией ее инициативы. Например, было на неделю перенесено рассмотрение законопроекта в третьем чтении, который содержал новеллы о трехдневном голосовании. При рассмотрении законопроектов оппозиционных фракций о переносе ЕДГ содокладчик от «Единой России» согласился, что необходимо со временем вернуться к этому вопросу. При рассмотрении законопроекта об эксперименте по введению курортного сбора представитель Правительства пригласил к доработке законопроекта все фракции и обещал учесть их мнение при подготовке инициативы ко второму чтению. Однако все эти уступки носят ограниченный характер и не касаются концепций законопроектов.

Отметим, что другого подхода требует исследование размежеваний между оппозиционными фракциями, поскольку таких случаев меньше, но они могут оказаться существенными для оценки идеологической позиции партий. Результаты, полученные по итогам факторного анализа, фиксируют размежевания между ЛДПР и КПРФ по темам, касающимся исторической политики (например, взгляд на Октябрьскую революцию, пакт Риббентропа-Молотова). Значительные размежевания были выявлены между КПРФ и остальными оппозиционными партиями по вопросам ограничений в целях нераспространения коронавирусной инфекции.

Дискурс-анализ показал противоречия между парламентской оппозицией в части сроков проведения ЕДГ. Все рассматриваемые альтернативные законопроекты предлагали разные даты, на которые его стоит перенести. В ходе обсуждения на пленарном заседании оппозиционные фракции критиковали в том числе и друг друга. В частности, докладчик от «Справедливой России» отмечал важность агитационного периода, а значит, ЕДГ в марте (предложение КПРФ) не подходит, т.к. период агитации придется на самое холодное время года. Интерпретация результатов факторного анализа еще раз подтверждает, что именно КПРФ является главной легальной оппозиционной силой в России на сегодняшний день. При этом позиция коммунистов часто сходна с мнением депутатов фракции «Справедливая Россия». Вместе они образуют «левый полюс» в российской политической системе.

В итоге дискурс-анализ отдельных законодательных инициатив, показывающих наибольшую степень размежевания партийных позиций, помог выявить ряд особенностей дискурсивных стратегий и риторики фракции большинства и парламентской оппозиции.

1. Усилия «Единой России» и Правительства часто направлены не только на смягчение негативной риторики и аргументов оппонентов, но и на перераспределение ответственности между различными институтами за принятие и реализацию непопулярной законодательной инициативы. Исполнительная власть играет весомую роль при принятии решений в ходе законодательного процесса, ее позиция является существенной частью контекста вокруг законодательного процесса.

2. Фракция большинства и парламентская оппозиция часто используют сходную аргументацию и данные, но интерпретируют их по-разному.

3. Парламентская оппозиция часто использует обвинительную риторику, критикует политику Правительства и решения фракции большинства, предлагая

собственные, часто популистские альтернативы. В то же время «Единая Россия» зачастую смягчает риторику, демонстрируя готовность к диалогу и компромиссам, которые, впрочем, носят ограниченный, непринципиальный характер.

4. Целью дискурсивных стратегий «Единой России» является сохранение статус-кво, а парламентская оппозиция в рамках дискурса вокруг ряда инициатив стремится его изменить. Именно из-за этого образуются размежевания.

Выводы

Анализ размежеваний в позициях партий по наиболее важным и актуальным вопросам современной российской политики выявил ряд важных результатов, которые было бы сложно получить без сочетания методов количественного факторного и качественного дискурс-анализа.

В частности, факторный анализ позволил выявить основные размежевания, определяющие характер политического противостояния в Госдуме. Это прежде всего общее «властно-оппозиционное» размежевание, в котором разногласия по внутриполитическим и социально-экономическим вопросам фактически сливаются в единое противостояние между «Единой Россией», выступающей в роли не только «партии власти», но и представительницы либерально-рыночного полюса в социально-экономическом размежевании, и остальными парламентарскими партиями.

В его тени находится противостояние КПрФ как с «Единой Россией», так и со всеми остальными парламентарскими партиями, в первую очередь по вопросам, имеющим отношение к изменению Конституции в 2020 г. и его законодательным последствиям.

Факторные оценки вопросов, вызывающих наибольшую поляризацию позиций во внутрипарламентарской дискуссии, позволили выявить темы, по которым «Единая Россия» и парламентарская оппозиция расходятся в наибольшей степени. Это прежде всего сюжеты, касающиеся изменения избирательного законодательства и бюджетно-налоговой политики государства.

Определить дискурсивные стратегии и цели политических сил существенно помог дискурс-анализ высказываний политиков в публичных идеологически поляризованных дискуссиях. Так, при рассмотрении законопроектов на пленарных сессиях Думы главной целью «Единой России» была не столько поддержка законопроекта, сколько нивелирование критики и возможного негатива, возникающего вокруг инициативы. Оппозиция, напротив, ставила цель максимально привлечь внимание к недостаткам законопроектов Правительства и «Единой России», а также как можно ярче подчеркнуть свое несогласие.

При внесении проектов законов оппозицией их главной задачей становится репрезентация своих взглядов и идей потенциальному избирателю, выставление напоказ своей «эффективности» в обеспечении представительства граждан в парламенте. В рамках стратегии интенсификации она использует более эмоциональную и даже жесткую риторику, в отдельных фрагментах стенограмм отсутствуют повествовательные предложения, речь наполнена сравнениями и метафорами. Фракция большинства скорее прибегает к рациональным аргументам (например, обращается к отсутствию средств в бюджете, регулированию проблемы на уровне подзаконных актов и др.), ее риторика менее эмоциональ-

на (хотя совместно с Правительством они могут комбинировать разные тактики в рамках стратегии интенсификации).

Говоря о стратегии аргументации, необходимо отметить, что и фракция большинства, и оппозиция могут применять сходные доводы и факты, но интерпретировать их по-разному. Такая ситуация часто происходит с апелляциями к истории и зарубежному опыту. В целом можно сказать, что фракция большинства скорее обращается к рациональному началу избирателя, а парламентская оппозиция – к эмоциональному.

Исследование показало, что, несмотря на частую предопределенность результатов голосования, дискурсивные стратегии, смысловое наполнение и стилистика аргументации политических акторов имеют значение, поскольку помогают осознать содержательную сторону понимания и формулирования партиями социально-политических размежеваний в обществе. Исследуя эти явления и процессы, мы приоткрываем занавес, за которым видим настоящие цели конкретных высказываний или принятых решений.

Список литературы

1. Гельман, В.Я. (2013). *Из огня да в полымя: Российская политика после СССР*. СПб.: БХВ-Петербург.
2. Глейзнер, Дж., Чейсти, П. (1999). *Российская Государственная Дума: структура, деятельность и эволюция в период 1993–1998 годов*. М.: Московский общественный научный фонд.
3. Коргунюк, Ю.Г. (2017). Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения. *Политическая наука*, (1), 90–119.
4. Коргунюк, Ю.Г. (2019). Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения. *Полис. Политические исследования*, (6), 95–112. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.08>
5. Медведев, Н.П. (2016). Межпартийные конфликты как источник общественно-политического развития. *Вопросы национальных и федеративных отношений*, (4), 52–60.
6. Панов, П.В., Сулимов, К.А. (2021). Партия власти и системная оппозиция в Государственной думе: конвергенция публичной риторики. *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 13(4), 516–535. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2021-4-516-535>
7. Помигуев, И.А. (2016). Законодательный процесс в России: Отсутствие решения – тоже решение? *Россия и современный мир*, (1), 81–93.
8. Помигуев, И.А. (2017). Руководство Государственной думы: Возвращение к советскому прошлому? *Политическая наука*, (3), 105–120.
9. Помигуев, И.А., Алексеев, Д.В. (2021). Обнуление законопроектов: дисконтинуитет как технология блокирования политических решений. *Полис. Политические исследования*, (4), 176–191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13>
10. Помигуев, И.А., Фомин, И.В., Мальцев, А.М. (2021). Сетевой подход в законодательных исследованиях: перспективные методы качественного и количественного анализа парламентской деятельности. *Политическая наука*, (4), 31–59. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.02>

11. Andeweg, R.B. (2013). Parties in Parliament: The blurring of opposition. In W. Müller, & H. Narud (Eds.), *Party governance and party democracy*. New York: Springer.
12. Budge, I. (1987). The internal analysis of election programmes. In I. Budge, D. Robertson, & D. Hearl (Eds.), *Ideology, strategy and party change: Spatial analyses of post-war election programmes in 19 democracies* (pp. 15–38). Cambridge: Cambridge University Press.
13. Budge, I., & Homola, J. (2016). How far have European political parties followed the Americans to the right in the later post-war period? A textual analysis. *Cambio. Rivista Sulle Trasformazioni Sociali*, 2(4), 71–85. <https://doi.org/10.13128/cambio-19435>
14. Korgunyuk, Yu. (2014). Cleavage theory and elections in post-Soviet Russia. *Perspectives on European Politics and Society*, 15(4), 401–415. <http://dx.doi.org/10.1080/15705854.2014.881051>
15. Korgunyuk, Yu. (2020). Issue dimensions and cleavages: How the Russian experience helps to look for cross-points. *Russian Politics*, 5(2), 206–235. <https://doi.org/10.30965/24518921-00502004>
16. Laclau, E., & Mouffe, S. (1994). *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. London: Verso.
17. Lipset, S.M., & Rokkan, S. (1967). Cleavage structures, party systems, and voter alignments: An introduction. In S.M. Lipset, & S. Rokkan (Eds.), *Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives* (pp. 1–64). New York: Free Press.
18. Matytsina, M.S., Prokhorova, O.N., & Chekulai, I.V. (2020). Media construction of the immigrant's image: Specifics of discourse strategies (based on the content of a Facebook group and articles in the Daily Mail). *Professional Discourse & Communication*, 2(3), 23–44. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2020-2-3-23-44>
19. Reisigl, M., & Wodak, R. (2009). The discourse-historical approach. In R. Meyer, & R. Wodak (Eds.), *Methods of critical discourse analysis* (pp. 103–137). London: Sage.
20. Remington, T. (2008). Patronage and the party of power: President–Parliament relations under Vladimir Putin. *Europe-Asia Studies*, 60(6), 959–987. <https://doi.org/10.1080/09668130802161215>

References

1. Andeweg, R.B. (2013). Parties in Parliament: The blurring of opposition. In W. Müller, & H. Narud (Eds.), *Party governance and party democracy*. New York: Springer.
2. Budge, I. (1987). The internal analysis of election programmes. In I. Budge, D. Robertson, & D. Hearl (Eds.), *Ideology, strategy and party change: Spatial analyses of post-war election programmes in 19 democracies* (pp. 15–38). Cambridge: Cambridge University Press.
3. Budge, I., & Homola, J. (2016). How far have European political parties followed the Americans to the right in the later post-war period? A textual analysis.

Cambio. Rivista Sulle Trasformazioni Sociali, 2(4), 71–85. <https://doi.org/10.13128/cambio-19435>

4. Gelman, V. Ya. (2013). *Iz ognja da v polymja: Rossijskaja politika posle SSSR* [From fire to fire: Russian policy after the USSR]. Saint Petersburg: BHV-Petersburg.

5. Gleisner, J., & Chasty, P. (1999). *Rossijskaja Gosudarstvennaja Duma: struktura, dejatel'nost' i jevoljucija v period 1993–1998 godov* [Russian State Duma: Structure, activity and evolution in the period 1993–1998]. Moscow: Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond.

6. Korgunyuk, Yu. (2014). Cleavage theory and elections in post-Soviet Russia. *Perspectives on European Politics and Society*, 15(4), 401–415. <http://dx.doi.org/10.1080/15705854.2014.881051>

7. Korgunyuk, Yu. (2020). Issue dimensions and cleavages: How the Russian experience helps to look for cross-points. *Russian Politics*, 5(2), 206–235. <https://doi.org/10.30965/24518921-00502004>

8. Korgunyuk, Yu.G. (2017). Vybory po proporcional'noj sisteme kak massovyj opros obshhestvennogo mnenija [Elections by a proportional system as a mass public opinion poll]. *Politicheskaya nauka*, (1), 90–119.

9. Korgunyuk, Yu.G. (2019). Koncepcija razmezhevanij i teorija problemnyh izmerenij: tochki peresechenija [Cleavage theory and theory of issue dimensions: Cross-points]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (6), 95–112. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.08>

10. Laclau, E., & Mouffe, S. (1994). *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. London: Verso.

11. Lipset, S.M., & Rokkan, S. (1967). Cleavage structures, party systems, and voter alignments: An introduction. In S.M. Lipset, & S. Rokkan (Eds.), *Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives* (pp. 1–64). New York: Free Press.

12. Matytsina, M.S., Prokhorova, O.N., & Chekulai, I.V. (2020). Media construction of the immigrant's image: Specifics of discourse strategies (based on the content of a Facebook group and articles in the Daily Mail). *Professional Discourse & Communication*, 2(3), 23–44. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2020-2-3-23-44>

13. Medvedev, N.P. (2016). Mezhpartiynye konflikty kak istochnik obshhestvenno-politicheskogo razvitija [Inter-party conflicts as a source of sociopolitical development]. *Voprosy nacional'nyx i federativnyx otnoshenij*, (4), 52–60.

14. Panov, P.V., & Sulimov, K.A. (2021). Partiya vlasti i sistemnaya oppozitsiya v Gosudarstvennoj dume: konvergentsiya publichnoy ritoriki [Party of power and systemic opposition in the State Duma: Toward convergence of public rhetoric]. *Ars Administrandi*, 13(4), 516–535. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2021-4-516-535>

15. Pomiguyev, I.A. (2016). Zakonodatel'nyy protsess v Rossii: Otsutstviye resheniya tozhe resheniye? [Legislative process in Russia: No decision is also a decision?]. *Rossiya i sovremennyy mir*, (1), 81–93.

16. Pomiguyev, I.A. (2017). Rukovodstvo Gosudarstvennoj dумы: Vozvrashcheniye k sovetskomu proshlomu? [The leadership of the State Duma: Vozvrashcheniye k sovetskomu proshlomu?]

Coming back to the Soviet past?]. *Politicheskaya nauka*, (3), 105–120.

17. Pomiguyev, I. A., & Alekseev, D. V. (2021). Obnulyeniye zakonoproektov: diskontinuitet kak tekhnologiya blokirovaniya politicheskix resheniy [Resetting bills: Discontinuity as a political technology for blocking policy decision]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), 176–191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13>

18. Pomiguyev, I. A., Fomin, I. V., & Maltsev, A. M. (2021). Setevoy podkhod v zakonodatel'nykh issledovaniyakh: perspektivnyye metody kachestvennogo i kolichestvennogo analiza parlamentskoy deyatelnosti [Network approach in legislative studies: Methodological prospects for qualitative and quantitative analysis of parliamentary activity]. *Politicheskaya nauka*, (4), 31–59. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.02>

19. Reisigl, M., & Wodak, R. (2009). The discourse-historical approach. In R. Meyer, & R. Wodak (Eds.), *Methods of critical discourse analysis* (pp. 103–137). London: Sage.

20. Remington, T. (2008). Patronage and the party of power: President–Parliament relations under Vladimir Putin. *Europe-Asia Studies*, 60(6), 959–987. <https://doi.org/10.1080/09668130802161215>

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Алексеев, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0576-0899>, e-mail: mityaalexeev@yandex.ru

Юрий Григорьевич Коргунюк, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2131-8152>, e-mail: partinform@mail.ru

Илья Александрович Помигуев, кандидат политических наук, доцент департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; доцент департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ; научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3068-5664>, e-mail: pomilya@mail.ru

Information about the authors

Dmitry Vladimirovich Alekseev, Post-graduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0576-0899>, e-mail: mityaalexeev@yandex.ru

Yuri Georgievich Korgunyuk, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2131-8152>, e-mail: partinform@mail.ru

Ilya Alexandrovich Pomiguyev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, National Research University - Higher School of Economics (HSE University); Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3068-5664>, e-mail: pomilya@mail.ru

ДИСКУРСИВНАЯ МОДЕЛЬ ЖЕНЩИНЫ В СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ПРЕССЕ*

Татьяна Викторовна Дубровская,

Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия,
gynergy74@gmail.com

Статья поступила в редакцию 04.05.2022, принята к публикации 29.08.2022

Для цитирования: Дубровская Т. В. Дискурсивная модель женщины в советской детской прессе // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 3. С. 36–53. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_36

Аннотация

Цель статьи – выстроить дискурсивную модель женщины в советской детской прессе на материалах журнала «Пионер» 1970–1980-х гг. Автор обращается к объекту исследования в ключе позитивной пропаганды и, опираясь на социальный конструкционизм, дискурс-анализ и мультимодальный анализ, утверждает, что модель советской женщины в детском журнале строилась на основе трех параметров: профессиональный путь, социальная активность, семейная жизнь и личный путь. Репрезентации женщины воспроизводили государственную политику, направленную на ее массовое вовлечение в производство и общественную жизнь. Также женщина представлялась организующим центром семьи и личностью, способной выстоять в самых непростых ситуациях. Эта модель транслировалась посредством различных семиотических ресурсов, включая набор жанров (художественных и нехудожественных) и персоналий, прагматических стратегий, фотографий и иллюстраций. Автором статьи выделяются ключевые стратегии репрезентации: положительно-оценочная, прецизионная, эмоционализации и амбивалентной репрезентации, которые ак-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-00775 «Медиатизированная модель советского общества в детской периодике».

© Дубровская Т. В., 2022

туализировались лексическими и грамматическими ресурсами, мультимодальными комплексами, логикой суждений. Стратегическое применение языковых и мультимодальных средств позволяет утверждать, что репрезентации советской женщины в детском журнале играли не пассивную роль, оправдывая социальные ожидания, а сами конструировали социальные нормы и практики. Таким образом, подрастающее поколение получало аксиологически нагруженные репрезентации, которые транслировали модель общественного устройства и роли женщины, отражали реалии современности и одновременно конструировали желаемые образцы социальных практик в соответствии с государственной политикой для взрослых.

Ключевые слова:

советская пресса, детский журнал, женщина, репрезентация, стратегия, модель, гендер.

UDC 304.4

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_36

DISCURSIVE MODELING OF A WOMAN IN THE SOVIET PERIODICALS FOR CHILDREN

Tatiana V. Dubrovskaya,

Penza State University,
Penza, Russia,
gynergy74@gmail.com

Article received on May 4, 2022, accepted on August 29, 2022

For citation: Dubrovskaya, T.V. (2022). Discursive Modeling of a Woman in the Soviet Periodicals for Children. *Discourse-P*, 19(3), 36–53. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_36

Abstract

Based on the data drawn from the Pioneer magazine of the 1970s and 1980s, the author sets the aim to design a discursive model of the woman in the Soviet children's press. The object of study is explored in terms of positive propaganda. Drawing on social constructionism, discourse analysis and multimodal analysis, it is argued that the model of the Soviet woman in the magazine for children was organised around the three parameters: professional activity, social engagement, and family and personal life. The representations of the woman reproduced the state policy aimed at her massive involvement in production and public life. Also, the woman was recognized as an organizing center of a family and a personality capable of being strong and resilient in the most difficult situations. The model was conveyed through various semiotic resources, including a set

of genres (fiction and non-fiction) and personalities, pragmatic strategies, photos and illustrations. The author pinpoints the key strategies of representation: positive evaluation, precision, emotionalization, and ambivalent representation. They were actualized through lexical and grammatical resources, multimodal complexes, and the logic of narrative. The strategic usage of linguistic and multimodal means indicates that the representations of the Soviet woman in the magazine for children did not play a passive role justifying social expectations. Instead, they were employed to construct social norms and practices. Thus, the younger generation received axiologically charged representations that translated the model of the social structure and the role of the woman, reflected the modern realities and at the same time set the desired patterns of social practices in accordance with state policy for grown-ups.

Keywords:

Soviet press, children's magazine, woman, representation, strategy, model, gender.

Введение

Традиционно детская периодика советского времени рассматривается в научной литературе исключительно как инструмент политической идеологии и пропаганды (Каменская, Трофимов, 2012; Remington, 1981 и др.). При этом пропаганда понимается как механизм, который направлен «на создание иллюзорной, параллельной реальности, выгодной пропагандисту, с перевернутой системой ценностей, убеждений, взглядов с целью манипулирования общественным сознанием в интересах узкой группы лиц» (Мельникова, 2010, с. 49). В связи с тем, что за термином «пропаганда» прочно закрепилась негативная коннотация, исследователи стали пользоваться еще одним обозначением – позитивная пропаганда – для характеристики стратегических действий, которые оказывают положительное воздействие на общество (Vişu et al., 2014). Полагаем, что концепция негативной пропаганды значительно ограничивает понимание советских детских СМИ и упрощает принципы общественного устройства, приписывая детским журналам исключительно стремление исказить действительность и манипулировать сознанием в политических целях. Мы обращаемся к объекту исследования в ключе позитивной пропаганды, осознавая в полной мере воздействующий потенциал СМИ, но не считая его деструктивным. Скорее, мы исходим из того, что СМИ сами являются продуктом общественного устройства, в котором функционируют, и поэтому самые лучшие намерения создателей издания не могут реализовываться вне социально-исторического контекста и несут на себе его отпечаток. Иными словами, мы рассматриваем объект исследования в русле социального конструкционизма, который «обращен к способам, посредством которых знание контекстуализировано исторически и встроено в культурные ценности и практики» (Samargo-Borges & Rasera, 2013, p. 2). Конструкционистский подход обуславливает применение критического дискурс-анализа (Fairclough, 2004) и мультимодального анализа, обращенного к визуальным компонентам оформления материалов. Изучение медийных репрезентаций методом дискурс-

анализа позволяет реконструировать общественные представления о разных аспектах социальных структур.

В данном исследовании мы ставим **цель** выстроить дискурсивную модель советской женщины в советской детской прессе. В нашем понимании **дискурсивная модель** – это набор принципиальных содержательных характеристик некоторого объекта социальной действительности и совокупность типичных прагматических и мультимодальных ресурсов (жанров, тем, стратегий, лексических и грамматических средств, иллюстраций), актуализирующих выделенные содержательные характеристики в дискурсе. Из такого подхода вытекает алгоритм работы с материалом, который предусматривает:

- определение журнальных жанров, представляющих фигуру женщины и ключевые аспекты ее жизни;
- выделение основных дискурсивных стратегий и анализ выбора лексических единиц и грамматических конструкций, используемых в суждениях о женщинах и, как следствие, в создании социальных импликаций;
- определение роли иллюстраций, их дискретных элементов и характера их взаимосвязи с текстовым компонентом;
- выявление на основе перечисленных шагов набора принципиальных характеристик обобщенной модели женщины в журнале.

Гендерные отношения в СССР и собственно фигура женщины представляют собой сложившийся и постоянный объект изучения социологов и историков. О существовании исторической феминологии пишет А.Г. Аринов (2021). Издаются зарубежные коллективные труды, в которых обсуждается целый ряд вопросов, связанных с жизнью женщин в СССР: судьбы революционерок, оплата труда, эмансипация, особенности жизни женщин в разных регионах, участие и роль женщин в военных действиях во время Великой Отечественной войны (Ilic, 2018).

Интересна коллекция интервью с советскими социологами, подготовленная британским политологом М. Бакли на закате советской эпохи (Buckley, 1986). Она обсуждает с информантами такие важные для советского общества вопросы, как равенство полов, материнство, участие женщин в производстве, идеалы красоты, семейные отношения, трансформации роли женщины и т. д. Весьма востребован диахронический взгляд на «женский вопрос». О.А. Хасбулатова и И.Н. Смирнова (2022) обсуждают в диахроническом аспекте российскую модификацию женского вопроса, в частности противоречие между юридической нормой о равноправии и социальными установками на традиционное распределение ролей. М.Р. Торбург и С.В. Добронравов (2021) обращаются к эволюции образа женщины-руководительницы в советском кино в связи с историческим контекстом и заявляют о сохранении патриархальных предрассудков в советском обществе, в том числе и воспроизводимых в художественных образах.

Исследователи выделяют разные ролевые модели женщины, такие как женщина-солдат, женщина-мать/работающая мать, женщина-руководитель (Аринов, 2021; Mesroulet, 2006; Фортунатов, Бесчасная, 2022 и др.).

Поскольку в центре нашего исследования находятся медийный дискурсивный конструкт и языковые средства его конструирующие, отдельно отметим в обзоре работы, в которых советская гендерная ситуация изучается посредством анализа медийных текстов. Участие женщин в Великой Отечественной войне

и образ военнослужащих-женщин, как он представлен на страницах советской военной периодической печати, обсуждает А. Г. Аринов (2021). Ученый пишет о значительном сохранении дискриминационных практик, в рамках которых женщину удостоивали только вспомогательной роли в войне. Объемное исследование О. Д. Минаевой посвящено роли женских журналов «Работница» и «Крестьянка» в эмансипации советских женщин на заре советской власти. Анализируя тиражи журналов, особенности их распространения, специфику контента (типичные рубрики и их типичное содержательное наполнение), исследовательница делает вывод об уникальном опыте советской печати, которая сыграла в деле эмансипации женщин «роль катализатора, активно и изобретательно влияя на умы и сердца женской аудитории» (Минаева, 2015, с. 214).

Что касается детских изданий, то проблема гендера исследовалась преимущественно на материале художественной литературы для детей, в том числе в связи с вопросами болезней, футуристической картины жизни, а также способами организации текста (Сенне, 2021; Тернополь, 2021; Сергиенко, 2021). К периодической печати обращается М. А. Сазоненко (2020), которая рассматривает игровые материалы и материалы для творчества в детских журналах разных периодов советского времени и вполне резонно утверждает, что «журналы и газеты в советское время были самым доступным и популярным источником информации и пропаганды для советских детей», а «изменения в области гендерных установок находили свое отражение в мире детства», в том числе в детской прессе (с. 395–396). Исследовательница приходит к выводу о четком гендерном разделении детских игр и видов деятельности и отражении в них доминирующих в обществе гендерных установок (с. 409).

Отметим, однако, что исследователи практически не обращаются к собственно языковым и мультимодальным ресурсам, реализующим издательские стратегии. Полагаем, что изучение этого аспекта детских журналов открывает перспективы для осмысления опыта советского государства и советской повседневности с точки зрения потенциала детской прессы в воспроизведении и конструировании социальных практик.

Источником данных настоящего исследования выступают материалы журнала «Пионер» за период с 1970 по 1988 гг. Эти десятилетия часто выделяются как единый период советского прошлого в рамках разных наук. В зависимости от подхода его характеризуют как время после хрущевской оттепели, период развитого социализма или период застоя. Стремясь избежать применения каких-либо ярлыков, отметим, что для нас важнее единый историко-идеологический контекст, объединяющий эти годы. Надо сказать, что уже в журналах 1987–1988 гг. наблюдается некоторый идеологический сдвиг и отчасти смена тематики и риторики, вызванные процессом перестройки в СССР. Поэтому именно 1988 г. завершает рассматриваемый период. Общее количество исследованных контекстов – 112 шт., включая как текстовые, так и мультимодальные (текст плюс иллюстрация). Из публикаций разных жанров отбирались контексты, содержащие такие репрезентации женщин, которые представлялись нам значимыми с точки зрения актуализации гендерно маркированных социальных практик. В некоторых случаях эти контексты были эксплицитно маркированы как таковые автором или героями публикаций, в других ситуациях мы полагались на интроспекцию. Используемые в статье речевые примеры подобраны

так, чтобы, во-первых, наглядно иллюстрировать выдвигаемые положения и, во-вторых, охватить обозначенный период хронологически. Наблюдения над речевым материалом и иллюстрациями обобщены ниже в форме качественного анализа. Количественный анализ не проводился.

Параметры дискурсивной модели советской женщины

Качественный анализ содержания материалов журнала позволяет утверждать, что целый набор жанров и типов публикаций дискурсивно конструирует советскую женщину. Такие материалы включают как художественные жанры (рассказы, повести, стихи), так и нехудожественные (статьи, заметки, репортажи, календари, письма ребят, рубрики советов и т. д.). Соответственно, объектами репрезентации становятся как вымышленные персонажи, так и реально существующие героини – известные женщины или обычные жительницы страны, чьи истории представлены на страницах журнала. К примеру, в рубрике «Узел связи», посвященной обсуждению непростых жизненных вопросов, заданных ребятами в письмах, опубликован ответ легендарной летчицы В.С. Гризодубовой («Пионер», 1988, № 2), а в рубрике «Пионерский календарь» («Пионер», 1987, № 5) размещен фоторепортаж школьников «День Победы» с портретами неизвестных женщин-ветеранов (Рисунок 1).

9 мая — Праздник Победы советского народа в Великой Отечественной войне

Фоторепортаж «ДЕНЬ ПОБЕДЫ» восьмиклассника Глеба БАБКИНА и Тимура ГРИБА из фотостудии Минского Дворца пионеров и школьников.

19 мая — День рождения Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.
С днем рождения, пионерия!

Рисунок 1 – Женщины-ветераны («Пионер», 1987, № 5, с. 26)
Figure 1 – Women veterans (Pioneer, 1987, No 5, p. 26)

В результате проведенного анализа установлено, что дискурсивная модель советской женщины, конструируемая в журнале, основана на следующих принципиальных параметрах: профессиональный путь и работа, политическая и социальная активность, семейная жизнь и личный путь. Рассмотрим подробнее прагматингвистические и мультимодальные ресурсы, актуализирующие данные содержательные параметры в дискурсе.

1. Профессиональная занятость. Трудовая занятость представлена в журнале как обязательный компонент жизни женщины, что соответствует фактической ситуации в стране. По данным, которые приводит С.Г. Айвазова, «в 70-е годы доля женщин в общей численности рабочих и служащих, достигнув 51 %, удерживается на этом уровне вплоть до конца 80-х годов. Все это двадцатилетие 70–80-е годы 92 % советских женщин трудоспособного возраста работают и учатся»¹. Что касается мест приложения женского труда, то основным местом выступала промышленность. В то же время велик удельный вес женского труда в сельском хозяйстве, здравоохранении, социальном обеспечении, просвещении, культуре, связи, торговле и общественном питании. Таким образом, женщины работали во всех отраслях народного хозяйства и нередко играли решающую роль в качестве основной рабочей силы².

Такая ситуация находит отражение в журнальных репрезентациях. Женский труд представлен как социальная норма, а охват женских профессий широк – от рабочих и сельскохозяйственных специальностей до работы учителями и актрисами.

Публикация под названием «Мамы» («Пионер», 1975, № 3) несмотря на заголовок, подчеркивающий семейный статус женщин, посвящена именно их профессиональной деятельности:

«В самом деле, мамы работают везде. И за что бы они ни взялись, они стараются все сделать как можно лучше. И дома и у себя на работе. И за это многим из них присвоено звание Героя Социалистического Труда <...> Женщин – Героев Социалистического Труда в нашей стране около пяти тысяч. Вот как работают мамы!» («Пионер», 1975, № 3).

Совмещение советской женщиной домашней нагрузки и труда на производстве обсуждалось отечественными и зарубежными социологами и получило название «контракт работающей матери» (contract of the working mother) (Айвазова, 1998; Mespoulet, 2006). В этом отношении показательна иллюстрация к обсуждаемой статье (Рисунок 2). На рисунке видим строгого вида женщину в деловом платье, очевидно, работающую, которая обнимает двух детей, внешне очень похожих на нее. Заголовок статьи, расположенный на этой же странице, эксплицитно маркирует семейный статус женщины, а ниже расположен лид, сообщающий о том, что «XXVII сессия Генеральной Ассамблеи ООН провозгласила 1975 год Международным годом женщины». Таким образом, создается и продвигается вербально-визуальная модель «работающей матери», актуальная для того времени.

¹ Айвазова, С.Г. (1998). *Русские женщины в лабиринте равноправия*. Взято 20 апреля 2022, с <http://www.owl.ru/win/books/rw/index.htm>

² Там же.

Рисунок 2 – Мамы («Пионер», 1975, № 3, с. 12)
Figure 2 – Mothers (Pioneer, 1975, No 3, p. 12)

В своих репрезентациях «работающей матери» детский журнал не делает акцент на сложности совмещения множества обязанностей, не проблематизирует

положение женщин, а продвигает эмоциональный компонент, выражая чувство гордости и восхищения профессиональными успехами мам. В примере, приведенном выше, **положительно-оценочная стратегия** актуализируется посредством выбора лексики с семантикой преодоления (*стараются*), семантикой успеха (*звание Героя*), а также с помощью восклицательного предложения (*Вот как работают мамы!*), выражающего эмоциональное отношение говорящего к пропозиции высказывания. Кроме того, можно говорить об использовании **прецизионной стратегии**, которая состоит в указании точных цифр (*около пяти тысяч*), придающих вес суждениям автора.

В списке героинь, имеющих почетное звание Героя Социалистического Труда, перечислены поездной диспетчер, аппаратчица консервного комбината, рабочая литейного цеха, строитель, телеграфистка. Однако авторы материала обращают внимание и на возможность карьерного роста женщин в СССР, перечисляя целый ряд названий руководящих должностей:

«Сейчас в Верховном Совете СССР каждый третий депутат – женщина. А в районных и городских Советах – половина женщин. Вы и сами знаете, сколько у нас есть женщин министров, женщин директоров крупных фабрик и заводов, директоров институтов и школ, председателей колхозов» («Пионер», 1975, № 3).

Тем самым выстраивается концепция советской женщины, добившейся успеха своими силами, через учебу и упорный труд. При этом авторы материала подчеркивают и роль государства. Суждение в сослагательном наклонении конструирует альтернативную реальность, в которой у женщин нет возможности для саморазвития и которая противопоставлена советской действительности, описанной уже в наклонении изъявительном:

«Но ваши мамы не могли бы учиться, работать и заниматься государственными делами, если бы страна о них не заботилась, не облегчала их домашние заботы. Мама может спокойно работать, потому что знает, что ее маленькие дочка или сын – в яслях и детском саду. Ей не нужно платить за учебу и лечение своих ребят-школьников...» («Пионер», 1975, № 3).

Независимо от рода деятельности профессиональный путь советской женщины представлен как сложный, но благодарный и приносящий удовлетворение, что соотносится с государственной идеологией о советском человеке, управляющем своей жизнью.

Советская работающая женщина, впрочем, не лишена типичных феминных характеристик. В основе следующего описания рабочей атмосферы на ферме лежит развернутая метафора семьи с обширной положительно-оценочной лексикой (выделена в тексте жирным шрифтом), которая не только выстраивает аналогию «рабочее место = семья», но и создает общую картину благополучия и личного уважения, транслируемую от автора читательской аудитории:

«Наш совхоз «Семяновский» в основном животноводческий. Большая молочная ферма, большое стадо – 1000 коров. И замечательные доярки! Есть среди них такие знаменитые, как Нина Петровна Мирошниченко, делегат XXVI съезда КПСС. Если в среднем доярка надаивает от одной коровы 2600 литров, то наша Нина Петровна не сдаст меньше 3000–3200 литров! На ферме у них тепло, чисто, все доярки живут дружной семьей, ухаживают за животными как-то по-особому, заботливо, и у них телята всегда здоровы» («Пионер», 1982, № 9).

В приведенном примере отметим также применение прецизионной стратегии (1000 коров, от одной коровы 2600 литров, 3000–3200 литров). С точки зрения прагматингвистики, комбинация прецизионной и положительно-оценочной стратегий позволяет совместить репрезентации фактов с их оценкой.

Труд простых доярок репрезентируется как почетный, заслуживающий уважения и славы, а ссылка на то, что знаменитая доярка является делегатом съезда партии, свидетельствует о признании ее заслуг на государственном уровне.

2. Политическая и социальная активность. Участие женщин в политической и социальной деятельности, в принятии коллективных решений образует еще один важный аспект рассматриваемой модели. Отмечается участие женщин в съездах партии, их членство в Верховном Совете СССР и муниципальных органах управления. Жанры, в которых освещается данный аспект, разнообразны и включают заметки (например, блиц-портрет), статьи, репортажи. В рубрике «Пионерский календарь» нередко размещаются блиц-портреты известных женщин. Это не обязательно современницы, но непременно образцы активных участниц политической жизни страны. Таков портрет М.И. Ульяновой:

«18 февраля – 110 лет со дня рождения М.И. Ульяновой (1878–1937), участницы российского революционного движения, советского партийного и государственного деятеля, сестры В.И. Ленина» («Пионер», 1988, № 2).

Репортаж как жанр, предполагающий личное участие автора в событиях и эффект присутствия для читателя, посвящен текущим событиям. Пример такой публикации – репортаж с XIX съезда ВЛКСМ, участницами которого являются молодые героини:

«Что такое комсомольский съезд? Это торжественные шаги знаменосцев под гулками сводами Кремлевского Дворца съездов. Это взволнованные, горячие голоса делегатов, приехавших в Москву со всех концов страны. Это радость встреч с верными друзьями. Это работа и праздник, это чувство великого общего дела и общей гордости за свою страну, за свой Ленинский Коммунистический Союз Молодежи» («Пионер», 1982, № 9).

Данный текст не несет выраженной информационной составляющей. Скорее, он выполняет эмоциональную функцию – «быть одним из средств выражения чувств и эмоций» (Слюсарева, 1990, с. 565), о чем свидетельствует значительное количество лексических единиц, обозначающих эмоциональные состояния и саму ситуацию (см. выделения в тексте). Диктумная (фактическая) составляющая сведена к минимуму, тогда как отчетливо прослеживается **стратегия эмоционализации**, т. е. намеренное создание модуса эмоциональной экспрессии. Небольшая длина предложений и параллельные конструкции придают тексту динамичность. В тексте ничего не говорится конкретно о женщинах, однако это тот случай, когда дополнительные смыслы несет визуальная составляющая мультимодального комплекса – фотография, иллюстрирующая данный текст. Это изображение трех улыбающихся девушек на фоне Кремля (Рисунок 3).

Текст и изображение образуют единое семиотическое целое, связанное вербальными и визуальными репрезентациями положительных эмоций и локуса, указаниями на организационную символику. Вербальная репрезентация эмоций (*взволнованные, радость, праздник*) дополнена изображением улыбок, название локуса в тексте (*Кремлевский Дворец съездов*) подкреплено изображением Кремля на заднем фоне, а принадлежность героинь к ВЛКСМ маркирована

Рисунок 3 – Делегаты съезда ВЛКСМ («Пионер», 1982, № 9, с. 2)
Figure 3 – Delegates of the Komsomol Congress (Pioneer, 1982, No 9, p. 2)

не только вербальной формулировкой (*Ленинский Коммунистический Союз Молодежи*), но и визуально – одеждой делегатов на фото. Именно компания девушек показана в статусе официальных делегатов съезда ВЛКСМ: молодое поколение женщин готово присоединиться к социально активным зрелым женщинам-управленцам.

3. Семейная жизнь и личный жизненный путь. Жизненные истории женщин, представленные в журнале «Пионер», полны трудностей, которые и «выковали» их сильный характер. Советская женщина – это всегда сильная женщина, способная справляться с невзгодами и сохранять при этом бодрость

духа и внутреннего стержень. О непростом жизненном пути детской писательницы Валентины Осеевой – биографический материал, в котором обсуждается в том числе и ее автобиографическое произведение, повесть «Динка»:

«История жизни девочки в годы, предшествовавшие революции, вобрала в себя впечатления умного и внимательного ребенка, жившего в сложное и трудное время <...> Когда думаешь о книгах Валентины Осеевой, очевидным становится, как тесно связаны книги с жизнью автора, с его судьбой» («Пионер», 1986, № 6).

Сильные характеры в сложных обстоятельствах особенно ярко прописаны в художественных произведениях о Великой Отечественной войне или послевоенном времени. В них показано, что тяжесть исторической судьбы Родины легла на плечи самых обычных женщин, которые были вынуждены нести на себе весь груз бытовых и семейных забот, пока мужчины воевали, принимать важные семейные решения, устраивать судьбы детей, оставшихся без родителей после войны.

В рассказе С. Костерина «Дорога к хлебу, или страницы жизни Леонида Каратузова» именно бабушка помогает внуку, потерявшему ноги на минном поле. Лексема «упросила» маркирует действия героини как требующие неоднократных усилий:

«В Ленинграде бабушка упросила принять внука без документов в профессиональную школу инвалидов Отечественной войны» («Пионер», 1975, № 1).

В повести М. Винграновского «Конь на вечерней заре» о военном времени мать пытается поменять предусмотрительно припрятанный керосин на семенную картошку:

«Наверное, эту канистру мамка закопала еще до войны, словно знала, что скоро керосина нигде будет и понюхать» («Пионер», 1987, № 5).

Тексты, не касающиеся обстоятельств войны, также репрезентируют женщину-мать как фигуру, воплощающую повседневные практики воспитания, заботы, тревоги о семье и детях. Очень часто эти материнские практики представлены глазами детей:

«...Мать заходила к нему поправить подушку...» («Пионер», 1988, № 2);

«Мама начала меня утешать, гладить по голове, подтыкать под бока и ноги одеяло, обнимать своими добрыми руками. И хотя мама не пообещала мне, что я буду жить вечно, страх отступил, растворился» («Пионер», 1988, № 6);

«Что-то ты невеселый сегодня, дай-ка я лоб пощупаю», – И прохладная мамина рука мигом определяет, нормальная у тебя температура или нет» («Пионер», 1987, № 7).

Обратим внимание на эпитеты, описывающие мамины руки (*добрые, прохладные*), которые актуализируют положительно-оценочную стратегию.

Наши наблюдения над материалом в значительной степени соотносятся с наблюдениями М. А. Сазоненко (2020), которая отмечает актуализацию «образа женщины-матери, хранительницы домашнего очага, которая происходит после войны и усиливается к позднему советскому периоду» (с. 408).

Советский гендерный порядок имел этакратический характер, т. е. регулировался государством, которое формировало и изменяло соответствующие дискурсы. Об этом пишут в своем исследовании Е. А. Здравомыслова и А. А. Тёмкина (2015, с. 340). «В официальных дискурсах доминирует ин-

терпретация семьи как «основной ячейки» общества, для которой характерно разделение ролей по признаку пола; на женщину возлагаются основные обязанности по воспитанию детей и заботе-обслуживанию» (с. 344). Этот гендерный порядок прослеживается и в публикациях журнала «Пионер». Так, в повести А. Лиханова «Мой генерал» главный герой, ребенок, наблюдает за устройством семьи и распределением ролей:

«Когда папа действительно думает о прочности бетона, мама ему никогда не мешает. Ходит на цыпочках, подносит ручку и бумагу. Папа хочет написать книгу об испытании прочности бетона. Он выводит какие-то формулы, что-то считает, записывает на бумаге каракули, а мама штопает носки и улыбается» («Пионер», 1975, № 1).

Из логики противопоставления действий мужчины и женщины в данном фрагменте складывается достаточно патриархальная картина, в которой умный мужчина занимает главенствующее положение, а послушная женщина облегчает ему бытовое существование. Однако из дальнейшего повествования мы узнаем, что мама – образованный специалист на руководящей должности главного санитарного врача района. Описанная в повести семейная ситуация в целом соответствует общей тенденции советской эпохи: «Советский период в целом характеризуется разделением ролей мужчины как кормильца семьи, чей социальный статус определялся положением на работе, и женщины, также работающей, но основную ответственность несущей за домашнее хозяйство» (Сазоненко, 2020, с. 394).

При сохранении традиционных гендерных обязанностей (домашнее хозяйство и уход за детьми) у советской женщины появляются и новые виды деятельности (карьеру, руководство людьми, вождение автомобиля). **Стратегию амбивалентной репрезентации**, суть которой состоит в совмещении в образе женщины традиционных феминных и новых маскулиных характеристик, наблюдаем в эпизоде из повести, когда семья спешит в аэропорт встречать деда:

«Мама сидит за рулем, крутит баранку, хватается за рычаг, которым переключают скорость, и причитает:

– Ну как же так, господи! Стыдица-то какая! Ждали-ждали, а дома пусто! Хоть бы пельменей наvertеть!

На нее забавно смотреть: модный берет на голове, красивый шарфик, накрашенные губы, а баранку вертит, как заправский лихач.

Дорога до города, где аэропорт, ухабистая, с глубокими лужами, полными желтой, глинистой воды. Мамин «газик» рычит на подъемах, нас с папой подбрасывает на рытвинах, но мы молчим – оба в полной маминой власти. <...> Мама газует на полную скорость. Ну, мама!» («Пионер», 1975, № 1).

Феминные характеристики мамы главного героя включают привлекательную внешность (*модный берет на голове, красивый шарфик, накрашенные губы*) и переживания, что она недостаточно внимательна к домашнему хозяйству (*Стыдица-то какая!*). В то же время она решительно, по-мужски ведет машину, о чем свидетельствует выбор лексики (не просто держит руль, а *крутит/вертит баранку, хватается за рычаг, газует, заправский лихач*). Важно, что муж и сын – пассажиры, полностью доверяющие ей (*оба в полной маминой власти*). Восклицание, завершающее описание «*Ну, мама!*», передает восторг и восхищение, эксплицируя стратегию эмоционализации.

Заклучение

Модель советской женщины в детском журнале эпохи позднего социализма, которая строилась на основе трех параметров – профессиональный путь, социальная активность, семейная жизнь и личный путь, в целом соотносилась с амбивалентной гендерной моделью, продвигаемой на государственном уровне. «Контракт работающей матери» требовал от женщины выполнения профессиональных обязанностей, в том числе на руководящих должностях, с одной стороны, и традиционных функций в семье, с другой. Сочетание маскулинных и феминных качеств у женщины, обусловленное государственной политикой, отчетливо прослеживается в материалах журнала «Пионер».

Репрезентации женщины в журнале «Пионер» 1970–1980-х гг. демонстрировали и воспроизводили социальные ожидания, что женщины должны быть сильными, настойчивыми, сохраняя при этом мудрость, способность к сочувствию и моральные ценности. Именно женщина представлена в журнале организующим центром семьи, ее надежной точкой опоры. В то же время стратегическое применение языковых и мультимодальных средств позволяет утверждать, что репрезентации советской женщины в журнале играли не пассивную роль, оправдывая социальные ожидания, но также сами конструировали социальные нормы и практики.

В ходе исследования мы выявили некоторую специфику репрезентаций женщины, характерную именно для детского журнала. Это фокус на отношениях матери и ребенка и, соответственно, представление женщины детскими глазами. Такой подход отвечал не только потребностям государства, отмечавшего важность образа женщины-матери, но и психологии юной читательской аудитории. Женщина-мать – один из востребованных прототипов в журнале. В числе других героинь – исторические фигуры, известные общественные деятельницы, писательницы, современницы.

Поскольку модель предполагает не только набор содержательных характеристик, но и формальную актуализацию, в ходе исследования мы определили, какие прагматингвистические ресурсы задействованы в создании модели советской женщины, дополнив таким образом существующие наработки, касающиеся советской детской прессы. Модель транслировалась посредством целого ряда семиотических ресурсов, включая набор жанров (художественных и нехудожественных) и персоналий, прагматических стратегий, фотографий и иллюстраций. Положительно-оценочная стратегия представляла женщину как объект похвалы и восхищения и реализовывалась посредством выбора лексики с семантикой преодоления и успеха, положительно-оценочной лексики, метафор, лексики, называющей руководящие должности. Прецизионная стратегия, придающая статистическую точность суждениям, реализуется посредством указаний на точные цифры при описании производственных достижений. Стратегия эмоционализации нацелена на создание эмоциональной тональности репрезентаций: от торжественно-возвышенной при описании официальных событий до сочувствия и восторга при описании повседневных и семейных практик. Лексика со значением эмоциональных состояний, параллельные конструкции, небольшая длина предложений, восклицания, а также мультимодальные изображения положительных переживаний – типичные средства эмоционализации. Наконец,

стратегия амбивалентной репрезентации актуализировала государственную политику «контракта работающей матери» и выражалась посредством выбора специфической лексики, обозначающей феминные и маскулинные характеристики женщин.

Таким образом, подрастающее поколение получало аксиологически нагруженные репрезентации, которые транслировали модель общественного устройства и роли женщины, отражали реалии современности и одновременно конструировали желаемые образцы социальных практик в соответствии с государственной политикой для взрослых.

Список литературы

1. Аринов, А.Г. (2021). Участие женщин в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны в советской военной периодической печати. *Женщина в российском обществе*, (4), 136–148. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.4.10>
2. Здравомыслова, Е.А., Тёмкина, А.А. (2015). *12 лекций по гендерной социологии*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
3. Каменская, Е.В., Трофимов, А.В. (2012). Советская пресса «брежневской эпохи» как инструмент формирования биполярной картины мира. *Известия Уральского государственного экономического университета*, (5), 115–121.
4. Мельникова, Т. (2010). Пропаганда как технология политического манипулирования. *Власть*, (8), 47–51.
5. Минаева, О.Д. (2015). *Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «женского вопроса» в СССР в 1920–1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ*. М.: МедиаМир.
6. Сазоненко, М.А. (2000). Гендерный аспект в детской игровой культуре советской эпохи на примере детских журналов (1920–1980 годы). *Художественная культура*, (1), 393–412. <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2020-00019>
7. Сенне, К. (2021). Гендер, телесность и болезнь в современной детской литературе. *Детские чтения*, 20(2), 129–154. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2021-2-20-129-154>
8. Сергиенко, И. (2021). «Гендерная дидактика»: голос автора в советской школьной повести 1960-х – 1980-х гг. *Детские чтения*, 20(2), 96–109. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2021-2-20-96-109>
9. Слюсарева, Н.А. (1990). Функции языка. В В.Н. Ярцева (Ред.), *Лингвистический энциклопедический словарь* (с. 564–565). М.: Советская энциклопедия.
10. Тернопол, Т. (2021). «Прекрасное далёко»: гендер в мире будущего в повестях Кира Булычева об Алисе Селезневой. *Детские чтения*, 20(2), 110–128. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2021-2-20-110-128>
11. Торбург, М.Р., Добронравов, С.В. (2021). Эволюция образа женщины-руководительницы в советском кино. *Женщина в российском обществе*, (3), 127–134. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.10>

12. Фортунатов, В. В., Бесчасная, А. А. (2022). Женщины в государственных органах управления Советской России: с чего все начиналось (Петроград, 1923 г.). *Женщина в российском обществе*, (1), 108–120. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.1.9>
13. Хасбулатова, О. А., Смирнова, И. Н. (2022). Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900–2020). *Женщина в российском обществе*, (1), 3–21. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.1.1>
14. Buckley, M. (Ed.). (1986). *Soviet socialist scientists talking: An official debate about women*. London: Macmillan.
15. Camargo-Borges, C., & Rasera, E. F. (2013). Social constructionism in the context of organization development: Dialogue, imagination, and co-creation as resources of change. *SAGE Open*, 3(2). <https://doi.org/10.1177/2158244013487540>
16. Fairclough, N. (2004). *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. London & New York: Routledge.
17. Ilic, M. (Ed.). (2018). *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. London: Palgrave.
18. Mespoulet, M. (2006). Women in Soviet society. *Cahiers du CEFRES*, (30). Retrieved April 20, 2022, from https://www.cefres.cz/IMG/pdf/mespoulet_2006_women_soviet_society.pdf
19. Oprea-Valentin Buşu, O.-V., Teodorescu, M., & Gîfu, D. (2014). Communicational positive propaganda in democracy. *International Letters of Social and Humanistic Sciences*, 38, 82–93. <https://doi.org/10.18052/www.scipress.com/ILSHS.38.82>
20. Remington, Th. (1981). The Mass media and public communication in the USSR. *The Journal of Politics*, 43(3), 803–817. <https://doi.org/10.2307/2130638>

References

1. Arinov, A. G. (2021). Uchastie zhenshhin v boevykh dejstviiakh na frontakh Velikoj Otechestvennoj vojny v sovetskoj voennoj periodicheskoj pečati [Participation of women in combat operations on the fronts of the Great Patriotic War in the Soviet military periodicals]. *Zhenshhina v rossijskom obshchestve*, (4), 136–148. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.4.10>
2. Buckley, M. (Ed.). (1986). *Soviet socialist scientists talking: An official debate about women*. London: Macmillan.
3. Camargo-Borges, C., & Rasera, E. F. (2013). Social constructionism in the context of organization development: Dialogue, imagination, and co-creation as resources of change. *SAGE Open*, 3(2). <https://doi.org/10.1177/2158244013487540>
4. Fairclough, N. (2004). *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. London & New York: Routledge.
5. Fortunatov, V. V., & Beschasnaja, A. A. (2022). Zhenshhiny v gosudarstvennykh organakh upravlenija Sovetskoj Rossii: s chego vse nachinalos' (Petrograd, 1923 g.) [Women in the State governing bodies of Soviet Russia: How it all began (Petrograd, 1923)]. *Zhenshhina v rossijskom obshchestve*, (1), 108–120. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.1.9>
6. Ilic, M. (Ed.). (2018). *The Palgrave handbook of women and gender*

in twentieth-century Russia and the Soviet Union. London: Palgrave.

7. Kamenskaya, E. V., & Trofimov, A. V. (2012). Sovetskaja pressa "brezhnevskoj jepohi" kak instrument formirovanija bipoljarnoj kartiny mira [The Soviet press of the "Brezhnev era" as a tool for forming a bipolar picture of the world]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo e'konomicheskogo universiteta*, (5), 115–121.

8. Khasbulatova, O.A., & Smirnova, I.N. (2022). Jevoljucija zhenskogo voprosa v rossijskom obshhestve (1900–2020) [The evolution of the women's issue in Russian society (1900–2020)]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, (1), 3–21. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.1.1>

9. Melnikova, T. (2010). Propaganda kak tekhnologija politicheskogo manipulirovanija [Propaganda as a technology of political manipulation]. *Vlast'*, (8), 47–51.

10. Mespoulet, M. (2006). Women in Soviet society. *Cahiers du CEFRES*, (30). Retrieved April 20, 2022, from https://www.cefres.cz/IMG/pdf/mespoulet_2006_women_soviet_society.pdf

11. Minaeva, O.D. (2015). *Zhurnaly "Rabotnica" i "Krest'janka" v reshenii "zhenskogo voprosa" v SSSR v 1920–1930-e gg.: model' propagandistskogo obespechenija social'nyh reform* [The magazines "Worker" and "Peasant woman" in solving the "women's issue" in the USSR in the 1920s – 1930s: A model of propaganda support for social reforms]. Moscow: MediaMir.

12. Oprea-Valentin Buşu, O.-V., Teodorescu, M., & Gîfu, D. (2014). Communicational positive propaganda in democracy. *International Letters of Social and Humanistic Sciences*, 38, 82–93. <https://doi.org/10.18052/www.scipress.com/ILSHS.38.82>

13. Remington, Th. (1981). The Mass media and public communication in the USSR. *The Journal of Politics*, 43(3), 803–817. <https://doi.org/10.2307/2130638>

14. Sazonenko, M.A. (2000). Gendernyj aspekt v detskoj igrovoj kul'ture sovetskoj jepohi na primere detskih zhurnalov (1920–1980 gody) [Gender aspect in children's play culture of the Soviet era on the example of children's magazines (1920–1980)]. *Hudozhestvennaja kul'tura*, (1), 393–412. <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2020-00019>

15. Senne, K. (2021). Gender, telesnost' i bolezn' [Gender, body and illness in modern literature for children]. *Detskije chtenija*, 20(2), 129–154. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2021-2-20-129-154>

16. Sergienko, I. (2021). "Gendernaya didaktika": golos avtora v sovetskoj shkol'noj povesti 1960-x – 1980-x gg. ["Gender didactics": The author's voice in the Soviet school novel of the 1960s – 1980s]. *Detskije chtenija*, 20(2), 96–109. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2021-2-20-96-109>

17. Slyusareva, N. A. (1990). Funkcii jazyka [Language functions]. In V.N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* (pp. 564–565). Moscow: Sovetskaya e'nciklopediya.

18. Ternopol, T. (2021). "Prekrasnoye dalyoko": gender v mire budushego v povestyakh Kira Bulycheva ob Alise Selezbyovoj ["Wonderful far away": Gender study of the future in Kir Bulychev's books about Alisa Seleznjova]. *Detskije chtenija*, 20(2), 110–128. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2021-2-20-110-128>

19. Torburg, M.R., & Dobronravov, S.V. (2021). Jevoljucija obraza zhenshhiny-rukovoditel'nicy v sovetskom kino [The evolution of the image of a female leader

in Soviet cinema]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, (3), 127–134. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.10>

20. Zdravomyslova, E. A., & Tyomkina, A. A. (2015). *12 leksij po gendernoj sotsiologii* [12 lectures on gender sociology]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Дубровская, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0044-6056>, email: gynergy74@gmail.com

Information about the author

Tatiana Viktorovna Dubrovskaya, Doctor of Philological Sciences, Head of the English Language Department, Penza State University, Penza, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0044-6056>, email: gynergy74@gmail.com

УДК 32(063)

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_54

ПРОБЛЕМЫ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМА В ДИСКУРСЕ ИНДОНЕЗИЙСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 2010-Х – НАЧАЛА 2020-Х ГГ. (на примере проекта tirto.id)

Максим Валерьевич Кирчанов,

Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия,
maksymkyrchanoff@gmail.com

Статья поступила в редакцию 16.05.2022, принята к публикации 29.08.2022

Для цитирования: Кирчанов М.В. Проблемы радикального ислама в дискурсе индонезийского мусульманского либерализма второй половины 2010-х – начала 2020-х гг. (на примере проекта tirto.id) // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 3. С. 54–69. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_54

Аннотация

В статье анализируется восприятие радикального ислама в дискурсе индонезийского мусульманского либерализма, история и актуальное состояние которого относятся к числу малоизученных проблем в современном российском индонезиеведении. В качестве источника используются материалы портала tirto.id – главного интернет-ресурса современных мусульманских либералов Индонезии. Изучение восприятия радикального ислама в современном либеральном интеллектуальном дискурсе индонезийской уммы и общества актуально потому, что в стране фиксируются тенденции как к росту радикального ислама, так и исламизации общества в целом. Фрагментация уммы также придает актуальность изучению современных тенденций ее развития. Автором выделяются основные особенности идеологии

© Кирчанов М.В., 2022

либерального ислама в контекстах воображения, критики и деконструкции им исламского радикализма. Анализируются проблемы интеллектуальной повестки дня мусульманских либералов, особенности их восприятия истории и современности радикального индонезийского ислама как фактора развития уммы и как участника социальных и политических процессов современной Индонезии. В результате делаются следующие выводы: 1) современный индонезийский политический ислам фрагментирован и представлен одновременно либеральными и радикальными тенденциями; 2) ислам в его либеральной версии ищет новые формы собственной структурной самоорганизации и представления в обществе Индонезии через свое противопоставление радикальному исламу; 3) разделительные линии в индонезийском исламе проходят в сфере различного восприятия моделей государственного развития в рамках светской или религиозной парадигмы государства, представленной в политическом воображении ислама.

Ключевые слова:

Индонезия, политический ислам, фрагментация уммы, либеральный ислам, модернизм, секуляризация, интеллектуалы, виртуализация ислама.

UDC 32(063)

DOI 10.17506/18179568_2022_19_3_54

PROBLEMS OF RADICAL ISLAM IN THE DISCOURSE OF INDONESIAN MUSLIM LIBERALISM IN THE SECOND HALF OF THE 2010S – EARLY 2020S (In the Context of the Tirt0.Id Project)

Maxim V. Kirchanov,

Voronezh State University,
Voronezh, Russia,
maksymkirchanoff@gmail.com

Article received on May 16, 2022, accepted on August 29, 2022

For citation: Kirchanov, M.V. (2022). Problems of Radical Islam in the Discourse of Indonesian Muslim Liberalism in the Second Half of the 2010s - Early 2020s (In the Context of the Tirt0.Id Project). *Discourse-P*, 19(3), 54-69. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_54

Abstract

The author analyzes the perception of radical Islam in the discourse of Indonesian Muslim liberalism, whose history and current state are among the little-studied problems in modern Russian Indonesian studies. The primary sources are the materials of the *tirto.id* project, the main Internet resource of contemporary Muslim liberals in Indonesia. The study of the perception of radical Islam in the modern liberal intellectual discourse of the Indonesian Ummah and society is relevant because the country demonstrates the growth of radical Islam and Islamization of the society in general. The fragmentation of the Ummah also makes it relevant to study the current trends in its development. The article highlights the main features of the ideology of liberal Islam in contexts of imagination, criticism and deconstruction of Islamic radicalism. It analyzes the problems of the intellectual agenda of Muslim liberals, the peculiarities of their perception of the history and modernity of radical Indonesian Islam as a factor in the development of the Ummah and as a participant in the social and political processes of modern Indonesia. As a result, the following conclusions are drawn: 1) modern Indonesian political Islam is fragmented and represented by both liberal and radical tendencies, 2) Islam in its liberal version is looking for new forms of its own structural self-organization and representation in Indonesian society through its opposition to radical Islam, 3) dividing lines in Indonesian Islam take place in the sphere of different perception of state development models within the framework of the secular or religious paradigm of the state, represented in the political imagination of Islam.

Keywords:

Indonesia, political Islam, fragmentation of the Ummah, liberal Islam, modernism, secularization, intellectuals, virtualization of Islam.

Введение

Индонезия, где доминирует суннитский ислам, принадлежит к числу важных звеньев среди современных государств с мусульманским большинством населения, являясь крупнейшей мусульманской страной Юго-Восточной Азии. Основные векторы и траектории развития ислама связаны с культурными и этническими особенностями Индонезии. Ислам, представленный рядом партий и организаций, включая «Нахдлатул Улама» и «Мухаммадию», является важным фактором политической жизни. Элиты, несмотря на светский характер государственности, вынуждены принимать во внимание мнение лидеров уммы. Исламу принадлежит одно из центральных мест в политической жизни Индонезии.

Идеологические предпосылки мусульман разнообразны, а индонезийская умма в этом отношении фрагментирована, хотя большинство ее формальных членов поддерживают светские партии, в то время как их мусульманские соперники имеют стабильную поддержку на выборах. На протяжении 2000–2010-х гг. отличия между светскими и религиозными партиями оказались размыты, став второстепенными в партийной конкуренции, которая протекает вокруг доступа к контролю над принятием и реализацией решений. Политически активные

мусульмане выбирают между различными идеологическими тенденциями в развитии ислама.

После начала демократизации в 1998 г. институционализировался Фронт защитников ислама, запрещенный в декабре 2020 г. Но этот запрет не привел к завершению истории исламизма. В 2020–2022 гг. исламские радикалы пытались создать новые политические партии. Радикальные тренды в современной умме представлены Индонезийской народной партией Да'ва, Партией Уммы и восстановленной партией Машуми. На современном этапе радикальный ислам переживает процесс внутренней адаптации к изменившейся ситуации, связанной с зачисткой политического поля от радикальных исламистов накануне выборов 2024 г.

В современной истории уммы заметны тенденции модернизации. Подобные тренды доминируют в деятельности «Нахдлатул Улама» и «Мухаммадии» и в контролируемых ими исламских университетах. Эти организации и система мусульманского образования стали активными участниками процессов дерадикализации индонезийской уммы. Либеральные тенденции в актуальной истории ислама представлены Сетью либерального ислама, действовавшей в 2000-е – первой половине 2010-х гг.

Прекращение активности Сети связано со сменой политических и интеллектуальных поколений среди активистов уммы и усилением консервативной альтернативы. Либералы оказались не в состоянии успешно противостоять тенденциям радикализации ислама. К середине 2010-х гг. в либеральном сегменте индонезийского ислама сложилась ситуация вакуума. Однако это явление оказалось временным. С 2016 г. в Индонезии действует проект *tirto.id*, пытающийся реанимировать традиции либерального ислама.

Цель и задачи исследования. Целью представленной статьи является анализ восприятия исламского радикализма с точки зрения современного либерального ислама как одного из проявлений мусульманского модернизма в Индонезии, представленного проектом *tirto.id*. В число задач статьи входит изучение идеологических предпочтений мусульманских либералов на актуальном этапе, выделение особенностей функционирования либерального тренда в рамках индонезийской уммы в контекстах формирования образов радикального ислама, выявление перспектив развития исламского либерализма через критику радикализма в современном индонезийском обществе и попыток деконструкции радикальной угрозы современными сторонниками и наследниками либерального ислама.

Историография. Индонезийский ислам, его история и современность, богословие и политическое участие уммы в жизни общества – все эти вопросы регулярно оказываются в центре исследований российских и зарубежных историков, политологов и социологов. Но тематика подобных работ отличается односторонним характером. В центре внимания оказываются проблемы истории и современного состояния радикального течения в индонезийском исламе (Tahir, 2020). Подобные интересы исследователей стимулируются политической конъюнктурой (Eyadat, 2018).

Активность радикалов более заметна, чем, например, деятельность их либеральных оппонентов (Menchik, 2016). Исламский радикализм, отрицающий основополагающие принципы индонезийской государственности (Kersten, 2015),

представляет угрозу для светского и демократического характера индонезийского общества (Peterson, 2020). В современной научной литературе активность радикальных исламистов изучается более активно, чем история и современное состояние их либеральных оппонентов (Suroor, 2019). Исследования, посвященные либеральному исламу (Harvey, 2021), менее заметны среди работ, сфокусированных на изучении радикалов (Кирчанів, 2021). Несмотря на это, целый набор факторов, включая малую степень изученности исламского либерализма (Wahib, 2012), его существование в интеллектуальной жизни современной Индонезии (Кирчанов, 2021a), конфронтацию между исламистами (Рогожина, 2020) и либералами (Кирчанов, 2021b), указывает на актуальность и необходимость анализа либеральных трендов (Другов, 2020) и тенденций в индонезийской умме (Ефимова, 2017).

Пребывая в рамках методологической традиции изучения индонезийского ислама, которая представлена в упомянутых исследованиях, мы принимаем его разделение на либеральный (модернистский) и традиционный (консервативный) тренды. С одной стороны, следует признать, что такое деление в целом не только условно, эфемерно и иногда идеалистично, но и связано с интеллектуальной традицией ориентализма, склонного вообразить и конструировать религиозные и политические реалии восточных обществ в западной системе координат. С другой стороны, в представленной статье мы используем именно эту классификацию, т.к. она представляет собой устоявшуюся историографическую традицию анализа политического ислама и его маркирования в соответствии с принадлежностью идеологических тенденций уммы к либеральному или консервативному политическому спектру.

Проблемы политического и радикального ислама в мусульманском либеральном дискурсе второй половины 2010-х – начала 2020-х гг.

В рамках современного либерального дискурса в индонезийском исламе особое внимание уделяется проблемам роста радикальных тенденций и усиления фундаментализма. Интерес сторонников мусульманского либерализма к радикальному исламу неслучаен. Для современной Индонезии характерна активизация политического участия мусульман, что вынуждает и побуждает их более четко артикулировать свои интересы, «выражая социальные, экономические и политические взгляды и предпочтения». Эта активизация рядовых членов уммы, в свою очередь, заставляет светских политиков «учитывать интересы ислама»¹.

Последнее представляется не очень эффективным, если не принимать во внимание радикальные тенденции в современной истории уммы. Вопросы генезиса и истории исламизма в Индонезии привлекают значительное внимание либеральной части уммы. Среди современных мусульманских интеллектуалов относительно генеалогии радикального ислама высказываются две точки зрения. Первая представлена «короткой» версией истории исламизма, вторая – «долгой».

¹ Nubowo, A. (2019, February 28). How do conservative Muslims see Indonesia's presidential hopefuls. *East Asia Forum*. Retrieved May 10, 2022, from <https://www.eastasiaforum.org/2019/02/28/how-do-conservative-muslims-see-indonesias-presidential-hopefuls/>

Согласно первой, исламский радикализм принадлежит к числу относительно новых явлений и возник в политической жизни только в конце 1990-х гг., т. к. в период «нового порядка» политическое участие мусульман и тем более радикальный ислам подавлялись авторитарным режимом Сухарто. Согласно второй концепции, радикальный ислам имеет свою относительно продолжительную историю и, как результат, развитую традицию политической мысли. Генезис исламизма в рамках такого понимания связывается с деятельностью Картосувирью, который в 1949 г. пытался создать Исламское государство². Сторонники «долгой» генеалогии исламизма пытаются доказать континуитет между исламистскими тенденциями конца 1940-х гг. и современными радикальными группами. Проявлением подобной преемственности является настойчивость, с которой исламисты отрицают светское право, стремясь заменить его законами шариата³.

Одной из начальных точек истории исламизма, по мнению либералов, стала попытка создания в Индонезии Исламского государства, которое, как полагает Сэмми Мантолас, значительно отличалось от исламистского проекта на Ближнем Востоке. Если ближневосточные исламисты стремятся создать интернациональный халифат, то индонезийские заинтересованы исламизацией только Индонезии⁴. В такую пролонгированную версию генеалогии исламизма интегрируются и «исламские группы, которые испытывали потребность в создании политической партии, ставшей выразительницей чаяний народа»⁵. Поэтому современные сторонники исламизации, включая запрещенный Фронт защитников ислама и идеологически близкие группы (Партия Уммы, Возрожденная Машуми), ориентированы в первую очередь на решение внутренних задач, что отличает индонезийский исламизм от ближневосточного. Кроме того, исламисты осознают свое генеалогическое родство с историческими предшественниками на национальном уровне (например, с Картосувирью, провозгласившим в 1949 г. создание Исламского государства Индонезия), что делает влияние ближневосточного радикального ислама вторичным. Перед исламистами Индонезии не стоит задача консолидации региона, включающего Индонезию и Малайзию, разделенного различными политическими системами. Несмотря на определенную лингвистическую близость, Юго-Восточная Азия в отличие от арабского Ближнего Востока представляет более гетерогенный регион, разнообразие и особенности развития групп которого не могут быть нивелированы исламом. Поэтому индонезийскими интеллектуалами признается неизбежность радикального ислама как движения, которое действительно соотносится с интересами

² Teguh, I. (2019, April 3). Prabowo, Isu Khilafah, dan Sejarah Gerakan Islam Politik Indonesia. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/prabowo-isu-khilafah-dan-sejarah-gerakan-islam-politik-indonesia-dkT6>

³ Matanasi, P. (2018, August 7). Kekecewaan Kartosoewirjo yang Memicu Proklamasi NII. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/kekecewaan-kartosoewirjo-yang-memicu-proklamasi-nii-cQxD>

⁴ Mantolas, S. (2016, October 24). Kartosoewirjo, Proklamator Negara Islam Indonesia. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/kartosoewirjo-proklamator-negara-islam-indonesia-bXqX>

⁵ Ahsan, I. A. (2017, November 7). Masyumi dan Ilusi Persatuan Umat Islam. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/masyumi-dan-ilusi-persatuan-umat-islam-czHP>

наиболее консервативной части уммы, что вовсе не исключает стремления со стороны элит «приспособить исламские группы к индонезийской политике»⁶.

В современном исламском либерализме исламизм воспринимается как «идеологическая позиция, которая трансформируется в политические идеи и стратегии, от демократических до недемократических... Некоторые исламистские группировки, связанные с транснациональными сетями, объединяются для определенной цели, такой как экономика и политика»⁷. Рост исламизма в современной Индонезии вынуждает либеральных экспертов больше внимания уделять анализу ситуации, при которой индонезийское общество становится все более исламским, но процент поддержки формально мусульманских партий на каждом электоральном цикле не увеличивается.

Хусейн Абдулсалам, комментируя ситуацию, указывает на внутренние противоречия индонезийского социума, унаследованные им от XX в. С одной стороны, по его мнению, «политический ислам был убит новым порядком, а затем получил возможность возродиться в рамках реформ»⁸. С другой – возрожденный ислам как фактор политики не стал самостоятельным, т.к. был вынужден соотносить свои предпочтения с Панчасилой. Вместе с тем, утратив самостоятельность, ислам превратился в эффективный мобилизационный ресурс, ситуативно используемый в Индонезии не только мусульманскими, но и светскими партиями⁹.

Истоки подобной ситуации, связанной с отделенностью ислама как религии от политики как практики управления, некоторые индонезийские интеллектуалы приписывают не «новому порядку», а голландским колонизаторам¹⁰, которые стали создателями образа ислама, выдержанного в ориенталистской системе координат. Поэтому частично ответственность за появление исламского радикализма возлагается на Запад, т.к. именно под его влиянием возникли идеи национализма в традиционном обществе, что содействовало радикализации ислама как религии. В этом контексте исламизм либералами редуцируется до формы функционирования фактически светских групп, чьи интересы связаны с сохранением или получением власти.

⁶ Arifianto, A.R. (2018, July 11). Indonesia's presidential hopefuls will need to brandish their Islamic credentials. *East Asia Forum*. Retrieved May 10, 2022, from <https://www.eastasiaforum.org/2018/07/11/indonesias-presidential-hopefuls-will-need-to-brandish-their-islamic-credentials/>

⁷ al-'Alam, I. (2021, October 21). 7 Tahun Kekuasaan Jokowi: Mengapa Islamis Kesulitan Menghadapinya? *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/7-tahun-kekuasaan-jokowi-mengapa-islam-is-kesulitan-menghadapinya-gkzg>

⁸ Abdulsalam, H. (2018, March 1). Politik Identitas Islam Menguat, tapi Suara Partai Islam Stagnan. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/politik-identitas-islam-menguat-tapi-suara-partai-islam-stagnan-cFj6>

⁹ Prabowo, H. (2020, November 26). Publik Lebih Percaya Rizieq daripada DPR dan Partai Islam? *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/publik-lebih-percaya-rizieq-daripada-dpr-dan-partai-islam-f7oC>

¹⁰ Negoro, M. (2021, June 26). Siasat Snouck Hurgronje Menjinakkan Islam Politik. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/siasat-snouck-hurgronje-menjinakkan-islam-politik-cMYw>

В такой ситуации современная либеральная генеалогия исламизма датирует его истоки 1998 г., т. е. стремится редуцировать его историю до завершения «нового порядка» и начала демократизации, хотя роль мусульманских активистов, по мнению Фадрика Азиза Фирдауси, была минимальной¹¹, что не исключило дальнейшего роста политического ислама, в том числе в радикальных формах. Некоторые эксперты полагают, что генезис радикального ислама связан с особенностями регионализации Индонезии и социальными факторами. Ахмад Фуад Фанани полагает, что почвой для развития исламизма стала ситуация, когда мусульмане в ряде регионов подверглись «радикализации как представители меньшинства в условиях дискриминационного обращения со стороны большинства. Мусульмане, живущие в регионах, где они являются меньшинством, были радикализованы, что привело к насилию против христиан, которое обострилось до такой степени, что некоторые группы призвали других мусульман отправиться на Молуккские острова и Посо, чтобы вести джихад против христиан»¹².

Поэтому актуальная политическая динамика в Индонезии основана на активном использовании религиозного фактора, что проявляется в «беззащитном разжигании религиозного сектантства ради политической выгоды»¹³. Проявлением этой тенденции стала фрагментация того спектра партийного пространства, который до конца 2020 г. занимал Фронт защитников ислама. Запрет последнего стимулировал активизацию новых акторов (Партия Уммы, Возрожденная Машуми), но никто из них не смог консолидировать исламистов, четко артикулировав предлагаемую альтернативу. Поэтому исламистские группы оказались не столько маргиналами, сколько младшими и зависимыми союзниками светских партий. Это позволяет ряду интеллектуалов указывать на рост «сектантства», что, по их мнению, проявляется в политически мотивированном использовании ислама не в интересах уммы, но в интересах других политических игроков. Вместе с тем подобные факторы в современном индонезийском интеллектуальном дискурсе воспринимаются как вторичные и менее важные в контексте усиления авторитарных тенденций, оцениваемых как основной стимул для роста радикальных настроений в среде мусульман. Несмотря на принципиальные расхождения в идеологии либералов и радикалов, первые восприняли прекращение деятельности Фронта защитников ислама как проявление авторитарного характера государственной политики в отношении мусульман, несмотря на то что именно активисты Фронта были среди самых последовательных критиков как либерального ислама, так и попыток модернизации уммы.

¹¹ Firdausi, F.A. (2018, July 2). *Arsip Rahasia AS: Prediksi Bangkitnya Islam Politik Pasca-Soeharto*. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/arsip-rahasia-as-prediksi-bangkitnya-islam-politik-pasca-soeharto-cPTP>

¹² Fanani, A. (2018, November 17). *Rising religious radicalism in Indonesia: roots and shoots*. *New Mandala. New Perspectives on Southeast Asia*. Retrieved May 10, 2022, from <https://www.newmandala.org/rising-religious-radicalism-in-indonesia-roots-and-shoots/>

¹³ Kuipers, N., Nellis, G., & Weaver, M. (2020, August 4). *What happens when Islamists win power locally in Indonesia?* *New Mandala. New Perspectives on Southeast Asia*. Retrieved May 10, 2022, from <https://www.newmandala.org/what-happens-when-islamists-win-power-locally-in-indonesia/>

Либералы стремятся провести разделительные линии между либеральной и радикальной версиями ислама. Первая, по их мнению, связана с ранее существовавшей Сетью либерального ислама и ее наследниками, которые предпочли институционализироваться в форме СМИ, но не нового общественного объединения. Странники этого течения в исламе склонны воспринимать веру с точки зрения модернизма, стремясь синтезировать ценности ислама с принципами секулярного, демократического и поликультурного общества. Вторая версия ислама носит радикальный характер, будучи связанной с традиционалистами, которые ранее составляли оппозицию как «направляемой демократии» Сукарно, так и «новому порядку» Сухарто, но при этом не смогли занять свою нишу в индонезийском обществе после начала демократизации. В такой ситуации символической красной линией между либералами и радикалами является готовность «играть» по тем правилам, которые были установлены в Индонезии после 1998 г. без участия как исламистов, так и либералов. Если первых такая модель не устраивает, то вторые, наоборот, склонны в нее интегрироваться.

В либеральных СМИ Фронт воспринимался не просто как угроза демократии и гражданским правам, но и как сила, реально востребованная некоторыми социальными группами индонезийского общества¹⁴, которые были склонны консолидироваться вокруг ислама, будучи слабо интегрированными в проводимую элитами политику. Истоки столь незначительного участия радикального ислама в политической борьбе либеральные эксперты склонны видеть в особенностях исламистской идеологии. Кризис исламизма, по мнению либералов, органично вытекает из того факта, что большинство «устремлений политического ислама» фактически ограничены «шариатским формализмом»¹⁵, редуцируемым до желания придать официальный статус законам шариата, что существенно сужает поддержку этого течения в индонезийской политике.

Другим фактором, который сдерживает развитие и усиление радикального ислама, является центральная роль профессиональных, кадровых политических партий¹⁶, с которыми сторонники радикального ислама так и не смогли научиться эффективно конкурировать. Не менее важную роль в ограничении активности исламистов играет и государство. По мнению австралийских экспертов, к началу 2020-х гг. можно констатировать со стороны элит эрозию толерантности в отношении исламистских групп, что оценивается ими позитивно, т. к. исламский экстремизм, склонный к насилию, успел стать системной угрозой для демократического режима. Несмотря на то, что «с точки зрения политики и идеологии индонезийские партии практически невозможно различить, единственная линия

¹⁴ Nathaniel, F. (2021, January 19). Bagaimana Perppu Ormas Jadi Jalan Pintas Pemerintah Bubarkan FPI? *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/bagaimana-perppu-ormas-jadi-jalan-pintas-pemerintah-bubarkan-fpi-f9gr>

¹⁵ Ahsan, I. A. (2017, November 6). Kegagalan dan Keberhasilan Koalisi Islam-Nasionalis. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/kegagalan-dan-keberhasilan-koalisi-islam-nasionalis-czD2>

¹⁶ Reinhart, Ch. (2021, November 3). Hidup Mati Partai Politik dan Titik Balik Sejarah Demokrasi Indonesia. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/hidup-mati-partai-politik-titik-balik-sejarah-demokrasi-indonesia-gkWg>

раскола между индонезийскими партиями состоит в той роли, которую они отводят исламу в политической жизни»¹⁷.

В этой ситуации радикальный ислам становится маргинальным фактором, поскольку актуальная повестка дня в отношении роли и места ислама формируется не исламистами, а другими партиями. Тем не менее маргинальность радикалов не препятствует усилению тенденций «нелиберального дрейфа гражданского общества»¹⁸. В Индонезии, несмотря на процессы демократизации и ее формальные успехи, сохраняются проблемы, связанные с тенденциями авторитаризации режима. В такой ситуации и исламисты, как противники правящих элит, начинают восприниматься как представители гражданского общества, т. к. оппозиционны в отношении власти. Подобное восприятие в целом характерно для попыток современных индонезийских интеллектуалов вообразить образ радикального ислама и локализовать его среди других проявлений исламизма.

Поэтому и исламисты, и либералы оказываются идеологически близкими группами в обществе в контексте их восприятия государства. Сторонники радикального ислама и их оппоненты, связанные с либеральными течениями в умме, склонны воспринимать Индонезию в категориях единства. Если либералы идеалистически рефлексируют о стране как государстве-нации, то исламисты – как об исламском государстве. Подобная идеологическая особенность современного индонезийского политического ислама актуализирует то, что разделительные линии между либералами и консерваторами носят характер фронта, поскольку единство территории страны является для них приоритетом. При этом либералы воспринимают это единство как модерности в категориях нации-государства, а исламисты просто указывают на единство государства, которое, по их мнению, должно быть исламским.

Судьба Фронта защитников ислама в Индонезии аналогична траекториям восприятия Даруль Ислам, которая была более радикальной с точки зрения практик внедрения исламских норм на региональном уровне. Либералы, несмотря на противостояние с радикалами на уровне идеологии и публичного дискурса (Rahim, 2006), невольно сочувствуют Фронту и другим радикалам, поскольку исламисты в рамках своего противостояния с авторитарным режимом стимулировали «быстрые социальные изменения, которые превратили феодальное общество с институтами рабства и долговой кабалы в своего рода вариант исламского социализма»¹⁹. В этом контексте сочувственное отношение мусульманских либералов к сторонникам радикального ислама мотивировано восприятием радикалов не только как жертв авторитаризма, но и его противников.

¹⁷ Aspinall, E., & Muhtadi, B. (2018, May 3). Corak Ideologi Partai-Partai di Indonesia. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/corak-ideologi-partai-partai-di-indonesia-cJKc>

¹⁸ Jaffrey, S. (2018, April 23). Civic structures and uncivil demands in Indonesia. *New Mandala. New Perspectives on Southeast Asia*. Retrieved May 10, 2022, from <https://www.newmandala.org/civic-structures-uncivil-demands-indonesia/>

¹⁹ Duile, T. (2021, November 22). Rethinking memories of Darul Islam. *New Mandala. New Perspectives on Southeast Asia*. Retrieved May 10, 2022, from <https://www.newmandala.org/rethinking-memories-of-darul-islam/>

Исламисты и националисты в Индонезии начиная с середины XX в. имели, по оценкам современных либеральных мусульман, диаметрально различные точки зрения на национализм. По мнению Ишвары Н. Радити, «фактически нет проблемы отношений между исламом и национализмом, т. к. мусульмане могут быть, с одной стороны, правоверными мусульманами, а с другой – громко петь гимн»²⁰.

Подобная позиция фактически является проявлением конформизма уммы, а сторонники радикального ислама актуализируют интересы ее нонконформистского крыла. Кроме того, исламисты на протяжении почти 20 лет игнорировали проблемы идентичности, нации, национализма, гендера, феминизма, толерантности и корректности²¹, в то время как светские интеллектуалы не только успешно обсуждали эти проблемы, но и фактически ассимилировали их в собственных идеологических дискурсах. Поэтому исламисты оказались в тупике, который ими же и был создан: если светские националистические партии активно конкурируют друг с другом за голоса мусульман, исламские партии, как и прежде, борются за идеологическое доминирование над ограниченным сегментом избирателей²².

В этой ситуации приоритетное внимание со стороны исламистов проблемам традиции и шариата не вело к росту электоральной поддержки, а, наоборот, содействовало их маргинализации. К тому же проблемы шариата в современном индонезийском обществе были порождены не исламистами, а активистами светских партий, хотя исламисты имели большую поддержку в регионах, которые не имели репутации исламистских²³. Поэтому Хусейн Абдулсалам полагает, что сторонники радикального ислама сами отстраняются от политики, т. к. «считают демократическую систему несовместимой с исламской системой»²⁴, что фактически маргинализирует их в сравнении со светскими и умеренными мусульманскими партиями.

По мнению Феликса Натаниэла, ликвидация Фронта в конце 2020 г. не снимает угрозы радикального ислама, но открывает возможность для реализации трех сценариев, включая попытки «государства дисциплинировать исламские группы», рост террористической угрозы и гипотетическую реставрацию ав-

²⁰ Raditya, I.N. (2018, February 6). Mohammad Natsir Berdiri di Antara Islam dan Negara. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/mohammad-natsir-berdiri-di-antara-islam-dan-negara-cD4t>

²¹ Nathaniel, F. (2019, December 3). Politik Identitas Tetap Buas, Masyarakat Bawah Kena Imbas. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/politik-identitas-tetap-buas-masyarakat-bawah-kena-imbasmEE>

²² Abdulsalam, H. (2018, June 25). Ideologi Parpol, Bukan Jokowi atau Oposisi, tapi Pancasila vs Islam. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/ideologi-parpol-bukan-jokowi-atau-oposisi-tapi-pancasila-vs-islam-cMUB>

²³ Hasan, A.M. (2018, November 21). Perda Syariah: Jualan Elite Politik, Dagangan Partai Sekuler. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/perda-syariah-jualan-elite-politik-dagangan-partai-sekuler-dajm>

²⁴ Abdulsalam, H. (2018, March 1). Politik Identitas Islam Menguat, tapi Suara Partai Islam Stagnan. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/politik-identitas-islam-menguat-tapi-suara-partai-islam-stagnan-cFj6>

торитаризма²⁵. В связи с такой политикой индонезийских элит австралийский аналитик Грег Фили полагает, что «антиисламистская политика Индонезии» двойственна. С одной стороны, она ликвидирует угрозу радикального ислама или значительно ее снижает. С другой – используемая элитами стратегия «подрывает права человека, подрывает демократические ценности и вполне может привести к радикальной реакции на то, что рассматривается как растущая антипатия государства к исламу»²⁶. Австралийский политолог Тим Линдси считает, что репрессии против радикальных исламистов отражают не только страх элит перед ними, но и актуализируют тенденции к трансформации режима в авторитарный²⁷. В такой ситуации нельзя исключать и обратной реакции, т. е. роста исламского радикализма и более активного использования насильственных действий. Индонезийские эксперты полагают, что доля ответственности за усиление радикального ислама лежит и на политических элитах, которые выстраивали систему со слабой исламской оппозицией в парламенте, вынуждая исламистов действовать на улицах городов²⁸, что неизбежно ведет к их радикализации и ассимиляции исламом социального протеста.

В этой ситуации исламские радикалы в своих партийных представлениях сближаются со светскими партиями, что стало особенно заметно после ликвидации Фронта защитников ислама, на чье место в политической системе претендуют сразу несколько партий. На ведущую роль среди них, по мнению либералов, формально могла бы рассчитывать Партия Уммы, но и та фактически оказалась центром консолидации маргиналов²⁹, которые не смогли встроиться в сложившуюся систему партийных ролей. Кроме того, новейший исламизм в его партийных формах воспроизводит проблемы светских партий, включая клановость и семейственность³⁰, что не только существенно снижает его мобилизационный потенциал, но и свидетельствует о включенности исламистов в систему.

В аналитике, сфокусированной на религиозной ситуации в Индонезии, подчеркивается, что следует проводить «резкое различие между умеренным

²⁵ Nathaniel, F. (2022, April 22). Cara Negara Mengatur Ormas. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/cara-negara-mengatur-ormas-grpS>

²⁶ Fealy, G. (2020, September 27). Jokowi's repressive pluralism. *East Asia Forum*. Retrieved May 10, 2022, from <https://www.eastasiaforum.org/2020/09/27/jokowis-repressive-pluralism/>

²⁷ Lindsey, T. (2017, November 7). Jokowi in Indonesia's "Neo-New Order". *East Asia Forum*. Retrieved May 10, 2022, from <https://www.eastasiaforum.org/2017/11/07/jokowi-in-indonesias-neo-new-order/>

²⁸ Nathaniel, F. (2020, December 23). Meski Kerap Lakukan Kekerasan, Negara dan Para Elite Tetap Sayang FPI. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/meski-kerap-lakukan-kekerasan-negara-para-elite-tetap-sayang-fpi-f8lk>

²⁹ Nathaniel, F. (2021, May 7). Amien Rais Dirikan Partai Ummat ketika Suara Partai Islam Stagnan. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/amien-rais-dirikan-partai-ummat-ketika-suara-partai-islam-stagnan-ge9s>

³⁰ Prabowo, H. (2021, April 30). PAN Sindir Partai Ummat adalah Partai Keluarga Amien Rais. *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/pan-sindir-partai-ummat-adalah-partai-keluarga-amien-rais-gem2>

и радикальным исламом, назвав первой сущностью ислама, а второй – злоеющим извращением истинного учения веры... простые индонезийцы являются жертвами экстремизма»³¹.

Вероятно, следуя такой логике, либеральные исламские публицисты указывают на явное усиление исламизма как общей идеи в целом, подчеркивая, что ему одновременно не хватает стабильной партийной структуры, а идеологи движения не могут перестать мыслить категориями политических партий. Либералами в вину их исламистским конкурентам ставится и то, что те оказались не в состоянии «создать общественное движение в форме более серьезного и независимого гражданского общества»³². Последняя либеральная претензия является одной из наиболее болезненных, т.к. либералы признают глубокое проникновение исламистов во все слои индонезийского общества, что приближает их пониманию реальных социальных и экономических проблем, многие из которых для других сил остаются невидимыми.

По мнению либеральных аналитиков, не следует недооценивать мобилизационный потенциал исламизма, поскольку «присутствие исламистской группы со всем ее социальным и культурным капиталом» позволяет воспринимать ее в качестве «продемократической группы», которая содействует консолидации индонезийцев как мусульман, что гипотетически может привести к улучшению «отношений между исламистскими группами и умеренными исламскими группами»³³. Если в качестве первых выступают внесистемные радикалы, то вторые представлены «Мухаммадией» и «Нахдлатул Улама». В целом же идея сближения первых со вторыми выглядит утопично, т.к. исламисты отрицают модернистские устремления крупнейших мусульманских общественных организаций, а те, в свою очередь, вовлечены в борьбу с радикалами, участвуя в программах дерадикализации.

Выводы

Либеральные тенденции связаны с критикой исламизма, который воспринимается как угроза и системная альтернатива светским политическим ценностям, ставшим ориентиром для большинства представителей индонезийской уммы. Либералы активно вовлечены в формирование образа радикального ислама в контексте истории Индонезии XX в. Поиски исторических и культурных предшественников радикального ислама со стороны либералов, с формальной точки зрения, должны были бы привести к делигитимации и деконструкции. Фактически эти рефлексии ведут к обратным результатам.

Пространные размышления либералов об истории радикальных тенденций в XX в. локализуют радикальные тренды среди других течений мусульманской

³¹ Fealy, G. (2017, July 24). Simplistic views of Indonesian Islam are limiting Australian diplomacy. *East Asia Forum*. Retrieved May 10, 2022, from <https://www.eastasiaforum.org/2017/07/24/simplistic-views-of-indonesian-islam-are-limiting-australian-diplomacy/>

³² al-'Alam, I. (2021, October 21). 7 Tahun Kekuasaan Jokowi: Mengapa Islamis Kesulitan Menghadapinya? *Tirto*. Retrieved May 10, 2022, from <https://tirto.id/7-tahun-kekuasaan-jokowi-mengapa-islam-is-kesulitan-menghadapinya-gkzg>

³³ Ibid.

мысли, фактически содействуя их символической легитимации. Сторонники исламского модернизма в этой ситуации оказываются создателями истории радикальной альтернативы, т.к. исламисты особого интереса к собственной истории не проявляют. Среди современных мусульманских либералов относительно радикального ислама существует консенсус, что радикализм не следует игнорировать, поскольку он отражает реальные социальные, политические и экономические проблемы общества, которые были незаметны для сторонников исламского либерализма.

Если либералы использовали преимущественно западный политический язык, то их радикальные оппоненты представляли городские и сельские низы. В такой ситуации политически ислам в Индонезии оказался в значительной степени фрагментированным, используя как язык университетских аудиторий, так и язык улиц. Поэтому политический язык современного исламского либерализма в Индонезии фактически актуализирует его постколониальный характер, являясь попыткой интеграции или ассимиляции западного культурного и интеллектуального дискурса, его адаптации под интеллектуальные запросы и потребности наиболее вестернизированной и секуляризированной части индонезийской уммы.

Перспективы развития современного либерального тренда в общественно-политической жизни Индонезии остаются неопределенными. Не представляется возможным в условиях расхождения интеллектуальной повестки либералов и социально-экономических запросов большинства мусульман исключать маргинализацию либерального течения, ведущую к кризису и новому этапу перестройки мусульманского модернизма, который, привлекая во внимание его значительный трансформационный и адаптивный потенциал, сможет продолжить развитие, но в содержательно иных формах.

Список литературы

1. Другов, А. Ю. (2020). Мусульманский радикализм и терроризм в современной Индонезии. *Религия и общество на Востоке*, (4), 230–254. <https://doi.org/10.31696/2542-1530-2020-4-230-254>
2. Ефимова, Л. М. (2017). «Мягкая сила» против религиозного терроризма в Индонезии. *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*, 13(1), 115–132.
3. Кирчанів, М. В. (2021). Індонезійський ісламизм як маргінальний випадок розвитку політичного ісламу в мусульманській країні. *Східний світ*, (3), 107–122.
4. Кирчанов, М. В. (2021а). «Изобретенные традиции» индонезийского либерального ислама 2000-х – первой половины 2010-х годов. *Исламоведение*, 12(1), 16–29. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-1-16-29>
5. Кирчанов, М. В. (2021b). Информационная повестка индонезийских исламистов в начале 2021 года: исламизм на распутье. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2021, 2(2), 130–141. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-130-141>
6. Рогожина, Н. Г. (2020). Борьба с исламским терроризмом в Юго-Восточной Азии. *Мировая экономика и международные отношения*, 64(8), 27–36.

<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-27-36>

7. Eyadat, Z. (Ed.). (2018). *Islam, state, and modernity*. London & New York: Palgrave Macmillan.
8. Harvey, C. (2021). *Intellettualismo musulmano in Indonesia: La controversia sulla rete dell' Islam liberale*. Milano: Edizioni Sapienza.
9. Kersten, C. (2015). *Islam in Indonesia: The contest for society, ideas and values*. Oxford: Oxford University Press.
10. Menchik, J. (2016). *Islam and democracy in Indonesia: Tolerance without liberalism*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Peterson, D. (2020). *Islam, blasphemy, and human rights in Indonesia: The trial of Ahok*. London & New York: Routledge.
12. Rahim, L.Z. (2006). Discursive contest between liberal and literal Islam in Southeast Asia. *Policy and Society*, 25(4), 77–98. [https://doi.org/10.1016/S1449-4035\(06\)70091-1](https://doi.org/10.1016/S1449-4035(06)70091-1)
13. Suroor, H. (2019). *Who killed liberal Islam?* New Delhi: Rupa Publications.
14. Tahir, A. (Ed.). (2020). *Political Muslims: Understanding youth resistance in a global context*. Syracuse: Syracuse University Press.
15. Wahib, A.B. (2012). *Liberal Islam in Indonesia: Jaringan Islam liberal on religious freedom and pluralism*. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing.

References

1. Drugov, A. Yu. (2020). Musul'manskiy radikalizm i terrorizm v sovremennoy Indonezii [Muslim radicalism and terrorism in modern Indonesia]. *Religiya i obshchestvo na Vostoke*, (4), 230–254. <https://doi.org/10.31696/2542-1530-2020-4-230-254>
2. Efimova, L.M. (2017). “Myagkaya sila” protiv religioznogo terrorizma v Indonezii [“Soft power” against of religious terrorism in Indonesia]. *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyy i mezhdunarodno-politicheskij aspekty*, 13(1), 115–132.
3. Eyadat, Z. (Ed.). (2018). *Islam, state, and modernity*. London & New York: Palgrave Macmillan.
4. Harvey, C. (2021). *Intellettualismo musulmano in Indonesia: La controversia sulla rete dell' Islam liberale*. Milano: Edizioni Sapienza.
5. Kersten, C. (2015). *Islam in Indonesia: The contest for society, ideas and values*. Oxford: Oxford University Press.
6. Kirchaniv, M. V. (2021). Indonezijs'kiy islamizm yak marhinal'nyy vypadok rozvytku politychnoho islamu v musul'mans'kij krajini [Indonesian Islamism as a marginal case of the development of political Islam in a Muslim country]. *Skhidnyy svit*, (3), 107–122.
7. Kirchanov, M. V. (2021a). “Izobretennyye traditsii” indoneziyskogo liberal'nogo islama 2000-kh – pervoy poloviny 2010-kh godov [“Invented traditions” of Indonesian liberal Islam of the 2000s and the first half of the 2010s]. *Islamovedeniye*, 12(1), 16–29. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-1-16-29>
8. Kirchanov, M. V. (2021b). Informatsionnaya povestka indoneziyskikh islamistov v nachale 2021 goda: islamizm na rasput'ye [Indonesian Islamists'...

information agenda in early 2021: Islamism at a crossroads]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2(2), 130–141. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-130-141>

9. Menchik, J. (2016). *Islam and democracy in Indonesia: Tolerance without liberalism*. Cambridge: Cambridge University Press.

10. Peterson, D. (2020). *Islam, blasphemy, and human rights in Indonesia: The trial of Ahok*. London & New York: Routledge.

11. Rahim, L.Z. (2006). Discursive contest between liberal and literal Islam in Southeast Asia. *Policy and Society*, 25(4), 77–98. [https://doi.org/10.1016/S1449-4035\(06\)70091-1](https://doi.org/10.1016/S1449-4035(06)70091-1)

12. Rogozhina, N.G. (2020). Bor'ba s islamskim terrorizmom v Yugo-Vostochnoy Azii [The struggle against Islamic terrorism in Southeast Asia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 64(8), 27–36. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-27-36>

13. Suroor, H. (2019). *Who killed liberal Islam?* New Delhi: Rupa Publications.

14. Tahir, A. (Ed.). (2020). *Political Muslims: Understanding youth resistance in a global context*. Syracuse: Syracuse University Press.

15. Wahib, A.B. (2012). *Liberal Islam in Indonesia: Jaringan Islam liberal on religious freedom and pluralism*. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing.

Информация об авторе

Максим Валерьевич Кирчанов, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Information about the author

Maxim Valerievich Kirchanov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Historical Faculty, Voronezh State University, Voronezh, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ТИП ДЕМОКРАТИИ: СТРАТЕГИЯ «ИСКЛЮЧЕНИЯ» ПОЛИТИЧЕСКОГО

Ирина Викторовна Журбина,

Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия,
soloveyIV1@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.03.2022, принята к публикации 29.08.2022

Для цитирования: Журбина И.В. Неoliberalный тип демократии: стратегия «исключения» политического // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 3. С. 70–85. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_70

Аннотация

В статье анализируется проблема представительной демократии в условиях доминирования неолитерализма, радикально трансформирующего представление о политической жизни общества. Эвристически значимыми являются концепции, рассматривающие демократию неолитерального типа с позиций установления предела представлениям о том, что традиционно называется «власть народа»: «пределительство демократии» (К. Лэш), «конец либеральной демократии» (В. Браун), «постдемократия» (К. Крауч), «размывание западной демократии» (П. Майр), «предел либеральной демократии» (С. Жижек). В рамках философско-герменевтического метода исследования установление предела означает выявление концепций и понятий, возвращающих к вопросу о политическом смысле концепта представительной демократии в условиях глобальной «экономизации» жизни общества. Рассматривается парадоксальность системы демократического представительства на основе анализа механизмов политической репрезентации (Ф. Анкерсмит) и логики делегирования (П. Бурдье). Кризис системы демократического представительства показан через метафору барлбианской политики, демонстрирующую зависимость власти от голосов избирателей. Неoliberalный тип демократии рассматривается как

© Журбина И.В., 2022

вариант неполитической демократии. Лишение демократии политического смысла означает, что расширение демократического принципа (представительная демократия + элементы прямой демократии) неизбежно сопровождается сокращением политических полномочий избирателей, что, в свою очередь, снижает реальные возможности граждан оказывать влияние на государственную политику, находящуюся под властью элит, транснациональных корпораций и мировых финансовых рынков. Обосновывается, что в условиях неолиберализма электронное правительство, медиадемократия, электронная демократия, кибердемократия являются формами симуляции политического смысла демократии, учитывая массовый «уход» граждан из политики и снижение уровня их политической активности.

Ключевые слова:

неолиберализм, система демократического представительства, репрезентация, делегирование, бартлбианская политика, медиадемократия, электронная демократия, кибердемократия.

UDC 1:32.001:321.7(045)

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_70

NEOLIBERAL DEMOCRACY: THE STRATEGY OF EXCLUDING THE POLITICAL MEANING

Irina V. Zhurbina,

Udmurt State University,
Izhevsk, Russia,
soloveyIV1@mail.ru

Article received on March 23, 2022, accepted on August 29, 2022

For citation: Zhurbina, I. V. (2022). Neoliberal Democracy: The Strategy of Excluding the Political Meaning. *Discourse-P*, 19(3), 70–85. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_70

Abstract

The article analyzes the issue of representative democracy under the dominance of neoliberalism, which radically transforms the idea of the political life of society. Heuristically significant are the concepts considering neoliberal democracy in terms of setting a limit to the ideas about what is traditionally called “power of the people”: “the betrayal of democracy” (Christopher Lasch), “the end of liberal democracy” (Wendy Brown), “post-democracy” (Colin Crouch), “the hollowing of Western democracy” (Peter Mair), and “the limits of liberal democracy” (Slavoj Žižek). According to the research

method of philosophical hermeneutics, setting a limit means identifying theories and concepts which bring back the debate on the political meaning of the concept of representative democracy in the context of the global “economization” of society. The paradoxical nature of the system of democratic representation is considered through the mechanisms of political representation (Frank Ankersmit) and the logic of delegation (Pierre Bourdieu). The article shows the system crisis of democratic representation by the metaphor of Bartlebian politics demonstrating the dependence of the authorities on the votes of the electorate. Neoliberal democracy is regarded as a variant of non-political democracy. Deprivation of democracy of its political meaning suggests that the expansion of the democratic principle (representative democracy + elements of direct democracy) is inevitably accompanied by a reduction in the political powers of voters, which, in turn, reduces real opportunities for citizens to influence public policy ruled by elites, transnational corporations, and world financial markets. The study also argues that in the context of neoliberalism, e-government, media democracy, e-democracy and cyberdemocracy are ways of simulating the political meaning of democracy given the mass withdrawal of citizens from politics and a decrease in their political activity.

Keywords:

neoliberalism, system of democratic representation, representation, delegation, Bartlebian politics, media democracy, e-democracy, cyber democracy.

Введение

В настоящее время кризис системы демократического представительства исследователи непосредственно связывают с процессами экономической глобализации и неолиберальной «экономизации» сфер жизни общества, которые до этого никогда не были зависимы от рынка: культура, образование, медицина, спорт (Браун, 2018; Дин, 2016). Глобальная экономика формирует представление о локальной политике государства, подчиненной экономике и закону рыночных отношений. Неолиберальное государство – «это государство конкуренции, государство рынка, государственная конфигурация, в которой политика следует логике капитала. Эта государственная форма несет, так сказать, штамп «проверено МВФ» (Бек, 2007, с. 344). Политика с большой буквы, которая традиционно была связана с проектами «счастливого общества», «справедливого общества», «хорошего общества», формирующими идеальные цели – Общественного блага, Счастья, Равенства, Свободы, Братства и т. д., замещается житейской политикой индивидов (Boyte, 2004; Clément & Zhelnina, 2020; Kerkvliet, 2009). Формируется демократия неолиберального типа, в рамках которой наблюдаются два противоположных явления: с одной стороны, деполитизация жизни общества становится стратегией государственной власти, негласно поддерживающей массовый «уход» индивидов из политики; с другой – происходит расширение форм демократического участия граждан.

Возобновление научного интереса к проблемам демократии определяется не столько стремлением исследователей «открыть демократию заново», сколько попытками переосмыслить демократию таким образом, чтобы «к ней адаптиро-

ваться в условиях снижения всеобщего интереса и вовлеченности в политику», т. е. «сохранить демократическую систему без демоса в ее центре» (Майр, 2019, с. 14). Наибольший интерес представляют исследования, показывающие пределы системы демократического представительства в условиях доминирования неолиберализма: «предательства демократии» (Лэш, 2002), «конца либеральной демократии» (Brown, 2003), «постдемократии» (Крауч, 2010), «предела политического выбора» (Родрик, 2014), «размывания западной демократии» (Майр, 2019), «предела либеральной демократии» (Жижек, 2020) и т. д. Позитивность рассуждений этих исследований заключается в том, что в них актуализируется понятие «предел», установление которого свидетельствует о научной рефлексии, возвращающей исследователей к исходному вопросу о политическом смысле концепта демократии: «заслуживает ли демократия того, чтобы выжить?» (Лэш, 2002, с. 65), «куда мы движемся?» (Крауч, 2010, с. 131), «что станет с надеждой на власть народа, если демос подвергнется дискурсивному разложению?» (Браун, 2018), «как сохранить демократию в условиях безразличия к политике народа?» (Майр, 2019) и т. д.

Интерпретация концептов, выявляющих пределы неолиберального типа демократии, открывает возможность для применения философско-герменевтического метода исследования. В рамках философской герменевтики данные теории можно рассматривать в качестве концептуальных путеводителей по неолиберальному миру глобальной экономики, содержащих герменевтические ключи, т. е. понятия, показывающие, что неолиберальный тип демократии является, по сути, неполитической демократией. К таким понятиям относятся «меритократия», «плутократия», «экспертотократия», «кибердемократия», «электронная демократия» и т. д. Особенность герменевтического анализа заключается в том, что именно философия имеет возможность объединять различные, на первый взгляд не связанные между собой концепции политологов, социологов и экономистов, занимающихся вопросами финансовой глобализации и ее последствий, в единый круг интерпретации, позволяющий понять ситуацию в целом (Гадамер, 1991, с. 79). Философская герменевтика, работающая на понятийном уровне, позволяет проследить как трансформацию смыслов устоявшихся категорий – демократия, народ, власть и т. д., так и установление смысла новых понятий, которые еще не имеют терминологической устойчивости категорий. В герменевтическом круге понимания (Хайдеггер, 2002, с. 153) любой термин и/или концепт является не конечной точкой (*terminus ad quem*), обозначающей эвристический предел исследования, а становится отправным термином и начальной точкой (*terminus a quo*), инициирующей процесс дальнейшего рассуждения.

В данном случае необходимо отметить, что стратегия деполитизации общества и польза «невмешательства широких масс в управление социальными процессами» обосновываются именно на концептуальном уровне, отражающем «интересы доминирующих социальных сил, заинтересованных в сохранении имеющегося политического и экономического порядка» (Мартьянов, 2021, с. 113). Философско-герменевтический анализ позволяет выявить доминирующие понятия неолиберального дискурса и показать, что «конец политики» является неолиберальным концептом, радикально трансформирующим представления о демократии. В работе обосновывается тезис о том, что неолиберальный тип демократии является вариантом неполитической демократии, демонстрирующей

отсутствие связи демократии и политики. Лишение демократии политического смысла означает, что расширение демократического принципа (представительная демократия + элементы прямой демократии) неизбежно сопровождается одно-временным сокращением политических полномочий избирателей, что, в свою очередь, снижает реальные возможности граждан оказывать влияние на государственную политику, находящуюся под властью элит, транснациональных корпораций и мировых финансовых рынков.

Парадокс неолиберальной демократии: конституирование неравенства

Экономическая глобализация знаменует собой переход к демократии неолиберального типа, появление которой исследователи рассматривают в аспекте «конца либеральной демократии» (Brown, 2003). «Конец либеральной демократии» означает не просто победу либеральной традиции индивидуальных прав и свобод над демократической традицией народного суверенитета (Mouffe, 2000, р. 3). Неолиберализм, утверждающий принцип свободного рынка, открывает неограниченные возможности для расширения сфер влияния финансового и корпоративного капитала на политику национальных государств. Это актуализирует проблему сужения политических возможностей демократии (δημοκρατία) в современном мире. Это объясняется тем, что неолиберализм доводит до предела демократическую идею равноправия (ισονομία) или равенства.

Изначально демократия как принцип установления народного суверенитета, так и форма государственного правления базируется на парадоксальном замыкании «народа» на самом себе, который, учреждая власть над самим собой, разделяет себя на две неравные части – представителей и представляемые лица. «Правление народа посредством народа» порождает естественную антиномию между управляющими и управляемыми (Дюверже, 2000, с. 510), которая вытекает как из системы демократического представительства, так и логики делегирования. Если система демократического представительства базируется на принципе различия между избирателями и их представителями, разделяя народ на две неравные части, «одна из которых репрезентируется, а другая ее репрезентирует» (Анкерсмит, 2004, с. 29), то в основе делегирования лежит логика отчуждения народа, порождающая иллюзию о том, что представитель является первопричиной власти народа. «На практике индивиды, находящиеся в изолированном и безгласном состоянии, не имеющие ни способности, ни власти, чтобы заставить слушать себя и быть услышанными, оказываются перед выбором либо безмолвствовать, либо доверить другим право говорить от своего имени» (Бурдье, 1993, с. 239).

Система представительства и логика делегирования как бы изначально предполагают разделение, отчуждение и противопоставление народа самому себе. В условиях неолиберализма народ как политическое целое проявляет себя в предельных именах – глобализованные/транснациональные элиты и локальное население (Бауман, 2004), олицетворяющих собой состояние абсолютного «разрыва» между неравными частями народа. Институциональные элиты, занимающие привилегированное положение, образуют замкнутые круги власти, включающие в себя политиков, членов правительства и их советников, финан-

систов, политтехнологов, представителей индустрии развлечений и т.д. Чем больше замыкаются институциональные элиты, тем сильнее обнаруживает себя стремление элит модернизировать демократические институты, максимально сократив участие народа в политической жизни.

Демократия (δημο-кратία) в условиях исчезновения народа (δῆμος) как ее истока порождает множество форм власти (κράτος) ограниченного круга лиц – богатых (πλοῦτος/ὀλιγαρχία), знающих (expertus), достойных (meritus). В результате происходит семантическое смещение от «Народа» как суверенного политического целого к «народу» как исключенной из политики части: «один и тот же термин, следовательно, означает как конститутивный политический субъект, так и класс, который если и не в правах, то на деле исключен из политики» (Агамбен, 2015, с. 36). Возможность такого семантического смещения можно обнаружить как в древнегреческом термине δῆμος, так и позднелатинском *populus*, содержащих крайние значения понятия «народ». Если обратиться к слову δῆμος, то оно обозначает одновременно народ и недифференцированную массу обездоленной и безымянной части народа, не имеющую права говорить и принимать участие: «просто люди, которые не учитываются; те, у кого <...> нет права приниматься в расчет» (Рансьер, 2006, с. 203). В свою очередь, слово *populus* первоначально вообще выполняло функцию терминологической границы, обозначая суверенного носителя государственной власти, который отделяется от всех тех, кто не может участвовать в выборных органах власти и называется *plebs*. В то время *plebs* противопоставляется патрициям (*patres*). В современных европейских языках двусмысленность понятия «народ» присутствует в термине *populous*. В данном случае французское слово *peuple*, итальянское *popolo*, испанское *pueblo*, английское *people*, происходящие от позднелатинских *populous* и *popularis*, «означают в простой речи и в политическом лексиконе как массу граждан в качестве единого политического тела (как в словосочетаниях «итальянский народ» или «народный судья»), так и представителей низших классов» (Агамбен, 2015, с. 36). В немецком языке словами *pobel*, *povel*, *pöbel*, *pövel*, происходящими от позднелатинского *populus*, описываются социальные низы – бедняки, простолюдины или чернь, которые как бы отделяются от народа (*Volk*). Здесь терминологическое отделение низших слоев населения осуществляется посредством пейоративных добавлений к слову *Volk* («народ»). Социальные низы обозначаются посредством понятия *niederer volk*, «простой народ» в значении незначительный общественный слой – *gemeynes volck*, «беспольный народ» – *bubevolck* («народишко»), *völcklin* («народец») (Вернер и др., 2016, с. 510, 515, 532).

Транснациональные элиты, монополизируя право принятия решений, являясь всего лишь частью общества, смещают понятие «народ» к исключенной из политического процесса части населения. Постулируемое демократией равенство оборачивается неравенством политических возможностей транснациональных (глобализованных) элит и народа. При неолиберализме принцип неравенства становится базовым принципом функционирования демократической формы государственного управления. В этом смысле неолиберализм, ориентированный на экономическую эффективность капиталистического рынка, вступает в противоречие с демократическими принципами, как бы показывая, что «нельзя одновременно поддерживать демократию, национальное самоопреде-

ление и экономическую глобализацию» (Родрик, 2014, с. 71). Возникает разрыв между «глобальным корпоративным капитализмом, свободными рынками и демократией» (Мартьянов, Руденко, 2022, с. 27). Транснациональные элиты олицетворяют собой высшую степень концентрации не просто власти, но тотальное господство «чистого» капитала, которое они используют для увеличения собственного могущества. Элиты не только диктуют экономическую политику избранным правительствам национальных государств, но и участвуют в их избрании путем лоббирования корпоративных интересов.

Сохранить капитал и свое господствующее положение, тем самым узаконив принцип неравенства, элиты могут только путем исключения политики. «Господство – это *власть без политики*. Без политики, ну разве что в качестве пережитка, которому предстоит исчезнуть» (Сюриа, 2001, с. 16). Отсутствие политики становится гарантом того, что не будет никакой социальной революции, способной перераспределить сформированный капиталом социальный порядок мира. Тотальное господство капитала организовано таким образом, считает М. Сюриа, что даже внутри финансовой, политической, информационной, юридической элиты отсутствует возможность захватить власть. «Поскольку нет больше никакой политики. Поскольку нет такой политики, над которой не возобладали бы деньги. Нет такой политики, над которой не возобладали бы деньги, поскольку нет политики, в которой деньги не решали бы все. Деньги до такой степени все решают, что нет больше политики, *даже политики денег*» (с. 21).

Деполитизацию жизни общества можно рассматривать в качестве осознанно выбранной стратегии государственной власти, находящейся под влиянием финансового и корпоративного капитала. Власть больше заинтересована в политической пассивности и индифферентности народа, чем в его поддержке (Бауман, 2021, с. 156). «Уход» большей части общества из политики означает исчезновение контроля народа за деятельностью власти. Отсутствие народа позволяет стереть границу между Большим правительством и Большим бизнесом, которые начинают взаимодействовать по модели «вращающихся дверей», а государственные интересы подменять интересами крупного бизнеса (Кляйн, 2015).

Кризис системы демократического представительства: бартлбианская политика

Кризис демократии исследователи связывают с исчезновением интереса у граждан к Политике с большой буквы, т. е. к политическим партиям, политическим движениям и программам правительства. Это приводит к снижению уровня массового политического участия граждан в мероприятиях, которые традиционно считались политическими (Бауман, 2002). Массовое безразличие граждан к политике знаменует собой не только «конец партийных демократий» (Майр, 2019, с. 10), но и «конец политики», поскольку неолиберальное государство лишает народ возможности демократическими способами влиять на решения власти. *Ното politicus* эпохи либерализма вытесняется *ното оэкономичесус* неолиберальной демократии (Браун, 2018).

В социальной философии кризис системы демократического представительства выражает метафора бартлбианской политики, означающая ненасильственное сопротивление индивидов власти, которые своим бездействием

реализуют единственное право – право не избирать представителей. Следует отметить, что бартлбианскую политику необходимо рассматривать не в качестве проявления неосознанной пассивности граждан, а как сознательный акт уклонения индивидов от участия в голосовании на выборах. Само понятие «бартлбианская политика» производно от фамилии Бартлби, главного персонажа повести Г. Мелвилла «Писец Бартлби» – нью-йоркского клерка, который на каждое требование хозяина что-то сделать отвечает одной фразой: «Я бы не предпочел»/*Would prefer not to*. Выражение, содержащее окончание *not to*, считает Ж. Делез, представляет собой пограничное высказывание с нарушенными грамматическими правилами. Такое высказывание является формулой, которая может неоднократно повторяться и видоизменяться: «Я не предпочел бы»/«Я не предпочел бы это делать»/«Я не предпочитаю говорить». Эта формула не только отвергает то, что предпочитается Бартлби не делать, но и делает невозможным то, что он должен делать. В этом смысле Бартлби не отказывается, но и не соглашается. «Формула <...> безжалостно уничтожает как предпочтительное, так и неpreferchitelnoe <...> она делает их неразличимыми: несет с собой пустоту неразличимости, неопределенности, которые постоянно занимают все больше места между неpreferchitelnoymi и preferchitelnoymi действиями» (Делез, 2002, с. 99–100).

В современной социальной философии образ Бартлби, во-первых, интерпретируется в аспекте позиции избирателей, которая определяется как пассивная активность индивидов, не желающих определенно отвечать «да» или «нет» (Жижек, 2010). Реализуя свое право не выбирать, индивиды не выступают против власти, что превратило бы их в участников протестного движения, но и не соглашаются участвовать в избирательном процессе, тем самым нарушая правила системы демократического представительства. Отказ от выборов становится актом, посредством которого избиратели устанавливают зоны молчания, лишая власть права на их голос. Это создает ситуацию, что сама власть как бы лишается голоса. Своим молчанием индивиды накладывают запрет на то, чтобы представители и/или власть говорила от их имени, в котором социальные индивиды отказываются узнавать самих себя. «Власть часто предпочитает диалог, участие, даже «критическое», молчанию – ей бы только вовлечь нас в «диалог», удостовериться, что наше зловещее молчание нарушено. И потому воздержание граждан от голосования есть подлинно политическое действие: оно властно ставит нас лицом к лицу с бессодержательностью современной демократии» (Жижек, 2010, с. 166). В данном случае молчание народа начинает говорить само за себя. В ситуации отказа от права выбора правительство «уже не может не замечать, что само оно существует и отправляет свои полномочия лишь постольку, поскольку граждане приемлют его в таком качестве – приемлют даже путем отрицания. Воздержание избирателей заходит дальше, чем внутривполитическое отрицание, чем вотум недоверия – оно отрицает сам принятый уклад» (с. 165). Власть лишается голосов избирателей, а значит, начинает существовать на пределе легитимности.

Во-вторых, Бартлби рассматривается как обобщенный образ просто человеческого существа. Поскольку Бартлби показан как персонаж, не имеющий никаких качеств и характерных черт, он оказывается полностью пустым или, «как сказали бы философы Возрождения, *homo tantum*, просто человеком и ни-

чем более» (Хардт, Негри, 2004, с. 193). В этом смысле Бартлби демонстрирует предельный способ отвержения власти, открывающий жизнь как таковую. Обращая к жизни, он становится персонажем, показывающим необходимость создания новой идеи жизни без политики, поскольку «в понятиях политики, сам по себе отказ (от работы и добровольного рабства, отрицание власти) ведет лишь к своего рода социальному самоубийству» (с. 194). Таким образом, метафора бартлбианской политики обращает, с одной стороны, к власти, показывая ее, пусть и формальную, зависимость от голосов избирателей. С другой стороны, бартлбианская политика возвращает к идее жизни как таковой, со всеми ее благами и радостями, к жизни, существующей в своей простоте и невинности.

Неполитическая демократия: утверждение «конца политики»

В современных социальных исследованиях неолиберальный тип демократии осмысливается на основе введенной К. Краучем (2010) концепции постдемократии. Использование префиксального способа образования понятия позволяет подчеркнуть современную трансформацию, которой подверглись демократические институты. Префикс, или приставка, «пост-» изменяет лексическое и грамматическое значение слова (Zhurbina, 2019, p. 170). В данном случае «демократия» не только утрачивает смысловую устойчивость категории, но и приобретает «веер» новых значений – электронной демократии, сетевой демократии, кибердемократии, медиадемократии и т. д. Концепция постдемократии открывает возможность трактовать неолиберальный тип демократии в перспективе тех значений, которые имеет приставка «пост-», означающая, во-первых, новое направление, возвращающее к началу; во-вторых, ситуацию упадка и/или конца (Лиотар, 1994, с. 57–58).

В первом варианте постдемократия интерпретируется как возвращение демократии к своему началу, когда представительная демократия начинает дополняться элементами прямой демократии, предполагающими увеличение форм демократического участия граждан и открытость власти для народа. Расширение принципа демократического участия граждан реализуется путем введения новых форм, к которым относятся в первую очередь мини-публики, моделирующие процесс публичной дискуссии граждан (Руденко, 2020) и способные выполнять функцию независимого контроля власти (Shablinskii, 2018); гражданские жюри, представляющие собой модель контроля гражданами органов местного самоуправления (Руденко, 2017); референдумы, организованные как общественными организациями, так и органами государственной власти, и т. д.

Однако такие мини-публики организуются не самими гражданами, принимающими в них участие, а органами государственной власти, частными фондами и академическими институциями (Shablinskii, 2018), что поднимает вопрос о степени их зависимости как от институтов власти, так и ангажированных ученых-экспертов, а также фондов, лоббирующих интересы корпораций и финансового капитала. Более того, решения граждан носят рекомендательный характер, т. е. не являются обязательными для власти, которая в зависимости от ситуации может их принять к сведению или проигнорировать. И, самое главное, содержание «повестки» ограничивается кругом вопросов, имеющих локальный характер и затрагивающих проблемы исключительно повседневной жизни.

Исследователи отмечают, что решаемые вопросы варьируются от обсуждения проблем охраны здоровья населения и планирования развития микрорайонов до обустройства детских площадок, мест захоронений, создания библиотек, строительства водопроводов (Руденко, 2020, с. 264–265).

Участие народа ограничивается обсуждением неполитических проблем, устранение которых является прямой обязанностью исполнительной власти и которые она как раз должна и может решать без обсуждения с народом. Такое «безудержное распространение демократии стерло границы между разными сферами человеческой деятельности – теми, где решения должны приниматься путем всенародного голосования или референдума, и теми, которые должны зависеть от профессионализма и компетентности» (Крацев, 2013). Актуальным является не столько вопрос, например, плохого качества воды или вырубки леса, а как получилось, что власть допустила такую ситуацию в результате проводимой экономической политики в интересах корпораций и частных компаний, которые загрязняют водоемы и уничтожают природные ресурсы? К этой категории относятся и популярные сегодня референдумы по вопросам благоустройства городской среды, когда гражданам предлагают выбрать один из объектов – парк, сквер, прогулочную зону и т. д., который необходимо благоустроить и/или построить заново. В связи с этим всегда возникают встречные вопросы к власти: «почему надо выбирать?», «почему у власти нет генерального плана благоустройства города?», «необходимость выбора – это дефицит бюджета или легитимная возможность его будущего «распила»?». Возникает парадоксальная ситуация, в соответствии с которой расширение форм демократического участия граждан одновременно уменьшает их возможность ставить собственно политические вопросы, способные подвергнуть сомнению не только механизм выборов, контролируемый рынком, но и установленный неолиберальный порядок власти. Обсуждение гражданами таких проблем, как перспектива глобальной катастрофы, нарушения прав человека, половая/национальная дискриминация, детская преступность и т. д. разрешается только путем превращения неолиберальной идеологии (капитал-парламентаризм) в аксиому, не требующую доказательств. В связи с этим и вопросы, ставящие под сомнение неолиберальный порядок – «что означает демократия, лишённая политики?» и/или «демократия есть?», приобретают даже не антидемократический смысл, а становятся невозможными.

Если обратиться к формам цифровой демократии (электронная демократия/кибердемократия), то они формируют представление об открытости власти для народа, поскольку упрощают доступ к информации о деятельности правительства и органов власти. Развитие сети Интернет открывает возможность «гражданам <...> участвовать в демократической жизни наряду с «управляющими», а также активизирует участие граждан в демократических процессах обсуждения и принятия политических решений (Пилипенко, 2019, с. 189). Используя интернет-технологии, граждане могут участвовать в обсуждениях, комментируя решения правительства, а также наблюдать в режиме онлайн-трансляции за заседаниями правительства и т. д. В этом смысле цифровые технологии создают «иллюзию близости» народа и власти, ее открытости и доступности для диалога с народом. Однако чем ближе власть оказывается к народу в цифровом мире, тем дальше от народа в реальном мире она находится. Цифровая демократия становится современной формой властвования неолиберальных (глобализованных)

элит, усиливающей парадоксы современной демократии. Демократия как бы существует, поскольку сохраняет свои институциональные формы, но в реальности ее нет, поскольку нарушен принцип равенства. Транснациональные корпорации, контролирующие неолиберальную власть, постоянно совершенствуют возможности цифрового мира, вкладывая немалые денежные средства в организацию онлайн голосований, референдумов, развитие проектов электронного правительства и т. д. Именно технические возможности позволяют использовать народ для легитимации антинародных решений, а непопулярные в народе решения принимать, минуя традиционные демократические каналы.

В эпоху доминирования неолиберализма проекты обновления форм демократии осуществляются в ситуации «конца политики». Это возвращает нас ко второму смыслу концепции постдемократии. Ситуация «конца политики» трактуется исследователями либо как конец национально-государственной политики и переход к политике транснациональной, которая формируется перед лицом глобальных катастроф (Бек, 2007, с. 332), либо в аспекте конца демократии как формы государственного устройства и конкретной конфигурации отдельного государства. Демократия начинает рассматриваться как категория отдельной политики (*une politique*), а именно политики капитала-парламентаризма, но не политики как таковой (*la politique*) (Бадью, 2005, с. 163). В этом смысле неолиберальный тип демократии является понятием-пределом, показывающим одновременно исчерпанность концепта демократии как государственной формы, так и возвращающим к представлению о демократии как принципу равенства, установление которого является смыслом современной политики активизма и/или политики равенства, разворачивающейся в местах, где возникают ситуации радикального неравенства.

Заключение

Неолиберализм трансформирует политический смысл концепта демократии. Лишение демократии политического смысла означает «конец демократии» и наступление постполитического состояния мира. В «конце политики» демократический принцип равенства или равноправия оборачивается своей противоположностью – неравенством. В неолиберализме разделение, отчуждение и, как итог, противопоставление народа самому себе проявляют себя в предельных именах – глобализованные/транснациональные элиты, демонстрирующие идею «чистого» капитала, и локальное население, представляющее идею «чистой» жизни. Семантически неустойчивое понятие «народ» начинает относиться к локальному населению, исключенному из процесса принятия политических решений. Эффект неравенства не признается как естественный продукт развития демократической системы, базирующейся на аксиоматике равенства. Эффект начинает функционировать одновременно в двух режимах – нехватки и избытка демократии. Первый вариант основывается на аксиоме, вариациями которой служат утверждения: «демократия является единственно возможным вариантом» (Шмиттер, 2006); «парламентские демократии не хороши, но они «наименее плохи» (Бадью, 2005, с. 112). В данном случае нехватка демократии восполняется развитием новых форм участия народа в политическом процессе: мини-публики, гражданские жюри, референдумы и т. д. Однако участие наро-

да ограничивается обсуждением неполитических проблем, создавая при этом видимость развития демократического процесса и не позволяя констатировать «конец демократии» как власти народа. Вариант избытка демократии открывает возможность существования «демократии без демоса». В данном случае исключение народа становится гарантом неизменности неолиберального порядка. Бартлбианская политика разворачивает народ к идее жизни, показывая, что любая борьба с властью глобального капитала бесполезна и бессмысленна, поэтому звучит как бы негласный призыв: «Живи и радуйся!» и/или «Просто живи!» Выражением бесполезности и бессмысленности любой политической борьбы с властью транснациональных элит и глобального капитала становится фигура Михаэла К. – главного персонажа романа Дж. М. Кутзее, чье бесконечное движение, отрицающее власть, обесмысливает саму жизнь (Хардт, Негри, 2004, с. 193). В этом смысле неолиберальный тип демократии, с одной стороны, показывает исчерпанность концепта демократии в условиях доминирования глобального капитала, с другой – это понятие осуществляет «поворот» исследования концепта демократии за пределы представлений о форме государственной власти. Здесь демократия отождествляется с понятием «равенство», которое может рассматриваться как основание политики активизма «исключенной» части народа.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. (2015). *Средства без цели. Заметки о политике*. М.: Гилея.
2. Анкерсмит, Ф. (2004). Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу. *Логос*, (2), 15–40.
3. Бадью, А. (2005). *Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике*. М.: Логос.
4. Бауман, З. (2002). *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.
5. Бауман, З. (2004). *Глобализация. Последствия для человека и общества*. М.: Весь мир.
6. Бауман, З. (2021). *Свобода*. М.: Новое издательство.
7. Бек, У. (2007). *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия*. М.: Прогресс-Традиция; Территория будущего.
8. Браун, В. (2018). Разрушение демократии: как неолиберализм преобразовывает государство и субъекта. *Неприкосновенный запас*, (4), 99–129.
9. Бурдье, П. (1993). *Социология политики*. М.: Socio-Logos.
10. Вебер, М. (1990). Политика как призвание и профессия. В М. Вебер, *Избранные произведения* (с. 644–706). М.: Прогресс.
11. Вернер, К., Гцницер, Ф., Козеллек, Р., Шёнеман, Б. (2016). Народ, нация, национализм, масса (Volk, Nation, Nationalismus, Masse). В *Словарь основных исторических понятий: избранные статьи* (Т. 2, с. 322–752). М.: Новое литературное обозрение.
12. Гадамер, Г.-Г. (1991). О круге понимания. В Г.-Г. Гадамер, *Актуальность прекрасного* (с. 72–81). М.: Искусство.
13. Делез, Ж. (2002). *Критика и клиника*. СПб.: Machina.
14. Дин, М. (2016). *Правительность: власть и правление в современных*

обществах. М.: Дело.

15. Дюверже, М. (2000). *Политические партии*. М.: Академический Проект.

16. Жижек, С. (2010). *О насилии*. М.: Европа.

17. Жижек, С. (2020). *Пределы либеральной демократии*. Взято 5 марта 2022, с <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/predely-liberalnoj-demokratii>

18. Кляйн, Н. (2015). *Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф*. М.: Добрая книга.

19. Крастев, И. (2013). *Подъем и падение демократии? Меритократия?* Взято 1 апреля 2022, с <https://globalaffairs.ru/articles/podem-i-padenie-demokratii-meritokratiya/>

20. Крауч, К. (2010). *Постдемократия*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

21. Лиотар, Ж.-Ф. (1994). Заметка о смыслах «пост». *Иностранная литература*, (1), 56–59.

22. Лэш, К. (2002). *Восстание элит и предательство демократии*. М.: Логос.

23. Майр, П. (2019). *Управляя пустотой. Размывание западной демократии*. М.: Изд-во Института Гайдара.

24. Мартьянов, В. С. (2021). В поисках другого мейнстрима. *Полис. Политические исследования*, (4), 112–131. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09>

25. Мартьянов, В. С., Руденко, В. Н. (2022). Магия белого прогрессора: от глобального каргокульта к новой политической нормальности. *Полития*, (1), 24–49. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49>

26. Пилипенко, А. Н. (2019). Франция: к цифровой демократии. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, (4), 185–207. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.4.185.207>

27. Рансьер, Ж. (2006). *На краю политического*. М.: Праксис.

28. Родрик, Д. (2014). Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. *Экономическая социология*, 15(2), 65–74.

29. Руденко, В. Н. (2017). Гражданские большие жюри как форма общественного контроля. *Дискурс-Пи*, (2), 22–30. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.27.2.2230>

30. Руденко, В. Н. (2020). Перспективы демократии в современном конституционализме. *Вестник Российской академии наук*, 90(3), 259–266. <https://doi.org/10.31857/S0869587320030202>

31. Сюрис, М. (2001). *Деньги: крушение политики*. СПб.: Наука.

32. Хайдеггер, М. (2002). *Бытие и время*. СПб.: Наука.

33. Хардт, М., Негри, А. (2004). *Империя*. М.: Праксис.

34. Шмиттер, Ф. К. (2006). Угрозы и дилеммы демократии. Взято 4 февраля 2022, с <http://www.politnauka.org/library/dem/schmitter.php>

35. Boyte, H. C. (2004). *Everyday politics: Reconnecting citizens and public life*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

36. Brown, W. (2003). Neoliberalism and the end of liberal democracy. *Theory and Event*, 7(1), 15–18. <https://doi.org/10.1353/tae.2003.0020>

37. Clément, K., & Zhelnina, A. (2020). Beyond loyalty and dissent: Pragmatic

everyday politics in contemporary Russia. *International Journal of Politics, Culture and Society*, 33(2), 143–162. <https://doi.org/10.1007/s10767-019-9319-0>

38. Kerkvliet, B.J. (2009). Everyday politics in peasant societies (and ours). *Journal of Peasant Studies*, 36(1), 227–243. <https://doi.org/10.1080/03066150902820487>

39. Mouffe, C. (2000). *The Democratic paradox*. London & New York: Verso.

40. Shablinskii, A. (2018). On mini-publics in deliberative democracies: Inefficient instrument or Arendt's "Oasis of freedom"? *Социологическое обозрение*, 17(4), 103–116. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-4-103-116>

41. Zhurbina, I. (2019). Interpreting the concept of politics in terms of prefixation. *Balkan Journal of Philosophy*, 11(2), 169–178. <https://doi.org/10.5840/bjp201911217>

References

1. Agamben, G. (2015). *Sredstva bez celi. Zametki o politike* [Means without end: Notes on politics]. Moscow: Gileya.

2. Ankersmit, F. (2004). Reprezentativnaja demokratija. Jesteticheskij podhod k konfliktu i kompromissu [Representative democracy. An aesthetic approach to conflict and compromise]. *Logos*, (2), 15–40.

3. Badiou, A. (2005). *Meta/Politika: Mozhno li myslit' politiku? Kratkij traktat po metapolitike* [Metapolitics: Can politics be thought?]. Moscow: Logos.

4. Bauman, Z. (2002). *Individualizirovannoe obshchestvo* [The individualized society]. Moscow: Logos.

5. Bauman, Z. (2004). *Globalizacija. Posledstviya dlja cheloveka i obshchestva* [Globalization: The human consequences]. Moscow: Ves' mir.

6. Bauman, Z. (2021). *Svoboda* [Freedom]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

7. Beck, U. (2007). *Vlast' i ee opponenty v e'poxu globalizma. Novaya vsemirno-politicheskaya e'konomiya* [Power in the global age: A new political economy]. Moscow: Progress-Tradiciya; Territoriya budushhego.

8. Bourdieu, P. (1993). *Sociologija politiki* [Sociology of politics]. Moscow: Socio-Logos.

9. Boyte, H.C. (2004). *Everyday politics: Reconnecting citizens and public life*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

10. Brown, W. (2003). Neoliberalism and the end of liberal democracy. *Theory and Event*, 7(1), 15–18. <https://doi.org/10.1353/tae.2003.0020>

11. Brown, W. (2018). Razrushenie demokratii: kak neoliberalizm preobrazovyvaet gosudarstvo i sub»ekta [Undoing democracy: Neoliberalism's remaking of state and subject]. *Neprikosnovennyj zapas*, (4), 99–129.

12. Clément, K., & Zhelnina, A. (2020). Beyond loyalty and dissent: Pragmatic everyday politics in contemporary Russia. *International Journal of Politics, Culture and Society*, 33(2), 143–162. <https://doi.org/10.1007/s10767-019-9319-0>

13. Crouch, C. (2010). *Postdemokratiya* [Post-democracy]. Moscow: Izd. Dom Vysshej shkoly e'konomiki.

14. Dean, M. (2016). *Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennyh obshchestvah* [Governmentality. Power and rule in modern society]. Moscow: Delo.

15. Deleuze, G. (2002). *Kritika i klinika* [Essays critical and clinical]. Saint Petersburg: Machina.

16. Duverger, M. (2000). *Politicheskie partii* [Political parties]. Moscow: Akademicheskij Proekt.
17. Gadamer, H.-G. (1991). O krugе ponimaniya [On the circle of understanding]. In H.-G. Gadamer, *Aktual'nost' prekrasnogo* (pp. 72–81). Moscow: Iskusstvo.
18. Hardt, M., & Negri, A. (2004). *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praksis.
19. Heidegger, M. (2002). *Bytie i vremya* [Being and time]. Saint Petersburg: Nauka.
20. Kerkvliet, B.J. (2009). Everyday politics in peasant societies (and ours). *Journal of Peasant Studies*, 36(1), 227–243. <https://doi.org/10.1080/03066150902820487>
21. Klein, N. (2015). *Doktrina shoka. Rascvet kapitalizma katastrof* [The shock doctrine: The rise of disaster capitalism]. Moscow: Dobraya kniga.
22. Krastev, I. (2013). *Pod'em i padenie demokratii? Meritokratiya?* [The rise and fall of democracy? Meritocracy?]. Retrieved April 1, 2022, from <https://globalaffairs.ru/articles/podem-i-padenie-demokratii-meritokratiya/>
23. Lasch, C. (2002). *Vosstanie jelit i predatel'stvo demokratii* [The revolt of the elites and the betrayal of democracy]. Moscow: Logos.
24. Lyotard, J.-F. (1994). Zametka o smysle "post" [Note on the meanings of "post"]. *Inostrannaya literatura*, (1), 56–59.
25. Mair, P. (2019). *Upravlyaya pustotoj. Razmyvanie zapadnoj demokratii* [Ruling the void: The hollowing of western democracy]. Moscow: Izdvo Instituta Gajdara.
26. Martyanov, V.S. (2021). V poiskax drugogo mejnstrima [In search of another mainstream]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), 112–131. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09>
27. Martyanov, V.S., & Rudenko, V.N. (2022). Magiya belogo progressora: ot global'nogo kargokul'ta k novej politicheskoj normal'nosti [The magic of the white progressor: From global cargo cult to a new political normality]. *Politiya*, (1), 24–49. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49>
28. Mouffe, C. (2000). *The Democratic paradox*. London & New York: Verso.
29. Pilipenko, A.N. (2019). Franciya: k cifrovoj demokratii [France: To digital democracy]. *Pravo. Zhurnal Vysšej shkoly e'konomiki*, (4), 185–207. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.4.185.207>
30. Rancière, J. (2006). *Na krayu politicheskogo* [On the edge of the political]. Moscow: Praksis.
31. Rodrik, D. (2014). Paradoks globalizacii: demokratiya i budushhee mirovoj e'konomiki [The globalization paradox: Democracy and the future of the world economy]. *E'konomicheskaya sociologiya*, 15(2), 65–74.
32. Rudenko, V.N. (2017). Grazhdanskije bol'shie zhyuri kak forma obshhestvennogo kontrolya [Civil grand juries as a form of civil control]. *Diskurs-Pi*, (2), 22–30. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.27.2.2230>
33. Rudenko, V.N. (2020). Perspektivy demokratii v sovremennom konstitucionalizme [Prospects of democracy in modern constitutionalism]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 90(3), 259–266. <https://doi.org/10.31857/S0869587320030202>
34. Shablinskii, A. (2018). On mini-publics in deliberative democracies: Inefficient instrument or Arendt's "Oasis of freedom"? *Sociologicheskoe obozrenie*, 17(4), 103–116. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-4-103-116>

35. Shmitter, P.C. (2006). Ugrozy i dilemmy demokratii [Dangers and dilemmas of democracy]. Retrieved February 4, 2022, from <http://www.politnauka.org/library/dem/schmitter.php>
36. Surya, M. (2001). *Den'gi: krushenie politiki* [Money: The ruin of politics]. Saint Petersburg: Nauka.
37. Weber, M. (1990). Politika kak prizvanie i professiya [Politics as a vocation]. In M. Weber, *Izbrannye proizvedeniya* (pp. 644–706). Moscow: Progress.
38. Werner, K., Gschnitzer, F., Koselleck, R., & Schönemann, B. (2016). Narod, naciya, nacionalizm, massa (Volk, Nation, Nationalismus, Masse) [People, Nation, Nationalism, Mass (Volk, Nation, Nationalismus, Masse)]. In *Slovar' osnovnykh istoricheskix ponyatij: izbrannye stat'i* (Vol. 2, pp. 322–752). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
39. Zhurbina, I. (2019). Interpreting the concept of politics in terms of prefixation. *Balkan Journal of Philosophy*, 11(2), 169–178. <https://doi.org/10.5840/bjp201911217>
40. Žižek, S. (2010). *O nasilii* [Violence]. Moscow: Evropa.
41. Žižek, S. (2020). *Predely liberal'noj demokratii* [The limits of liberal democracy]. Retrieved March 5, 2022, from <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/predely-liberalnoj-demokratii>

Информация об авторе

Ирина Викторовна Журбина, кандидат философских наук, доцент, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0416-4665>, e-mail: soloveyIV1@mail.ru

Information about the author

Irina Victorovna Zhurbina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0416-4665>, e-mail: soloveyIV1@mail.ru

ЗАПАДНЫЕ БАЛКАНЫ В ДИСКУРСЕ ЕС И СТРАН РЕГИОНА С ПОЗИЦИИ КРИТИКИ БАЛКАНИЗМА

Анастасия Валерьевна Малешевич,

Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия,
anastasia.maleshevich@gmail.com

Статья поступила в редакцию 12.04.2022, принята к публикации 29.08.2022

Для цитирования: Малешевич А.В. Западные Балканы в дискурсе ЕС и стран региона с позиции критики балканизма // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 3. С. 86–100. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_86

Аннотация

В статье анализируется концепт «Западные Балканы», введенный и продвигаемый в официальных документах Европейского союза для обозначения стран бывшей Югославии (без Словении) и Албании. Автор статьи развивает идею, что данное понятие представляет собой искусственный административный термин, используемый для обозначения транзитного положения балканских стран, которые пока не завершили процесс евроинтеграции. В этой связи новые тенденции символической географии Балканского полуострова рассматриваются в рамках критики балканизма, под которым по аналогии с ориентализмом понимается приписывание Балканскому региону специфических негативных черт, являющихся отражением западной модели доминирования. Отмечается, что в дискурсе ЕС представление региона связано с полемикой о необходимости дальнейшего расширения и включения в свой состав стран с конфликтным прошлым и настоящим. Негативный образ Балкан формирует императив «экспорта стабильности» на периферию Европы, а территория предстает пространством экспертизы и контроля. В то же время Западные Балканы больше не воспринимаются только как геополитическая проблема, а рассматриваются и как часть европейской цивилизации. Дискурс балканских стран склонен трактовать

© Малешевич А.В., 2022

новое географическое обозначение либо нейтрально, либо как манипуляцию, что зависит от их положения в регионе и по отношению к ЕС. При этом критическая рефлексия концепта связывается преимущественно с тенденцией к потере политической субъектности и с попытками воссоздать объединение южнославянских народов в новом формате.

Ключевые слова:

Западные Балканы, символическая география, балканизм, ориентализм, евроинтеграция, европеизация, бывшая Югославия, постъюгославское пространство, дискурс-анализ.

UDC 325.4

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_86

WESTERN BALKANS IN THE DISCOURSE OF THE EU AND THE BALKAN COUNTRIES FROM THE STANDPOINT OF BALKANISM CRITIQUE

Anastasiia V. Maleshevich,

Moscow State Institute
of International Relations (MGIMO University),
Moscow, Russia,
anastasia.maleshevich@gmail.com

Article received on April 12, 2022, accepted on August 29, 2022

For citation: Maleshevich, A.V. (2022). Western Balkans in the Discourse of the EU and the Balkan Countries from the Standpoint of Balkanism Critique. *Discourse-P*, 19(3), 86–100. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_86

Abstract

The article analyzes the concept of Western Balkans, introduced and promoted in official documents of the European Union to designate the countries of the former Yugoslavia (without Slovenia) and Albania. The author considers this concept to be an artificial administrative term used to denote transitional position of the Balkan countries that have not completed the process of European integration yet. In this regard, new trends in the symbolic geography of the Balkan peninsula are treated from the standpoint of Balkanism critique. Balkanism, by analogy with orientalism, is understood as attributing specific negative features to the Balkan region, which are a reflection of the Western

dominance model. It is noted that in the EU discourse, the vision of the region is connected with a controversy about the need for further expansion by including countries with conflicts in the past and the present. The negative image of the Balkans forms the imperative of “exporting stability” to the periphery of Europe, and the territory appears as a space of expertise and control. However, at the same time the Western Balkans are no longer perceived only as a geopolitical problem, but are also considered as part of European civilization. The discourse of the Balkan countries tends to interpret the new geographical concept either neutrally or as a manipulation, which depends on their position in the region and in relation to the EU. The critical reflection of the concept is mainly associated with the tendency to lose political independence and attempts to recreate the union of South Slavic peoples in a new format.

Keywords:

Western Balkans, symbolic geography, Balkanism, Orientalism, European integration, Europeanization, former Yugoslavia, post-Yugoslav space, discourse analysis.

Введение

Консенсус относительно использования концепта «Западные Балканы» для обозначения стран бывшей Югославии без Словении, но с Албанией сформировался достаточно быстро и к настоящему моменту почти не имеет альтернатив. Новый термин практически полностью вытеснил такие конструкции, как «постъюгославское пространство» («страны бывшей Югославии») и даже просто «Балканы» применительно к государствам региона, декларирующим стремление к вступлению в Евросоюз. Незавершенный политический транзит (на пороге ЕС) стал отправной точкой и единственной отличительной чертой группы стран, названных Западными Балканами.

Завершение холодной войны подразумевало трансформацию символической географии Балканского полуострова в соответствии со стратегическим видением Запада как победившей стороны. В 1990-е гг. появлялись различные проекты реконструкции Балкан, а некоторые из них даже опирались на идею сохранения единства южных славян в формате конфедерации. Различные варианты региональной интеграции в качестве транзитной конструкции первоначально продвигались Евросоюзом. Тем не менее региональный подход был негативно воспринят странами, которые строили свою национально-государственную идентичность на противопоставлении Балканам.

Амбивалентность европейской стратегии заключалась, с одной стороны, в групповом подходе, зафиксированном в разработанном в 1999 г. Пакте стабильности для Юго-Восточной Европы. С другой стороны, индивидуальный подход положен в основу утвержденного в том же году Процесса стабилизации и ассоциации как рамочной концепции в отношении евроинтеграции стран Западных Балкан. Яркой иллюстрацией этой оптики служит популярный в европейском бюрократическом дискурсе «принцип регаты»¹, который подразумевает, помимо

¹ The regatta principle is the best solution (2017, October 26). *European Western*

индивидуального досье, соревнование между странами по вопросу вступления в ЕС.

В концепте «Западные Балканы» отразилась отмеченная амбивалентность. В официальных документах ЕС термин начинает применяться только во второй половине 1990-х гг., но еще эпизодически. Вехой стал первый саммит «ЕС – Западные Балканы» в Салониках в 2003 г. Новое обозначение региона окончательно вошло сначала в дискурс европейской бюрократии, а затем в региональную и глобальную повестку. Главным итогом саммита считается подтверждение перспективы интеграции стран из только что созданного в символическом пространстве Европы региона в ЕС². Изначально в группу Западных Балкан включались Сербия, Хорватия, Черногория, Босния и Герцеговина, Македония (БЮРМ) и Албания. В перечень никогда не входила Словения, а Хорватия была исключена из него со вступлением в ЕС в 2013 г. После одностороннего провозглашения независимости Косова в 2008 г. частично признанную республику стали включать в эту группу, но с оговорками. Базовой отличительной характеристикой нового региона стало то, что его составляли государства, которые пока не стали полноправными членами ЕС, в отличие от соседних стран, находившихся в финальной фазе интеграционного процесса. В самом концепте в его изначальном виде заключен механизм саморазрушения: по мере того, как страны региона будут вступать в ЕС, они, по примеру Хорватии, должны исключаться из группы. В конечном счете предполагалось, что Западные Балканы со временем могут исчезнуть или влиться в «тело» Европы в новом качестве.

В настоящей статье раскрываются тенденции перестройки символической географии той части Балканского полуострова, которая раньше считалась Югославией³, с акцентом на критике доминирующего в современном геостратегическом дискурсе концепта «Западные Балканы». Деконструкция осуществляется в рамках традиции системной критики балканизма как формы ориенталистского (неоколониального) дискурса. Исследованию процесса конструирования Западом образа балканского «Другого» посвящены известные работы М. Тодоровой (Todorova, 2009), М. Бакич-Хейден (Bakić-Hayden, 1995), В. Голдсуорти (Goldsworthy, 1998), Т. Петрович (Petrović, 2013), Д. Мишковой (Mishkova, 2019) и др. Развивая тезис о том, что приписываемые региону специфические негативные характеристики являются элементом западного мифа о Балканах, построенного, как и все бинарные конструкции, на иерархичных началах, мы стремимся выявить черты балканистского дискурса в содержании и специфике употребления нового термина «Западные Балканы». В первом разделе статьи представлены современные способы интерпретации символической географии Балканского полуострова. Во втором и третьем раз-

Balkans. Retrieved February 1, 2022, from <https://europeanwesternbalkans.com/2017/10/26/regatta-principle-best-solution/>

² EU-Western Balkans Summit Thessaloniki (2003, June 21). *European Commission*. Retrieved February 1, 2022, from https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/PRES_03_163

³ Албания не разбирается отдельно, но для нее, как для исторически балканской страны, характерны практически те же особенности репрезентации в западном дискурсе, что и для стран постъюгославского пространства.

делах анализируются особенности применения данного концепта в дискурсе ЕС и дискурсе стран региона, соответственно. Курсивом выделены цитаты, иллюстрирующие значимые дискурсивные конструкции.

Символическая география Балканского полуострова в контексте критики балканизма

Концепция ориентализма, предложенная Э. Саидом (2006) в одноименной работе, через отношения власти и знания указывает на формирование такого образа Востока, который является отражением западной модели доминирования. Не углубляясь в дискуссию о том, что в самой оптике ориентализма порой заметны эссенциалистские черты, стоит отметить, что похожие особенности характерны для западного взгляда на Восточную Европу и Россию (Вульф, 2003; Нойманн, 2004), а также в особенности на Балканы. Однако консенсус относительно того, можно ли в строгом смысле относить дискурс о Балканах к ориенталистской традиции, не сложился. Так, М. Бакич-Хейден и Р. Хейден считают, что возможен ориентализм в рамках Европы, точнее европейской периферии, в частности, несущей на себе отпечаток османского управления: в этом случае балканизм дополняется такими категориями, как византизм и православие (Bakić-Heyden & Heyden, 1993, p. 3). С другой стороны, М. Тодорова настаивает, что балканизм не может считаться лишь подвидом ориентализма, т.к. Балканы всегда позиционировались как особый регион и не относились к Востоку как таковому: несмотря на частые сравнения православия с «восточным деспотизмом», граница между христианством и исламом все же имела принципиальное значение (Todorova, 1994, p. 455). Тем не менее, даже если речь идет о некоей полуориентализации («внутренний Другой»), символическая география Балкан, во-первых, до сих пор концептуализируется в неокOLONIALной оптике, во-вторых, обеспечивает существование необходимых для европейской идентичности «Других» на ближней периферии.

В XIX в. на фоне полемики вокруг Восточного вопроса начинает складываться устойчивый образ Балкан как «пороховой бочки Европы», что тоже в известной степени является продуктом «этноисторической мифологии» (Вишняков, Пономарева, 2018).

На современном этапе балканистский дискурс имеет характерные социально-политические проявления, связанные с процессом евроинтеграции, в котором участвуют все страны региона. Односторонний характер переговоров о вступлении в Евросоюз, когда в соответствии с принципами кондициональности кандидатам выдвигается определенный перечень требований, в символическом смысле воспроизводит иерархии колониального времени. Некоторые из этих требований даже противоречат базовым характеристикам национальной идентичности: например, необходимость признания независимости Косова, зафиксированная в переговорной повестке Сербии и ЕС.

Особое значение балканистского дискурса, как отмечает Т. Петрович, заключается в том, что декларируемая патологическая неспособность народов договориться между собой служит обоснованием для сохранения внешнего управления и даже буквально военного присутствия (Petrović, 2013, pp. 112–113). Показательны здесь примеры Боснии и Герцеговины с анахроничным постом

Высокого представителя ЕС и частично признанного Косова, но в отношении других стран региона также применяется «экспертная», «супервизорская» оптика. В последнее время появляется идея о Западных Балканах, по выражению черногорского политика Н. Медоевича, как о европейской Латинской Америке. Имеется в виду прежде всего распространение криминала, но в то же время в этом концепте имплицитно присутствует указание на регион как на сферу исключительных интересов Евросоюза⁴. Этот образ получает особую известность в популярной культуре: например, о Балканах как о *Латино Европе* поет известный сербский рэпер⁵.

В период холодной войны считалась вполне уместной бинарная конструкция Западная – Восточная Европа. Для некоторых стран бывшей Югославии период национально-государственного строительства на фоне распада федерации связан с утверждением концепта Центральной Европы как антипода Балканам. На отрицании принадлежности к кругу балканских стран строятся словенская и хорватская идентичности в ракурсе символической географии. Определенное значение для стран Балканского полуострова имеет концепция Средиземноморья, но это измерение не рассматривается в статье.

Заслуживает внимания термин «Югосфера», который предложил в 2009 г. журналист издания *The Economist* Т. Джуда применительно к новым странам на постъюгославском пространстве⁶. Инициатива не получила поддержки в регионе, где автора даже обвинили в «югоностальгии», хотя практический смысл исключительно символического оформления Югосферы связан как раз с поиском нейтрального термина для обозначения стран бывшей Югославии, т. к. некоторые из них выступают категорически против использования различных «постъюгославских» конструкций. Такой же, судя по всему, представляется Югосфера.

Западные Балканы как элемент стратегии Евросоюза

В урегулировании ситуации на постъюгославском пространстве ЕС играл одну из ключевых ролей, а новые страны региона сразу получили так называемую «европейскую перспективу», т. е. тем или иным образом были включены в процесс евроинтеграции. Первоначально появление концепта «Западные Балканы» отражало групповой подход к интеграции региона по аналогии со странами пятой и шестой волн расширения – Центральной и Восточной Европой (ЦВЕ). Тем не менее довольно быстро ЕС скорректировал стратегию для региона в пользу «принципа регаты», представляющего собой лишь немного усложненный индивидуальный подход. Евроинтеграция ЦВЕ по принципу «большого взрыва» (Big Bang enlargement) имела более стремительный, а главное, групповой характер.

⁴ Медојевић: Држава Црна Гора је формирала кавачки и шкаљарски клан (2021, November 6). *DAN portal*. Retrieved February 1, 2022, from <https://dan.co.me/vijesti/politika/medojevic-drzava-crna-gora-je-formirala-kavacki-i-skaljarski-klan-5091628>

⁵ Relja – Latino Evropa (2018, May 27). *YouTube*. Retrieved February 1, 2022, from <https://www.youtube.com/watch?v=cq8Lt0vRVRI>

⁶ Judah, T. (2009, August 20). Entering the Yugosphere. *The Economist*. Retrieved January 10, 2022, from <https://www.economist.com/europe/2009/08/20/entering-the-yugosphere>

При сравнении стратегии ЕС к интеграции стран ЦВЕ и Западных Балкан отмечается тенденция к ужесточению требований при снижении гарантий со стороны Брюсселя.

Усложнение политики кондициональности подразумевает выстраивание дополнительных барьеров, обусловленных выполнением политических условий. К условным реперным точкам (conditionality checkpoints) относятся начало переговоров по соглашению о стабилизации и ассоциации, подписание соглашения о стабилизации и ассоциации, либерализация визового режима, предоставление статуса кандидата, начало переговоров о евроинтеграции (Vachudova, 2014, p. 133). При этом гарантии со стороны ЕС для региональных элит неочевидны. Страны длительное время находятся в состоянии неопределенности, что неизбежно приводит к проблеме доверия (credibility issue) и подрывает стремление соответствовать (compliance) предложенным стандартам.

Дезинтеграция Югославии, сопровождавшаяся серией военных конфликтов, которые по-прежнему не разрешены в полной мере, задает особый контекст для дальнейшего расширения ЕС на Балканский полуостров. Дискуссия о целесообразности принятия в состав союза бывших югославских республик⁷ определяет контуры восприятия Западных Балкан в дискурсе ЕС.

Во-первых, высокий уровень секьюритизации дискурса превращает перспективу евроинтеграции Западных Балкан из угрозы в необходимость или даже неизбежность. Именно потому, что это конфликтный и нестабильный регион, он должен быть включен в сферу ответственности Брюсселя: риски для Евросоюза значительно выше, если он будет игнорировать этнические конфликты, беззаконие, плохое управление буквально на *внутреннем дворе*. Идея продвижения пространства мира и демократии на европейской периферии в случае Западных Балкан получает критическое значение: *европейское «нет» Западным Балканам может спровоцировать конфликт*⁸. Предыдущий председатель Еврокомиссии Ж. – К. Юнкер заявлял, что *без европейской перспективы на Балканах существует угроза новых военных конфликтов*⁹. Довольно часто используется метафора Западных Балкан как *внутреннего (inner) или переднего (front) двора Европы* в том смысле, что там должны быть *чистота и порядок*,

⁷ См., например: Kamath, B.R. (2021, October 22). Why the Western Balkans matter to the European Union? *Observer Research Foundation*. Retrieved February 1, 2022, from <https://www.orfonline.org/expert-speak/why-the-western-balkans-matter-to-the-european-union/>; Fraenkel, E. (2016). The EU and the Western Balkans: Do they share a future? *Barcelona Center for International Affairs*. Retrieved February 1, 2022, from https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/notes_internacionals/n1_145_the_eu_and_the_western_balkans_do_they_share_a_future/the_eu_and_the_western_balkans_do_they_share_a_future

⁸ Opinion: EU's "no" to Western Balkans could spark conflict (2019, November 8). *Deutsche Welle*. Retrieved February 1, 2022, from <https://www.dw.com/en/opinion-eus-no-to-western-balkans-could-spark-conflict/a-51175992>

⁹ Juncker: Without European perspective, military conflicts possible in the Balkans (2018, October 5). *European Western Balkans*. Retrieved February 1, 2022, from <https://europeanwesternbalkans.com/2018/10/05/juncker-without-european-perspective-military-conflicts-possible-balkans/>

или стабильность¹⁰. «*Западные Балканы, наш «передний двор», если хотите, – говорит комиссар ЕС по вопросам расширения и политики добрососедства Й. Хан, – вот где наша политика «экспорта стабильности» остается особенно значимой*»¹¹. Метафора внутреннего двора вызывает ассоциации с отмеченной выше идеей Западных Балкан как европейской Латинской Америки.

Во-вторых, в дискурсе европейской бюрократии особое место отводится обоснованию цивилизационного единства со странами региона, их принадлежности Европе, но с поправкой на время (имеется в виду их естественное отставание). Для этого используются указания на общую семью, судьбу, историю, культуру и т. д. Председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен надеется, что они с Западными Балканами *одна европейская семья и делят общую судьбу*¹². Президент Франции Э. Макрон утверждает, что *Западные Балканы географически и исторически, с их трагическим прошлым и великим будущим, являются сердцем европейского континента*¹³.

В-третьих, конструирование образа региона как пространства европейской экспертизы, т. е. территории, развитие которой зависит от вовлеченности европейских консультантов, служит обоснованием для военно-политического присутствия ЕС в регионе. «Менторский» тренд связан с созданием многочисленных организаций гражданского общества, которые оказываются вовлечены в процесс принятия политических решений, осуществляют содействие реформам в соответствии с видением ЕС и т. д. Регулярно проводятся мероприятия с участием экспертов от гражданского общества, которые оценивают прогресс стран региона на пути евроинтеграции и дают дальнейшие рекомендации. Специфика экспертного дискурса заключается не просто в наличии дискуссий с участием различных НКО, что само по себе не является чем-то уникальным, но в интенсивности этой активности и предположительной вовлеченности экспертов во внутреннюю политику на правах консультантов и советников.

Наконец, функциональная геополитическая оптика по-прежнему прослеживается в заявлениях представителей ЕС. Верховный представитель Союза по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель признает, что *Западные Балканы являются геополитической проблемой*¹⁴. Его предшествен-

¹⁰ EU indecision “jeopardising” its position in Balkans – Vod der Lyaen (2021, October 6). *BBC*. Retrieved February 1, 2022, from <https://www.bbc.com/news/world-europe-58804144>

¹¹ Hahn: We need to see political will instead of political games in Western Balkans (2017, April 21). *European Western Balkans*. Retrieved February 1, 2022, from <https://europeanwesternbalkans.com/2017/04/21/hahn-we-need-to-see-political-will-instead-of-political-games-in-western-balkans/>

¹² “One family”: EU chief seeks to reassure Balkan states amid stalled membership bid (2021, October 6). *France24*. Retrieved February 1, 2022, from <https://www.france24.com/en/europe/20211006-one-family-eu-chief-seeks-to-reassure-balkan-states-amid-stalled-membership-bid>

¹³ Macron calls for clear accession perspective of the Western Balkans and reform of the EU (2022, January 19). *European Western Balkans*. Retrieved February 1, 2022, from <https://europeanwesternbalkans.com/2022/01/19/macron-calls-for-clear-accession-perspective-of-western-balkans-and-reform-of-the-eu/>

¹⁴ Borrell: Western Balkans is geopolitical problem, EU should provide engagement (2021,

ница на этом посту Ф. Могерини подчеркивала, что *Евросоюз сможет стать сильным глобальным актором только в случае интеграции Западных Балкан*¹⁵. Тем не менее создается впечатление, что риторика ЕС в отношении региона гуманизируется: геополитический дискурс уступает культурно-цивилизационному.

Балканистские черты в дискурсе Евросоюза о Западных Балканах проявляются в том, что, например, идея экспорта стабильности и необходимости внешнего управления основывается на традиционном восприятии региона (по выражению Х. Соланы) *как тоже Европы, но той ее части, где ненависть и конфликты продолжают бурлить*¹⁶.

Западные Балканы в дискурсе стран бывшей Югославии

Страны региона в большинстве своем применяют концепт «Западные Балканы», хотя с определенными оговорками. На официальном уровне практически не может быть пространства для маневра, т. к. в этом качестве они упоминаются в переговорной повестке ЕС. Термин достаточно распространен в медийном и государственном дискурсе, но в неформальном смысле по-прежнему считается искусственным. Взгляд на новый термин в странах бывшей Югославии во многом определяется их пониманием своей принадлежности к Балканам и своей роли в регионе. Достаточно стабильную балканскую идентичность сохраняют Сербия, Македония, Черногория, Босния и Герцеговина, Хорватия и Словения, находясь на пограничье, выстраивают свои идентичности на противопоставлении Балканам и югославскому прошлому. Наиболее развернутая рефлексия концепта предпринималась в Сербии и Хорватии, а также в несколько меньшей степени в Словении. Объединяет их восприятие *западнобалканской шестерки* как новой брюссельской конструкции, принятой для обозначения стран, *с которыми Евросоюз не знает, что делать*¹⁷. В других странах отношение к новому региональному объединению можно оценить как нейтральное.

Основной тон дискуссий так или иначе задается в академических кругах – в работах по геополитике и символической географии Балканского полуострова, а затем выходит в публичный дискурс, часто через интервью и заявления экспертов. В 2012 г. один из выпусков сербского журнала «Национални интерес» был посвящен критике концепта «Западные Балканы». Регион представляет собой

May 11). *EURACTIV*. Retrieved February 1, 2022, from https://www.euractiv.com/section/politics/short_news/borrell-western-balkans-is-geopolitical-problem-eu-should-provide-engagement/

¹⁵ Mogherini: EU will become a strong global actor only if it integrates WB (2019, October 16). *European Western Balkans*. Retrieved February 1, 2022, from <https://europeanwesternbalkans.com/2019/10/16/mogherini-eu-will-become-a-strong-global-actor-only-if-it-integrates-wb/>

¹⁶ Speech by Dr Javier Solana (2020, March 30). *European Council. Council of the European Union*. Retrieved February 1, 2022, from https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/discours/30.03.dublin.iea.doc.html

¹⁷ Dušan Proroković: Kraj “Zapadnog Balkana” (2017, March 22). *Novi Standard*. Retrieved February 1, 2022, from <https://standard.rs/2017/03/22/dusan-prorokovic-kraj-zapadnog-balkana/>

«расколотый пояс» (shatter belt), территорию постоянных этногеополитических конфликтов, поэтому поставлен в карантин, т. е. форму чистилища, через которое странам нужно пройти вместе (Gajić, 2012, p. 89). Смысл существования Западных Балкан как своеобразного чистилища перед попаданием на райские луга Запада¹⁸ присутствует в сербском медийном дискурсе наряду с метафорой европейского зала ожидания¹⁹. По аналогии с балканизацией авторы называют западнобалканизацией создание пространства протекторатов, нестабильных государств, десуверинизацию, релятивизацию границ (Stepić, 2012, p. 28). Указание на потерю политической субъектности, т. е. конверсию идентичности и переход из статуса активного субъекта мировой политической сцены в подчиненный и управляемый извне объект (Kljačić, 2012, p. 103), характерно преимущественно для Сербии. Авторы даже переводят известный националистический лозунг «слабая Сербия – сильная Югославия» на новый язык. Соответственно, *слабая Сербия – сильные Западные Балканы* (Gajić, 2012, p. 93). Речь идет про суррогат исчезнувшего сложного государства, а южные славяне превращаются в западнобалканцев (Кнежевић, 2012, pp. 72, 76).

Соотнесение Западных Балкан с Югославией присутствует в критике концепта в каждом из рассматриваемых случаев, даже если образ федерации имеет разное восприятие в национальных нарративах новых государств. Впрочем, раскол по условной линии «югностальгия – югофобия» носит скорее идеологический характер. По этой причине в Хорватии термин с самого начала подвергся жесткой критике как *попытка втянуть страну в новую балканскую интеграцию, новое южнославянское объединение, где было бы такое же соотношение сил, как и в прошлом* (Luketić, 2013, p. 187). Для Хорватии весь период до завершения евроинтеграции в 2013 г. связан с травмой Западных Балкан как *навязанной идентичности* (Slukan Altić, 2009). С началом интеграционного процесса страну вновь неожиданно включили в одну группу с другими югославскими республиками, к тому же маркировав новый формат как балканский. В хорватском дискурсе отмечается, что если первая Югославия была навязанной версальской конструкцией, то Западные Балканы – брюссельской (Milardović, 2000, p. 30). Возможно, исключение Хорватии из списка стран Западных Балкан после принятия ее в ЕС стало незапланированной уступкой, которая теоретически может иметь разрушительные последствия для всей конструкции.

В сербском дискурсе *Западная Балканиа*²⁰ как альтернатива Югославии часто критикуется с националистических позиций. В то же время встречаются химеры на стыке «югностальгии» и западнобалканизма – *антисербский, или токсичный югославизм, т. е. идея воссоздания Югославии под евроатлантическим зонтиком*²¹. Сложное сочетание проевропейского консенсуса одновременно

¹⁸ Macronova strategija za Zapadni Balkan: čistilište za rajске livade Zapada (2019, November 9). *Žurnal*. Retrieved February 1, 2022, from <https://zurnal.info/clanak/cistiliste-za-rajske-livade-zapada/22522>

¹⁹ Zapadni Balkan u Evropskoj čekaonici (2021, June 20). *Politika*. Retrieved February 1, 2022, from <https://www.politika.rs/sr/clanak/481685/Zapadni-Balkan-u-evropskoj-cekaonici>

²⁰ “Zapadna Balkanija” kao rešenje za Kosovo (2017, April 24). *Kosovo Sever portal*. February 1, 2022, from <https://kossev.info/zapadna-balkanija-kao-resenje-za-kosovo/>

²¹ Слободан Антонић: Токсични југославизам (2019, September 23). *Станье ствари*.

с «югофобией» (страх восстановления Югославии) и «югоностальгией» на постъюгославском пространстве не позволяет дать однозначные оценки, в каких странах преобладает негативный или позитивный взгляд на Западные Балканы, ведь они представляют собой все же неоформленное региональное объединение.

В своем анализе динамики балканистского дискурса хорватская исследовательница К. Лукетич отмечает, что слово «западный» в рассматриваемой синтагме нужно не как географическое определение, а для того, чтобы смягчить недовольство тех, кто «остался на Балканах», и в то же время облегчить самому Евросоюзу перспективу принятия «варварских народов» в свой круг (Luketić, 2013, p. 188). О цивилизаторской функции слова «западный» говорил и сербский автор П. Свиляр (Sviljar, 2010, p. 535). Спецификой сербского дискурса является то, что слову «западный» в этой конструкции противопоставляется тезис о том, что *Сербия всегда была центральнобалканским государством, как и сами сербы на Балканском полуострове*²². Географ М. Степич считает, что Сербия составляет *балканский Хартленд*²³. Эти идеи восходят к работам известного сербского географа Й. Цвийича о центральном положении сербов в регионе и отражают имперский характер сербской национальной идентичности.

Из всех югославских республик только Словения не была включена в Западные Балканы и раньше остальных завершила процесс евроинтеграции. Это обстоятельство и значимость сложившихся ранее хозяйственных связей определили восприятие региона в словенском дискурсе: с одной стороны, «пространство экспертизы», с другой – приоритетный рынок. Социолог Т. Петрович отмечает в словенском дискурсе любопытную конструкцию: Словения, будучи самой западной югославской республикой, должна быть в первую очередь включена в Западные Балканы (Petrović, 2010, p. 73). Это противоречие еще раз подтверждает тезис, что термин не базируется на строгих географических или культурных основаниях. Привилегированное положение Словении за пределами Западных Балкан, впрочем, не позволило избежать политики дискриминации по отношению к выходцам из более южных югославских республик, что выразилось в проблеме «стертых» (izbrisani), т. е. лиц без урегулированного административного статуса. В словенском дискурсе по отношению к другим югославам (западнобалканцам) утвердился уничижительный термин «чефур» (турцизм, изначально применимый к евреям); этой проблеме посвящен знаменитый роман Г. Войновича «Чефуры вон!»²⁴.

После вступления в ЕС Словения и Хорватия практически сразу стали лоббистами евроинтеграции Западных Балкан и взяли на себя функции «нормализации» региона, который теперь воспринимается как их пространство экспер-

Retrieved February 1, 2022, from <https://stanjestvari.com/2019/09/23/toksicni-jugoslavizam/>

²² Перишић: Бриселски пројекат Западни Балкан и Лес-Јаншин нон пејпер нису добри за Србе и Српску (2021, Мај 31). *Све о Српској*. Retrieved February 1, 2022, from <https://sveosrpskoj.com/komentari/perisic-briselski-projekat-zapadni-balkan-i-les-jansin-non-pejper-nisu-dobri-za-srbe-i-srpsku/>

²³ Milomir Stepic: Moskva mora delovati odlučnije na Balkanu (2021, March 29). *Novi Standard*. Retrieved February 1, 2022, from <https://standard.rs/2021/03/29/milomir-stepic-moskva-mora-delovati-odlucnije-na-balkanu/>

²⁴ Vojnović, G. (2008). *Čefurji raus!* Ljubljana: Beletrina.

тизы. По словам премьер-министра Словении Я. Янши, *со вступлением стран Западных Балкан в ЕС решились бы многие проблемы*²⁵. Например, Словения осуждает попытки Болгарии заблокировать вступление Северной Македонии в ЕС: *Скопье больше верит в европейские ценности, чем Будапешт*²⁶.

Выводы

Страны Западных Балкан в строгом смысле объединяет только то, что они пока что не являются членами ЕС. Однако применение данного термина не ограничивается контекстом евроинтеграции. Поиски культурных обоснований существования такого объединения не снимают противоречия: проблема обособления региона связана не с трудностями выявления общих черт, а с установлением различий с соседними государствами. «Западные Балканы» представляют собой административный, политический и геостратегический концепт, созданный Евросоюзом как транзитный формат региональной интеграции, существующий скорее символически, чем институционально.

Для представления Западных Балкан в дискурсе Евросоюза характерен высокий уровень секьюритизации: расширение интеграции на этот регион связывается с императивом экспорта стабильности в зону ближайшей периферии. Постепенно возрастает значение аргументов в пользу культурно-цивилизационного единства с балканскими странами, их принадлежности Европе: эти конструкции даже вытесняют традиционную геополитическую оптику. Особое значение имеет «менторский», «экспертный» дискурс, который служит обоснованием для военно-политического вмешательства.

Существование концепта «Западные Балканы» задает новые границы включения/исключения в Европе. Страны, завершившие процесс евроинтеграции, с одной стороны, могут выступать в качестве менторов по отношению к соседям, с другой – «объяснять» западным коллегам местную специфику, играть роль медиаторов. Показательны в этом смысле примеры Словении и Хорватии.

Список литературы

1. Вишняков, Я. В., Пономарева, Е. Г. (2018). *Сербия на Балканах: «Изобретение «порохового погреба Европы»*. *Современная Европа*, (7), 108–121. <https://doi.org/10.15211/soveurope72018115129>
2. Вульф, Л. (2003). *Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Нойманн, И. (2004). *Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. М.: Новое издательство.

²⁵ Janša: Ulaskom zezmalja Zapadnog Balkana u EU bili bi rešeni mnogi problemi (2021, May 27). *N1*. Retrieved February 1, 2022, from <https://rs.n1info.com/region/jansa-ulaskom-zemalja-zapadnog-balkana-u-eu-bili-bi-reseni-mnogi-problemi/>

²⁶ Skopje bolj verjame v evropske vrednote kot Budimpešta (2021, December 10). *Delo*. Retrieved February 1, 2022, from <https://www.delo.si/novice/svet/skopje-bolj-verjame-v-evropske-vrednote-kot-budimpesta/>

4. Саид, Э. (2006). *Ориентализм: Западные концепции Востока*. СПб.: Русский Мирь.
5. Bakić-Heyden, M. (1995). Nesting orientalisms: The case of former Yugoslavia. *Slavic Review*, 54(4), 917–931. <https://doi.org/10.2307/2501399>
6. Bakić-Heyden, M., & Heyden, R. (1992). Orientalist variations on the theme “Balkans”: Symbolic geography in recent Yugoslav cultural politics. *Slavic Review*, 51(1), 1–15. <https://doi.org/10.2307/2500258>
7. Balkans: Stability pact goes into history. Working Paper (2007, December 17). *European Stability Initiative*. Retrieved November 6, 2021, from https://www.esiweb.org/pdf/esi_westernbalkans_reactions_id_12.pdf
8. Ballinger, P. (1999). Definitional dilemmas: Southeastern Europe as “culture area”? *Balkanologie*, 3(2), 73–91. <https://doi.org/10.4000/balkanologie.745>
9. Gajić, A. (2012). “Zapadni Balkan” u savremenov političkom diskursu. *Nacionalni Interes*, 15(3), 83–99. <https://doi.org/10.22182/ni.1532012.3>
10. Goldsworthy, V. (1998). *Inventing Ruritania: The imperialism of the imagination*. London: Yale University Press.
11. Kljakić, L. (2012). Imenovanje je moć. Svetski poredak korporativne distopije i njegov jezik kao sredstvo potčinjavanja. *Nacionalni Interes*, 15(3), 101–116. <https://doi.org/10.22182/ni.1532012.4>
12. Knežević, M. (2012). Srbija i “Zapadni Balkan”. *Sporna zapadnost Zapadnog Balkana*. *Nacionalni Interes*, 15(3), 35–82. <https://doi.org/10.22182/ni.1532012.2>
13. Luketić, K. (2013). *Balkan: od geogradije do fantazije*. Zagreb, Mostar: Algoritam.
14. Milardović, A. (2000). *Zapadni Balkan: Pojam, ideje i dokument o rekonstrukciji Balkana u procesu globalizacije*. Osijek, Zagreb, Split: Pan liber.
15. Mishkova, D. (2020). *Beyond Balkanism. The scholarly politics of region making*. Abingdon, Oxon: Routledge.
16. Petrović, T. (2010). Dugo putovanje kući: reprezentacije “Zapadnog Balkana” u političkom i medijskom diskursu. *Reč*, 80(26), 67–114.
17. Petrović, T. (2013). Europe’s new colonialisms. *Belgrade Journal of Media and Communications*, 2(4), 111–128.
18. Slukan Altić, M. (2011). Hrvatska kao Zapadni Balkan – geografska stvarnost ili nametnuti identitet? *Društvena istraživanja: časopis za opća društvena pitanja*, 20(2), 401–413. <https://doi.org/10.5559/di.20.2.06>
19. Stepić, M. (2012). Zapadni Balkan: primer geografskog raspojmlivanja i geopolitičkog manipulisanja. *Nacionalni Interes*, 15(3), 9–34. <https://doi.org/10.22182/ni.1532012.1>
20. Svilar, P. (2010). “Zapadni Balkan” – politički kontekst i medijska upotreba. *Sociološki pregled*, 44(4), 503–540. <https://doi.org/10.5937/socpreg1004503S>
21. Todorova, M. (1994). The Balkans: From discovery to invention. *Slavic Review*, 53(2), 453–482. <https://doi.org/10.2307/2501301>
22. Todorova, M. (2009). *Imagining the Balkans*. New York: Oxford University Press.
23. Vachudova, M. (2014). EU leverage and national interests in the Balkans: The puzzles of enlargement ten years on. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 52(1), 122–138. <https://doi.org/10.1111/jcms.12081>

References

1. Bakić-Heyden, M. (1995). Nesting orientalism: The case of former Yugoslavia. *Slavic Review*, 54(4), 917–931. <https://doi.org/10.2307/2501399>
2. Bakić-Heyden, M., & Heyden, R. (1992). Orientalist variations on the theme “Balkans”: Symbolic geography in recent Yugoslav cultural politics. *Slavic Review*, 51(1), 1–15. <https://doi.org/10.2307/2500258>
3. Balkans: Stability pact goes into history. Working Paper (2007, December 17). *European Stability Initiative*. Retrieved November 6, 2021, from https://www.esiweb.org/pdf/esi_westernbalkans_reactions_id_12.pdf
4. Ballinger, P. (1999). Definitional dilemmas: Southeastern Europe as “culture area”? *Balkanologie*, 3(2), 73–91. <https://doi.org/10.4000/balkanologie.745>
5. Gajić, A. (2012). “Zapadni Balkan” u savremenov političkom diskursu. *Nacionalni Interes*, 15(3), 83–99. <https://doi.org/10.22182/ni.1532012.3>
6. Goldsworthy, V. (1998). *Inventing Ruritania: The imperialism of the imagination*. London: Yale University Press.
7. Kljakić, L. (2012). Imenovanje je moć. Svetski poredak korporativne distopije i njegov jezik kao sredstvo potčinjavanja. *Nacionalni Interes*, 15(3), 101–116. <https://doi.org/10.22182/ni.1532012.4>
8. Knežević, M. (2012). Srbija i “Zapadni Balkan”. *Sporna zapadnost Zapadnog Balkana*. *Nacionalni Interes*, 15(3), 35–82. <https://doi.org/10.22182/ni.1532012.2>
9. Luketić, K. (2013). *Balkan: od geogradije do fantazije*. Zagreb, Mostar: Algoritam.
10. Milardović, A. (2000). *Zapadni Balkan: Pojam, ideje i dokument o rekonstrukciji Balkana u procesu globalizacije*. Osijek, Zagreb, Split: Pan liber.
11. Mishkova, D. (2020). *Beyond Balkanism. The scholarly politics of region making*. Abingdon, Oxon: Routledge.
12. Neumann, I. (2004). *Ispol'zovanie “Drugogo”: Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej* [Uses of the Other: The East in European identity formation]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
13. Petrović, T. (2010). Dugo putovanje kući: reprezentacije “Zapadnog Balkana” u političkom i medijskom diskursu. *Reč*, 80(26), 67–114.
14. Petrović, T. (2013). Europe’s new colonialisms. *Belgrade Journal of Media and Communications*, 2(4), 111–128.
15. Said, E. (2006). *Orientalism: Zapadne koncepcii Vostoka* [Orientalism. Western conceptions of the Orient]. Saint Petersburg: Russkij Mir.
16. Slukan Altić, M. (2011). Hrvatska kao Zapadni Balkan – geografska stvarnost ili nametnuti identitet? *Društvena istraživanja: časopis za opća društvena pitanja*, 20(2), 401–413. <https://doi.org/10.5559/di.20.2.06>
17. Stepić, M. (2012). Zapadni Balkan: primer geografskog raspojmlivanja i geopolitičkog manipulisanja. *Nacionalni Interes*, 15(3), 9–34. <https://doi.org/10.22182/ni.1532012.1>
18. Svilar, P. (2010). “Zapadni Balkan” – politički kontekst i medijska upotreba. *Sociološki pregled*, 44(4), 503–540. <https://doi.org/10.5937/socpreg1004503S>
19. Todorova, M. (1994). The Balkans: From discovery to invention. *Slavic Review*, 53(2), 453–482. <https://doi.org/10.2307/2501301>

20. Todorova, M. (2009). *Imagining the Balkans*. New York: Oxford University Press.
21. Vachudova, M. (2014). EU leverage and national interests in the Balkans: The puzzles of enlargement ten years on. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 52(1), 122–138. <https://doi.org/10.1111/jcms.12081>
22. Vishnyakov, Y. V., & Ponomareva, E. G. (2018). Serbiya na Balkanax: “Izobretenie “poroxovogo pogreba Evropy” [Serbia in the Balkans: The invention of “Europe’s gunpowder magazine”]. *Sovremennaya Evropa*, (7), 108–121. <https://doi.org/10.15211/soveurope72018115129>
23. Wolff, L. (2003). *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta civilizacii v soznanii e’poxi Prosveshheniya* [Inventing Eastern Europe: The map of civilization on the mind of the Enlightenment]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Информация об авторе

Анастасия Валерьевна Малешевич, аспирант кафедры интеграционных процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6894-3978>, e-mail: anastasia.maleshevich@gmail.com

Information about the author

Anastasiia Valerievna Maleshevich, Post-graduate student, Department for Integration Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6894-3978>, e-mail: anastasia.maleshevich@gmail.com

УДК 327.82

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_101

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ КАК ИНСТРУМЕНТ ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ СТРАН БРИКС*

Ольга Николаевна Богатырева,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
olga.bogatyreva@urfu.ru

Дарья Михайловна Ковба,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
dmkoyaljova@mail.ru

Ксения Михайловна Табаринцева-Романова,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
kseniaromanova@urfu.ru

Статья поступила в редакцию 29.06.2022, принята к публикации 29.08.2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00033 А «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели».

© Богатырева О.Н., Ковба Д.М., Табаринцева-Романова К.М., 2022

Для цитирования: Богатырева О.Н., Ковба Д.М., Табаринцева-Романова К.М. Межцивилизационный диалог как инструмент гуманитарной дипломатии стран БРИКС // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 3. С. 101-121. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_101

Аннотация

Статья посвящена исследованию роли межцивилизационного диалога в развитии гуманитарной дипломатии стран БРИКС. Актуальность работы обусловлена необходимостью поиска путей снижения напряженности и конфликтности международных отношений в современном мире. Исследование базируется на принципах историзма и системности, позволивших изучить эволюцию гуманитарного сотрудничества, а также рассмотреть его как комплекс ресурсов и стратегий. В качестве методов исследования использованы историко-генетический метод, анализ дипломатических документов БРИКС, материалов саммитов и встреч. Авторы статьи придерживаются расширительного подхода к гуманитарной дипломатии, понимая под ней не только оказание помощи в кризисных и конфликтных ситуациях, но и взаимодействие в областях культуры, искусства, науки, образования, туризма и спорта. В результате исследования выделены и проанализированы основные формы гуманитарного сотрудничества, среди которых наиболее продуктивными являются научные исследования, сфера образования, проекты в области культуры и искусства. Установлено, что культурно-цивилизационные различия стран БРИКС создают преимущества для диалога, взаимного познания и сотрудничества в гуманитарной сфере. Выявлены проблемные области формирования общих ценностей, которые могли бы стать проводниками «мягкой силы» БРИКС на международной арене. Доказано, что не всем проектам в гуманитарной сфере удалось перейти к практической реализации. Координация между странами остается недостаточно развитой, а структуры управления либо отсутствуют, либо остаются слишком слабыми. Сделан вывод о том, что для России развитие диалога в рамках БРИКС является перспективным направлением гуманитарной дипломатии.

Ключевые слова:

БРИКС, гуманитарная дипломатия, межцивилизационный диалог, «мягкая сила», межкультурное сотрудничество.

INTERCIVILIZATIONAL DIALOGUE AS AN INSTRUMENT OF HUMANITARIAN DIPLOMACY OF THE BRICS COUNTRIES*

Olga N. Bogatyryova,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
olga.bogatyreva@urfu.ru

Daria M. Kovba,

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
dmkovaljova@mail.ru

Ksenia M. Tabarintseva-Romanova,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
kseniromanova@urfu.ru

Article received on June 29, 2022, accepted on August 29, 2022

For citation: Bogatyryova, O.N., Kovba, D.M., Tabarintseva-Romanova, K.M. (2022). Intercivilizational Dialogue as an Instrument of Humanitarian Diplomacy of the BRICS Countries. *Discourse-P*, 19(3), 101-121. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_101

Abstract

The article is devoted to the role of intercivilizational dialogue in the development of humanitarian diplomacy of the BRICS countries. The relevance of this research is due to the need to find ways to reduce tension and conflicts in international relations. It is based on the principles of historicism and consistency, which made it possible to study the evolution of humanitarian cooperation, as well as to consider it as a set of resources and strategies. The research methods are the historical-genetic method, analysis of BRICS diplomatic documents, materials of summits and meetings. The authors of the article adhere to a broad approach to humanitarian diplomacy, which implies not only assistance in crisis and conflict situations, but also interaction in the fields of culture, art, science, education, tourism and sports. As a result of the study, the main forms of humanitarian cooperation are identified and analyzed. Scientific research, education, projects in the field

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-014-00033 A «The concept of polymodal humanitarian diplomacy: implementation, tools and civilizational models».

of culture and art appear to be the most productive areas of cooperation. It is established that the cultural and civilizational differences of the BRICS countries create advantages for intercivilizational dialogue, mutual knowledge and cooperation in the humanitarian sphere. The problematic areas of the formation of common values that could become vehicles of BRICS soft power in the international arena are identified. It is proven that not all projects in the humanitarian sphere have managed to move on to practical implementation. Coordination among countries remains underdeveloped and governance structures are either missing or too weak. It is concluded that for Russia, the development of intercivilizational dialogue within the framework of BRICS is a promising area of humanitarian diplomacy.

Keywords:

BRICS, humanitarian diplomacy, intercivilizational dialogue, soft power, intercultural cooperation.

Введение

Актуальность гуманитарной дипломатии в современных международных отношениях значительно возросла в XXI в. В связи с ускорением темпов глобализации активно развиваются новые направления международного взаимодействия в таких сферах, как культура, образование, информация, наука, помощь пострадавшему в конфликтах населению, устранение угроз в сферах экологии и защиты окружающей среды. Сотрудничество в гуманитарной сфере является важным фактором поддержания межгосударственных отношений, особенно в ситуациях неопределенности и ухудшения политического климата.

В настоящее время большой интерес вызывает гуманитарная дипломатия в формате БРИКС. Эта группа государств (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) не является институциональным объединением с учредительным уставом; цели и принципы группы отражены в официальных заявлениях на различных форумах. БРИКС представляет собой площадку сетевой дипломатии с диалоговым стилем взаимодействия стран, представляющих разные цивилизации. Развитие диалогового формата характерно не только для БРИКС, но и для других проектов и организаций (Шанхайская организация сотрудничества, Альянс цивилизаций, форум «Диалог цивилизаций» и др.), направленных на преодоление отчужденности и противоречий между представителями разных культур и конфессий, а также на усиление влияния незападных цивилизаций в современной системе международных отношений.

БРИКС создавалась как экономическая ассоциация, сосредоточенная на вопросах безопасности и развития, но для эффективного межгосударственного взаимодействия ей необходимо осмыслить и обрести общую систему социогуманитарных координат, основанную на консенсусе и диалоге. Эту задачу можно решить только в результате тесного гуманитарного взаимодействия, которое в настоящее время, наряду с политикой и безопасностью, экономикой и финансами, относится к трем ключевым направлениям сотрудничества стран-участников (Panova, 2021, p. 514).

Государства, участвующие в цивилизационном проекте БРИКС, определяются как «стержневые», аффилированные с определенными цивилизациями (Горбачев, 2019, с. 443). На Сямэньском саммите в 2017 г. отмечалось, что все страны БРИКС имеют глубокие традиции, особую культурную самобытность и являются выдающимися представителями различных человеческих цивилизаций, в связи с чем было сделано заявление о стремлении к партнерству, основанному по принципу многообразия¹. Разные социокультурные фундаменты государств – членов БРИКС сочетаются в рамках концептуальной модели «альянса цивилизаций». Как заметил исследователь М. В. Горбачев, дипломатия государств, относящихся к различным культурам и цивилизациям, может быть эффективной только в рамках концептуальной модели, основывающейся на двух императивах: диалога и консенсуса, особенно в рамках многосторонних организаций, где наряду с экономическими и политическими интересами согласуются интересы цивилизационные. Для дипломатии стран БРИКС, имеющей трансконтинентальный статус, характерны как диалог, так и консенсус (Горбачев, 2019, с. 443–444).

Гуманитарная сфера дипломатии представляется важной в двух аспектах. Во-первых, межкультурный и межцивилизационный диалог с партнерами консолидирует и укрепляет организацию, формирует ее общие ценности и «дух». Во-вторых, формирование единого цивилизационного и культурного пространства может способствовать увеличению коллективной «мягкой силы» во внешнем измерении, способной «убеждать через культуру, ценности и идеи», в отличие от «жесткой силы», опирающейся на принуждение и военную мощь (Нуе, 2003, р. 58). Создание таких транснациональных альянсов, как БРИКС, подтверждает концепцию С. Хантингтона, ориентированную на формирование полицентричного и многоцивилизационного мира (Айвазов, Пантин, 2018, с. 88).

Исходя из этого, *цель* данного исследования состоит в определении роли межцивилизационного диалога в развитии гуманитарного компонента дипломатии БРИКС. Работа базируется на принципах историзма и системности, позволивших изучить эволюцию гуманитарного сотрудничества, а также рассмотреть его как комплекс ресурсов и стратегий. В качестве методов исследования использовались историко-генетический метод, анализ дипломатических документов БРИКС, материалов саммитов и встреч. В данной работе мы придерживаемся расширительного российского подхода, в рамках которого под гуманитарной дипломатией понимается не только оказание помощи в кризисных и конфликтных ситуациях (как это принято в западных исследованиях), но и взаимодействие государств, межгосударственных объединений и негосударственных акторов в области культуры, искусства, науки, образования, туризма и спорта (Ковба, 2020, с. 170).

Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях

Согласно «Глобальной повестке дня для диалога между цивилизациями», принятой Генеральной Ассамблеей ООН, «диалог между цивилизациями –

¹ BRICS leaders Xiamen Declaration (2017, September 4). Retrieved June 22, 2022, from <http://www.brics.utoronto.ca/docs/170904-xiamen.html>

это процесс, идущий внутри цивилизаций и на их стыке для выявления сфер общего понимания и основных ценностей»². Диалог направлен на укрепление доверия на местном, национальном, региональном и международном уровнях и на углубление взаимопонимания и знаний среди различных социальных групп, культур и цивилизаций в таких областях, как культура, религия, образование, информация, наука и техника, устранение угроз для мира, поощрение и защита прав человека. Межцивилизационный диалог имеет уровневый характер и реализуется на стадиях межгосударственного, межличностного и межгруппового взаимодействия. Как заметил М. Грубец (2010), в современных транснациональных коммуникациях следует использовать термин «полилог», который, в отличие от диалога, не ограничивается двумя культурами, цивилизациями или государствами (с. 127). Это не только переговоры или разговор узких специалистов или профессиональных дипломатов; это более широкое общение, открытое для интеллектуалов, ученых, представителей искусства, культуры, СМИ, неправительственных организаций и членов гражданского общества.

Диалог в цивилизационном контексте, означающий контакты и взаимодействие между народами и цивилизациями, близок понятию «диалог культур» (Стамова, 2022, с. 172). Данный феномен относится к явлениям универсального порядка. Важнейшей составляющей межцивилизационного диалога является стремление найти такие транскультурные ценности, которые разделяют все участники – государства, народы, макрорегионы.

Среди мер, направленных на содействие диалогу между цивилизациями, следует выделить:

- поддержку взаимодействия между интеллектуалами, мыслителями и творческими работниками;
- организацию форумов, поощрение визитов и встреч, содействующих взаимопониманию и позволяющих найти сферы, объединяющие различные цивилизации и культуры;
- развитие культурного туризма;
- кооперацию для проведения исследований и организацию научных мероприятий;
- изучение языков, истории и культурных особенностей;
- стимулирование академической мобильности.

Межцивилизационный диалог как инструмент гуманитарной дипломатии и сотрудничества стран БРИКС используется при проведении регулярных саммитов, являющихся авторитетным дипломатическим клубом, участники которого представляют интересы крупных цивилизаций, обладающих уникальными социокультурными характеристиками (Горбачев, 2019, с. 443), при принятии деклараций, концепций и программ. Далее будут выделены и проанализированы основные формы сотрудничества в рамках БРИКС, направленные на формирование межцивилизационного диалога.

² Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями (2001, 21 ноября).

Взято 31 мая 2022, с https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dac_agenda.shtml

Научное сотрудничество стран БРИКС

Намерение развивать сотрудничество в области образования и науки, в том числе «в целях проведения фундаментальных исследований и разработки передовых технологий»³, было заявлено на I саммите БРИК, прошедшем в Екатеринбурге летом 2009 г. Примечательно, что лидеры стран наметили взаимодействие в этих областях еще на этапе формирования общих стратегий, осознавая их значение для обеспечения глобальной конкурентоспособности экономики. Однако в первые годы никакие конкретные меры не принимались, т. к. в приоритете были организационные, финансовые и политические вопросы. Начало практических шагов в области научного сотрудничества совпало с расширением организации на III саммите в 2011 г. При этом налаживанию взаимодействия и кооперации препятствовали следующие факторы:

1) значительные различия в организации и финансировании научно-исследовательских учреждений, а также роли, которую играет государство в их регулировании;

2) отставание стран БРИКС от более развитых государств по ряду показателей (развития науки, затрат на научно-исследовательские работы, эффективности последних и др.), «догоняющая модель» и тенденция к заимствованию технологий (Соколова, 2019, с. 49);

3) разница в приоритетах развития науки, существующая в силу особенностей исторического опыта стран и их социально-экономических моделей (Kovaleva & Shcherbakova, 2019, p. 533).

Помимо этого, существует ряд проблем в области инновационного развития, свойственных государствам БРИКС: слабая координация между университетами, исследовательскими организациями и коммерческими компаниями, отток высококвалифицированных кадров в более развитые страны, слабость инновационной инфраструктуры и др. (Соколова, 2019, с. 49). Для повышения эффективности взаимодействия России и стран БРИКС предлагается разработка программ с использованием полного инновационного цикла – от получения фундаментальных данных до запуска новых продуктов на рынке (Соколов и др., 2017, с. 60).

Значимым событием стало подписание Меморандума о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между правительствами стран в 2015 г.⁴, в соответствии с которым были определены 12 ключевых направлений сотрудничества стран-участников, а также установлены конкретные механизмы и формы сотрудничества (конференции, семинары, симпозиумы, программы обмена, совместные программы и проекты). В 2015 г. одобрена Рамочная программа в области науки, технологий и инноваций (НТИ) БРИКС в приоритетных областях с использованием многостороннего (коллаборация трех и более стран)

³ Совместное заявление лидеров стран БРИК (2009, 16 июня). Взято 20 мая 2022, с <http://kremlin.ru/supplement/209>

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 14 марта 2015 г. «О подписании Меморандума о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций...» (№ 434-р). Взято 13 июня 2022, с <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&nd=102369530&rdk=0&empire=>

подхода⁵, тогда как до этого реализация большинства программ велась в двустороннем формате. С 2016 г. запущены конкурсы на проведение многосторонних проектов для выполнения фундаментальных, прикладных и инновационных исследований⁶. В 2019 г. утверждена «Новая архитектура БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций», целью которой стала интенсификация деятельности в сфере НТИ⁷. В 2021 г. выделены новые приоритетные направления: передовые методы высокоточной медицины; вычислительные системы в интересах устойчивого развития; решение крупномасштабных экологических, климатических задач и проблем загрязнения; инновации в биомедицине; нанотехнологии для решения вопросов окружающей среды, изменения климата, энергетики; возобновляемые источники энергии; интеграция интеллектуальных сетей; океанические исследования; технологии очистки воды и др.⁸

Международная кооперация в сфере науки связана с такими аспектами, как популяризация науки, повышение научной грамотности населения, привлечение молодых талантливых людей в науку. Поскольку устойчивых связей между организациями, которые в каждой стране БРИКС занимаются популяризацией, отсутствовали, возникла идея проведения Форума популяризаторов науки стран БРИКС для обмена опытом. Так, в Индии и Китае популяризация поддерживается государством – учреждаются специализированные государственные организации. В России существует многообразие форматов: научные лекции, научные стендапы, фестивали науки, экспедиции, научные музеи, передвижные выставки⁹.

Таким образом, несмотря на объективные трудности, научно-техническое сотрудничество как элемент гуманитарной дипломатии стран имеет большой потенциал развития. Основными сферами взаимодействия являются мониторинг и предотвращение стихийных бедствий, состояние водных ресурсов, новая и возобновляемая энергетика, развитие геоматики (геопространственных технологий) и астрономии¹⁰. По каждому из этих направлений определен ответственный актор (например, России отведена лидирующая роль в области водных ресурсов). Приоритеты в области НТИ в целом способствуют достижению целей устойчивого развития и решению основных социально-экономических задач. Так, в мае 2022 г. под председательством Китая состоялся традиционный Академический форум БРИКС на тему «Укрепление интеллектуальной поддержки БРИКС с акцентом на общее развитие». Наряду с вопросами экономического сотрудничества, тематические сессии форума отражали актуальные вопросы международной повестки: глобальное управление, устойчивое развитие, наука, технологии

⁵ *About BRICS STI framework programme* (n. d.). Retrieved May 20, 2022, from <http://brics-sti.org/index.php?p=about>

⁶ *Ibid.*

⁷ *Развитие Новой архитектуры в сфере науки, технологий и инноваций в БРИКС* (2020, 11 мая). Взято 19 июня 2022, с <https://www.nkibrics.ru/posts/show/5e6a1ad262726974ca1c0000>

⁸ *Популяризация от Бразилии до Индии* (2021, 4 октября). Взято 14 июня 2022, с <https://indicator.ru/humanitarian-science/popularizaciya-ot-brazilii-do-indii.htm>

⁹ Там же.

¹⁰ *BRICS – Russia 2020. STI Overview*. (n. d.). Retrieved June 14, 2022, from <https://brics-russia2020.ru/images/113/91/1139196.pdf>

и инновации, цифровая трансформация и индустриализация¹¹. Следует отметить, что Академический форум является центральной площадкой «второй дорожки» БРИКС, основная цель – расширение контактов между академическими и научными центрами, исследовательскими и высшими учебными заведениями пяти стран, а также укрепление диалога между правительством и научными кругами стран-участников¹².

Образовательное сотрудничество стран БРИКС

Сфера образования является еще одной перспективной областью расширения гуманитарного взаимодействия в рамках БРИКС. Образовательное сотрудничество осуществляется как в двустороннем (на основе межправительственных соглашений и договоров, документов национальных законодательств и локальных актов образовательных организаций), так и многостороннем (на основе деклараций и меморандумов) форматах. Практически единственной эффективной площадкой взаимодействия признается Сетевой университет (СУ) БРИКС, идея которого была предложена российской делегацией в 2013 г. (Баталина, Хомяков, 2020, с. 106). В рамках данного объединения организуются учебные и научно-исследовательские программы, развивается академическая мобильность. Создание университета отвечает задаче совместного достижения целей устойчивого развития в области образования на период до 2030 г. (Kovalev & Shcherbakova, 2019, p. 537). Развитие проекта привело в 2018 г. к открытию программы аспирантуры СУ БРИКС по инициативе ЮАР (Баталина, Хомяков, 2020, с. 111).

По классификации, введенной А.А. Оганесяном, СУ БРИКС относится к консорциуму – одной из самых распространенных форм сетевых университетов, в котором участники действуют на основании двусторонних межгосударственных соглашений, собственного национального законодательства, своих уставов и локальных норм. Соглашение в рамках консорциума не налагает на его участников каких-либо имущественных и финансовых обязательств, а также не устанавливает ограничений их самостоятельности и автономности при осуществлении своей уставной деятельности (Оганесян, 2017, с. 358–359).

Миссией СУ БРИКС является «формирование нового поколения высококвалифицированных и мотивированных работников, обладающих навыками критического мышления, способных к внедрению инноваций при решении экономических и социальных проблем, коммуникации, навыков взаимодействия в многонациональной среде, способных сочетать традиционные знания с наукой и современными технологиями»¹³. В настоящее время СУ БРИКС фокусируется на шести приоритетных направлениях подготовки: водные ресурсы и нейтрализация загрязнений; информатика и информационная безопасность; исследования стран БРИКС; экология и изменения климата; экономика; энерге-

¹¹ XIV Академический форум БРИКС: итоги (2022, 27 мая). Взято 12 июня 2022, с <https://www.nkibrics.ru/posts/show/6290d7316272697e74420000>

¹² Там же.

¹³ Меморандум о взаимопонимании о создании сетевого университета БРИКС (2015, 18 ноября). Взято 12 июня 2022, с <http://brics2015.ru/load/796583>

тика. Представитель Федерального университета Рио-Гранде-ду-Сул (Бразилия) Л. Гаспари на первом форуме ректоров СУ БРИКС отметил, что сетевой университет позволяет создавать образовательные программы для развития всех стран и сотрудничать с «нетрадиционными партнерами», а не только с европейскими¹⁴.

По данным на 2022 г., в СУ БРИКС входят 12 высших учебных заведений России; представительство других стран примерно такое же: Бразилия – 9, КНР – 11, ЮАР – 12, Индия – 12¹⁵. При формировании СУ БРИКС за основу были взяты наработки по российско-китайскому образовательному сотрудничеству в рамках Университета ШОС.

Еще одной инициативой, неизменно упоминающейся в декларациях БРИКС, является Лига университетов. Вместе с тем ее статус и задачи не конкретизированы, поскольку это не официальный проект государств-членов, а инициатива Фуданьского университета при поддержке правительства Китая. Реальных масштабных сетевых проектов из этой инициативы пока не выросло (Баталина, Хомяков, 2020, с. 114).

Основными проблемами сотрудничества в сфере образования признаются сильные различия в национальных образовательных системах и смещение вектора сотрудничества стран БРИКС в сторону Китая: «Количество китайских студентов в университетах России... во много раз превышает число студентов из остальных стран БРИКС, вместе взятых» (Баталина, Хомяков, 2020, с. 116). Еще одной проблемой является языковой барьер, особенно для русской и китайской молодежи. В отличие от стран ШОС, которые, за исключением Китая, долгое время находились в едином культурно-идеологическом пространстве СССР, где связующим звеном выступал русский язык, государства, входящие в БРИКС, относятся к разным культурно-цивилизационным пространствам. Среди других проблем развития СУ БРИКС также отмечается нехватка средств на сотрудничество, отсутствие публичности, недостаточное внимание программам в области сельского хозяйства, технических навыков и гуманитарных наук (Li, 2018, p. 400). Однако следует отметить, что кроме СУ сформировался и успешно функционирует ряд организаций и структур, реализующих совместные научно-исследовательские проекты с участием ученых стран БРИКС: Национальный комитет по исследованиям БРИКС, Ассоциация научно-образовательных центров БРИКС, Сеть центров трансфера технологий БРИКС, Инициатива «Передовая сеть глобальных исследовательских инфраструктур стран БРИКС» и др.

Пандемия COVID-19 затруднила или отсрочила реализацию многих совместных проектов в области гуманитарного сотрудничества. Тем не менее можно назвать по крайней мере одно положительное последствие – ускоренное развитие технологий и практик дистанционного сотрудничества. Так, повесткой дня встречи министров образования стран БРИКС, состоявшейся в мае 2022 г., стала задача обеспечения качественного образования в условиях цифровой трансформации. На встрече было предложено размещать онлайн-курсы стран-членов организации на национальных площадках, в том числе в российской

¹⁴ *Первый форум ректоров Сетевого университета БРИКС* (2016, 7 апреля). Взято 12 июня 2022, с <https://urfu.ru/ru/media/opinions/forum-brics/>

¹⁵ *University list. BRICS 2022* (n. d.). Retrieved June 20, 2022, from <https://brics.ncwu.edu.cn/en/channels/2081.html>

системе «Современная цифровая образовательная среда». Данный шаг призван способствовать развитию виртуальной академической мобильности¹⁶.

Межкультурное сотрудничество

Несовпадение интересов и ценностей, различие культурно-цивилизационного фундамента создают, по мнению исследователей, определенные преимущества для формирования «символов симпатизирующей дополненности», способствующих интересу к знакомству с самобытными неповторимыми культурами. Это приводит к созданию обширных культурных программ, обменов визитами деятелей культуры и искусства, фольклорных ансамблей, писателей, студентов, преподавателей, музейными выставками (Капицын, 2015, с. 511). Форталезская декларация 2014 г., принятая по итогам VI саммита БРИКС, отметила повышение роли культурной дипломатии стран, входящих в это межкультурное объединение¹⁷.

Гуманитарная дипломатия реализуется не только через оказание гуманитарной помощи, но и через расширение и укрепление межкультурного сотрудничества. Так, Л. Савин отметил, что «седьмой пункт концепции председательства России в БРИКС на 2015–2016 гг. был посвящен гуманитарным вопросам, в частности была отмечена необходимость развертывания полноформатного социально-политического и гуманитарного взаимодействия в БРИКС»¹⁸. В сфере культуры были поставлены следующие задачи: формирование культурного измерения БРИКС; проведение встреч министров культуры стран-участников; укрепление в приоритетном порядке культурных обменов между государствами с упором на продвижение российской культуры; содействие развитию сотрудничества между профильными ведомствами и компаниями-операторами государств-участников БРИКС в области туризма. Однако в приоритетах не обозначено формирование общего культурного концепта БРИКС, который бы продвигал организацию как единое целое на международном уровне.

Культурное взаимодействие осуществляется на базе подписанного в 2015 г. Соглашения между правительствами государств-членов БРИКС о сотрудничестве в области культуры. Согласно данному документу, к культурной сфере относятся такие направления, как музыкальное и танцевальное искусство, хореография, театр, цирковое искусство, архивное, издательское, библиотечное и музейное дело, культурное наследие, изящные, декоративные и прикладные искусства, аудиовизуальные работы. Основными векторами взаимодействия в данной области стали подготовка и повышение квалификации деятелей культуры и искусства; обмен работниками научно-исследовательской сферы,

¹⁶ Страны БРИКС договорились усилить развитие цифровизации в сферах науки и образования (2022, 26 мая). Взято 14 июня 2022, с https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=51855

¹⁷ The 6th BRICS Summit: Fortaleza Declaration (2014, July 15). Retrieved June 20, 2022, from <http://www.brics.utoronto.ca/docs/140715-leaders.html>

¹⁸ Савин, Л. (2018, 9 января). Гуманитарное сотрудничество: международный опыт. Взято 16 июня 2022, с <https://www.geopolitika.ru/article/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-mezhdunarodnyy-opyt>

университетскими исследователями, экспертами и студентами; предотвращение незаконного ввоза, вывоза и передачи прав собственности на культурные ценности; расширение сотрудничества в таких областях, как охрана, сохранение, реставрация, возврат и использование объектов материального и нематериального культурного наследия. Базовыми ценностями культурного сотрудничества выступают открытость, инклюзивность, равенство, уважение культурного многообразия, взаимное уважение и взаимопознание¹⁹.

После подписания Соглашения в течение 2015–2022 г. прошло не менее 7 дипломатических встреч, на которых обсуждались стратегии развития сотрудничества в области культуры, искусства, сохранения культурного наследия и установления активного гуманитарного диалога. Реализация решений, принятых на этих форумах, воплотилась в проведении фестивалей, организации культурных ассоциаций БРИКС (детских театров, библиотек, национальных галерей), создании веб-портала, посвященного сохранению, защите и восстановлению культурного наследия, созданию рабочей группы по культуре для регулярного обмена информацией, проведении кинофорума о развитии национального кино в странах БРИКС и развитии системы кинопроизводства и других мероприятий²⁰.

В августе 2020 г. состоялось первое онлайн-заседание Рабочей группы «Международное культурное сотрудничество для укрепления единства БРИКС» Гражданского форума БРИКС-2020. Участники обсудили ряд вопросов по таким направлениям, как институционализация культурных связей; вовлечение молодежи в культуру стран БРИКС; развитие культурных обменов через литературу и искусство; защита культурного наследия как основы международного сотрудничества; туризм, проекты и события в культурном треке²¹. В дискуссии приняли участие известные деятели культуры и искусства, возглавляющие ведущие музеи и библиотеки страны, руководство Информационного центра ООН в Москве, представители экспертного и научного сообществ, международных организаций, действующих в области культуры, студенты ведущих российских университетов²².

Среди основных реализованных культурных проектов «на местах» (помимо кинофестивалей и года культуры) отметим эстафету пятисторонних культурно-исследовательских экспедиций «Великие учителя БРИКС»; проект

¹⁹ Распоряжение Правительства РФ № 1268-р «О подписании Соглашения между правительствами государств-членов БРИКС о сотрудничестве в области культуры» (2015, 2 июля). Взято 16 июня 2022, с http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102375364&page=1&rdk=0&intelsearch=%EA%F3%EB%FC%F2%F3%F0%E0%+&link_id=3#I0

²⁰ Сфера культуры в странах БРИКС: динамика сотрудничества последних пяти лет (2019, 28 июня). Взято 16 июня 2022, с <https://nkibrics.ru/posts/show/5d16289a6272690afa070000>

²¹ БРИКС на пути к углублению культурного сотрудничества (2021, 12 января). Взято 16 июня 2022, с <https://interaffairs.ru/news/show/28718>

²² Первое заседание Рабочей группы «Международное культурное сотрудничество для укрепления единства БРИКС» Гражданского форума БРИКС (2020, 21 августа). Взято 16 июня 2022, с <https://bricsmt.ru/index.php/zhurnal/102-pervoe-zasedanie-rabochey-gruppy-mezhdunarodnoe-kul-turnoe-sotrudnichestvo-dlya-ukrepleniya-edinstva-briks-grazhdanskogo-foruma-briks>

«Народы БРИКС: героям войн посвящаем»; «Фестиваль народной культуры стран БРИКС»; проект «Танцевальная увертюра мира™»; Молодежный образовательно-туристический проект «Международная творческая дача™».

В мае 2022 г. министры культуры стран БРИКС подписали План действий по реализации Соглашения между правительствами государств БРИКС о сотрудничестве в области культуры на 2022–2026 гг. В документе отражены перспективные направления сотрудничества, вопросы укрепления взаимодействия в сфере сохранения и популяризации культурного наследия стран БРИКС, развитие сотрудничества в цифровом пространстве и сфере креативных индустрий, а также необходимость углубления взаимодействия в рамках Альянса БРИКС²³.

Резюмируя сюжет о культурном диалоге стран БРИКС как элементе гуманитарной дипломатии, отметим, что за семь лет действия Соглашения (два года из них пришлось на пандемию, соответственно, практически все мероприятия были перенесены в онлайн-формат) подписан ряд деклараций по итогам встреч министров культуры, основное содержание которых сводилось к определению предметных областей для развития сотрудничества (музеи, библиотеки, театр, кинематограф и пр.), созданию профильных рабочих групп, проведению года культур. Однако *не сформировано четкой повестки по реализации декларируемых принципов*. В реализации культурного сотрудничества активное участие принимают неправительственные организации, что свидетельствует о высокой роли публичной дипломатии в структуре БРИКС. Целевой аудиторией основных проектов культуры являются деятели культурного и творческого секторов, а также дети, молодежь, частично женщины (особая роль «женским» проектам отводится в социально-экономическом, а не культурном пространстве БРИКС). К сожалению, на данный момент не выявлено, даже на уровне декларирования, специальных культурных мероприятий, направленных на работу с уязвимыми слоями населения. Достаточно сложно оценить эффективность реализации культурных проектов, т.к. *отсутствует единый информационный портал или рубрика* на специализированных сайтах БРИКС, посвященных культуре. Также в проанализированных документах нет отдельного пункта по продвижению культурных прав; об их значимости могут косвенно свидетельствовать лишь строки, связанные с охраной и защитой культурного наследия. Особо стоит подчеркнуть роль РФ в продвижении и развитии межкультурного диалога: наша страна является инициатором создания вышеописанного Соглашения.

Исследование показывает, что на данный момент страны БРИКС не выступают консолидированной структурой на мировой культурной площадке и не пытаются создать единый «культурный» код организации.

Гуманитарное сотрудничество и «мягкая сила»: проблемные области

Как отмечалось, формирование единого цивилизационного пространства, а также проведение интересных совместных проектов в области культуры,

²³ Страны БРИКС расширяют культурное сотрудничество (2022, 24 мая). Взято 16 июня 2022, с https://culture.gov.ru/press/news/strany_briks_rasshiryayut_kulturnoe_sotrudnichestvo/

науки и других сферах способствует повышению «мягкой силы» стран-членов БРИКС. Со времени возникновения данной организации ведутся дебаты относительно того, сможет ли она представить достойную альтернативу западным проектам и продолжить процесс деколонизации (Käkönen, 2019, pp. 415–416). Утверждение о поддержке «многополярного, справедливого и демократичного мирового порядка»²⁴ является частью нарратива данной организации.

Исследователи полагают, что с точки зрения «мягкой силы» западные страны предлагают более привлекательные модели, чем БРИКС. В области «мягкой силы» страны БРИКС «сталкиваются со своими самыми серьезными недостатками по сравнению с Западом (Petrone, 2020, p. 11). Однако можно привести ряд примеров того, как они пытаются начать кампании по распространению своего культурного влияния на остальной мир, используя инструменты междивизионального диалога. Так, в 2009 г. Китай запустил проект *waixuan gongzuo* для зарубежной пропаганды, значительные средства страна тратит на распространение своей культуры и языка с помощью Институтов Конфуция. Россия реорганизовала информационное агентство РИА Новости, объявила о запуске Sputnik, финансируемой правительством сети новостных центров в более чем тридцати странах с 1 тыс. сотрудников, создающих радиопередачи, социальные медиа и новостной контент на местных языках. Можно отметить также заинтересованность Бразилии в занятии лидирующих позиций в области мира и безопасности, приверженность Южной Африки правам человека и солидарности, ее борьбу с апартеидом и проведение крупных спортивных соревнований, укрепление имиджа Индии в индустрии развлечений (Болливуд) и расширение цифровых медиа (Petrone, 2020, pp. 11–12). Тем не менее вопрос о том, смогут ли страны БРИКС заполнить пробел в «мягкой силе», сформировать «глобальное воображаемое» с помощью своего роста и создания надежных инноваций, остается пока без ответа.

Международное влияние «мягкой силы» стран БРИКС несоизмеримо с их экономическими ресурсами. Как исследователи, так и практики отмечают, что страны пытаются заполнить свои пробелы в «мягкой силе», прилагая усилия в научной сфере, в частности в вирусологии и решении проблемы изменения климата. Так, Ф. Петроне полагает, что страны БРИКС должны попытаться стать лидерами в решении этой глобальной проблемы и найти свою роль в момент разногласий западных стран по вопросу, представляющему всеобщий интерес (Petrone, 2020, p. 12).

Слабые места в построении «мягкой силы» БРИКС затрагивают также культурные контакты и обмены между странами-участниками, сохраняется «дефицит понимания» культур друг друга. В своих рассуждениях эксперты не высказывают опасений о нехватке проектов или финансовых средств для их реализации, они лишь отмечают недостаточное понимание друг друга, что препятствует полноценному диалогу и негативно сказывается на экономическом и инвестиционном сотрудничестве стран. В качестве примера Ван Юмин приводит корпоративную культуру Китая. Китайские компании часто сталкиваются с проблемами в других странах БРИКС, когда сверхурочную работу на китай-

²⁴ 2nd BRIC Summit of Heads of State and Government: Joint Statement (2020, April 15). Retrieved June 10, 2022, from <http://www.brics.utoronto.ca/docs/100415-leaders.html>

ских заводах ошибочно принимают за потогонное поведение, а трудолюбивых китайских рабочих считают «монахами-аскетами». Точно так же китайские менеджеры не очень хорошо разбираются в корпоративной культуре других стран, часто жалуясь, что местными работниками трудно управлять²⁵.

В то же время отмечается, что страны БРИКС имеют глубокие исторические связи друг с другом. Например, Индия, Китай и Россия были связаны древним Шелковым путем, который являлся коридором не только для торговли, но и религиозных учений и идей философов. Бразилия и Индия были связаны португальской морской экспансией. Как было показано, в настоящее время страны БРИКС участвуют в программах культурного обмена посредством взаимных визитов деятелей культуры или обмена произведениями искусства. Однако часто эти обмены носят экзотический характер и, как правило, нацелены только на специалистов. Поэтому в работах экспертов звучат призывы о необходимости расширения межкультурного и межцивилизационного диалога за счет дальнейшего развития культурных институтов БРИКС. Например, предлагается дополнить программы университетов, входящих в СУ БРИКС, такими мероприятиями, как «Неделя культуры БРИКС», или создать «Фонд БРИКС для культурных обменов» в целях расширения взаимного обучения и представления миру блестящих культур БРИКС²⁶.

Для развивающегося мира привлекательность («мягкая сила») БРИКС может проистекать из стремления данной организации выстраивать сотрудничество по линии «Юг-Юг», где отношения строятся на основе ассиметричной взаимозависимости, солидарности и уважения особенностей и самобытности стран-участников. В данном случае это является противопоставлением направлению «Север-Юг», предполагающему отношения неравенства и отсутствие автономии акторов (Мур, Азеведо, 2018, с. 520). Однако, по мнению исследователей, Россия более охотно идентифицирует себя с глобальным Севером в своих усилиях быть признанной сверхдержавой (Gray, 2015, p. 274).

Развитие различных областей гуманитарного сотрудничества – это не только вклад в экономику в капиталистическом ее понимании, это еще развитие общего пространства целей, ценностей и идей, построение идентичности организации. Культурное разнообразие членов данной организации делает такую задачу интереснее, но одновременно усложняет ее. Цивилизационная гетерогенность БРИКС является основой, а не барьером к диалогу, взаимному познанию и сотрудничеству в сфере культуры и в «широком поле» гуманитарных связей²⁷. По мнению исследователей, культурное сотрудничество потенциально может увеличить «мягкую силу» БРИКС, гармонизировать отношения и создать условия для устойчивого развития (Van Noort, 2018, p. 786). Однако гармонизирующий и гуманистический потенциал культурных взаимодействий не всегда важен сам по себе: для приверженцев рационалистической теории международных

²⁵ Wang, Y. (2018, January 2). *The BRICS mechanism: Growing in maturity*. Retrieved June 10, 2022, from https://www.ciis.org.cn/english/ESEARCHPROJECTS/Articles/202007/t20200715_3608.html

²⁶ Ibid.

²⁷ Давыдов, В. (2021, 22 августа). *БРИКС нашел свое место в системе влиятельных международных объединений*. Взято 12 июня 2022, с <http://infobrics.org/post/33978/>

отношений в приоритете возможности, которые дает грамотное использование стратегических нарративов (когда политические акторы, обычно элиты, пытаются придать определенные смыслы прошлому, настоящему и будущему для достижения политических целей). Пока культурный нарратив БРИКС нельзя назвать стратегическим, что является упущением, особенно в эпоху широких возможностей конструирования медийных повесток.

Одним из вариантов решения проблемы может быть более активное использование международной медиасети *TV BRICS*, миссия которой – «развитие общего информационного пространства»²⁸ стран-членов. Потенциальная аудитория данной платформы – 3,5 млрд человек. Работа в этом направлении может быть направлена как на создание интересного и «вирусного» контента, так и на расширение сети вещания, популяризацию платформы, повышение ее узнаваемости и доступности с применением инструментов новых медиа.

Отмечая перспективы гуманитарной дипломатии в ее первоначальном узком понимании как помощи в ситуациях вооруженных конфликтов, устранении угроз для мира, поощрении и защиты прав человека, обратим внимание на призывы стран БРИКС реформировать главные органы ООН и «вдохнуть новую жизнь в дискуссии о реформе Совета Безопасности ООН»²⁹. В Пекинской декларации XIV саммита БРИКС, состоявшегося 23 июня 2022 г., в выступлении председателя саммита Си Цзиньпина была подчеркнута «приверженность мирному разрешению разногласий и споров между странами посредством диалога и консультации», поддержка всех усилий, способствующих мирному урегулированию кризисов³⁰. Что касается практических шагов в направлении миротворчества, то в отличие от ШОС, подписавшей меморандумы о сотрудничестве с Управлением ООН по координации гуманитарных вопросов и МККК, БРИКС ограничивается декларативными заявлениями.

Заключение

Исследование показало, что гуманитарная сфера деятельности цивилизационно разнородных стран БРИКС постепенно становится одним из основных направлений сотрудничества. Организация превратилась в альянс стран-единомышленников, который реализует эффективные научные, образовательные и культурные проекты, используя такие инструменты, как межцивилизационный диалог и консенсус. Положительные эффекты от кооперации в гуманитарной сфере включают получение и расширение знаний о «Другом», межкультурный диалог, поиск транскультурных ценностей и формирование доверия между людьми, проживающими в разных цивилизационных пространствах. Практика сотрудничества показала, что самыми продуктивными направлениями являются культурные обмены, совместные научные исследования и сфера образования. Однако можно констатировать, что не всем продекларированным проектам

²⁸ О *TV BRICS* (n. d.). Взято 24 июля 2022, с <https://tvbrics.com/about/>

²⁹ Страны БРИКС призвали к реформе Совбеза ООН и ВТО (2022, 23 июня). Взято 28 июня 2022, с <https://www.rbc.ru/politics/23/06/2022/62b47e779a7947379a0ab473>

³⁰ *XIV BRICS Summit Beijing Declaration* (2022, June 24). Retrieved June 10, 2022, from http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/dtxw/202206/t20220624_10709295.html

в гуманитарной сфере удалось перейти к практической реализации. Кроме того, координация между странами остается недостаточно развитой, а структуры управления либо отсутствуют, либо остаются слишком слабыми. Отметим также, что для исследовательского дискурса характерна оценка гуманитарного сотрудничества в рамках БРИКС как попытки конкурирования/вызова западному либеральному порядку.

Особенности гуманитарного взаимодействия определяются формой сотрудничества внутри организации. Формат группы БРИКС предполагает опору на «мягкое право», обмен опытом, добровольное участие государств без наложения санкций на страну-члена за невыполнение взятых на себя обязательств. Работа по различным направлениям в рамках БРИКС обусловливается доброй волей его участников и нацелена на достижение взаимовыгодных результатов, например, на решение общих социальных и экономических проблем. Несмотря на то, что указанные проблемы остаются для БРИКС приоритетными, их успешное решение зависит от углубления межличностных обменов в укреплении взаимопонимания и взаимопознания, которое достигается только в процессе межкультурного и межкультурного диалога, углубления сотрудничества в сферах образования, искусства, культуры, научного партнерства. Следует отметить, что несмотря на развитие гуманитарных связей внутри БРИКС и межкультурный диалог в рамках различных структур и мероприятий пока не удалось обрести общие ценности, которые можно было бы транслировать как «мягкую силу».

Проект БРИКС, отличающийся культурно-цивилизационным многообразием, стремится к межкультурной интеграции в целях совместного решения проблем новых вызовов. С одной стороны, БРИКС демонстрирует, что несмотря на современные угрозы межкультурного раскола в рамках таких форматов появляется возможность согласования ценностных систем с помощью межкультурного диалога. С другой стороны, существует целый ряд проблем и факторов, препятствующих межкультурному диалогу и эффективному функционированию таких структур, как, например, СУ БРИКС.

Для России в условиях обрыва связей со многими западными партнерами особенно важно сохранять и усиливать гуманитарное сотрудничество со своими партнерами в рамках БРИКС. Готовность продолжать взаимовыгодное взаимодействие было подтверждено на Пекинском саммите организации, прошедшем 23 июня 2022 г.

На наш взгляд, дальнейшие исследования в данной области должны искать ответ на вопрос о том, создает ли сотрудничество по отдельным направлениям гуманитарной дипломатии некую синергию, способствует ли оно действительному развитию данных отраслей и несет ли в себе какие-то новые эффекты.

Список литературы

1. Айвазов, А.Э., Пантин, В.И. (2018). От столкновения к партнерству цивилизаций: новое мироустройство и проблема реформирования ООН. *История и современность*, (1–2), 88–108. <https://doi.org/10.30884/iis/2018.01.05>
2. Баталина, М.Л., Хомяков, М.Б. (2020). Сотрудничество в области образования и человеческого капитала. В Т.А. Мешкова (Ред.), *Стратегия*

развития БРИКС и приоритеты для России: доклады к XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (с. 106–117). М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

3. Горбачев, М.В. (2019). Цивилизационная идентификация проекта БРИКС. В В.И. Герасимов (Ред.), *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: материалы XVIII Международной научной конференции в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения» (20–21 декабря 2018 г., Москва)* (с. 443–444). М.: ИНИОН РАН.

4. Грубец, М. (2010). Предпосылки межкультурного диалога о правах человека. *Век глобализации*, (1), 126–144.

5. Капицын, В.М. (2015). «Мягкая» сила БРИКС. В В.И. Герасимов (Ред.), *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник: материалы XV Международной научной конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения» (20–21 декабря 2018 г., Москва)* (с. 510–513). М.: ИНИОН РАН.

6. Ковба, Д.М. (2020). Гуманитарное измерение дипломатии: проблема категоризации и анализ. *Вестник Кыргызско-российского славянского университета*, 20(11), 169–174.

7. Машкина, О.А. (2017). Страны БРИКС: стратегии развития высшего образования. *Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование*, (2), 40–48.

8. Мур, Т., Азеведо, М.Д. (2018). Развитие БРИКС и сотрудничество в области образования. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 18(3), 517–534. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-517-534>

9. Оганесян, А.А. (2017). Новые формы университетского сотрудничества: международные университетские сети. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*, 25(3), 354–366. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2017-25-3-354-366>

10. Соколов, А.В., Шашнов, С.А., Коцемир, М.Н., Гребенюк, А.Ю. (2017). Определение приоритетов научно-технологического сотрудничества стран БРИКС. *Вестник международных организаций*, 12(4), 32–67.

11. Соколова, О.Ю. (2019). Проблемы и перспективы инновационного и научно-технологического сотрудничества стран БРИКС. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*, (3), 47–50.

12. Стамова, Р.Д. (2022). Некоторые особенности современного диалога цивилизаций. *Россия и мир: научный диалог*, (1), 160–174. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-1\(3\)-160-174](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-1(3)-160-174)

13. Carnoy, M., Loyalka, P., Dobryakova, M., Dossani, R., Froumin, I., Kuhns, K., Tilak, J.B.G., & Wang, R. (2013). *University expansion in a changing global economy: Triumph of the BRICs?* (1st ed.). Stanford University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvqsf1dt>

14. Gray, P.A. (2015). Russia as a recruited development donor. *The European Journal of Development Research*, 27(2), 273–288. <https://doi.org/10.1057/ejdr.2014.34>

15. Käkönen, J. (2019). Global change: BRICS and the pluralist world order. *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 4(6), 415–423. <https://doi.org/10.1080/238>

02014.2019.1700155

16. Kovalev, I., & Shcherbakova, A. (2019). BRICS cooperation in science and education. *Strategic Analysis*, 43(6), 532–542. <https://doi.org/10.1080/09700161.2019.1669903>

17. Li, Y. (2018). Development of cooperation in higher education in BRICS countries. *Changing Societies & Personalities*, 2(4), 393–405. <https://doi.org/10.15826/csp.2018.2.4.053>

18. Nye, J.S. (2003). *The paradox of American power: Why the world's only superpower can't go it alone*. Oxford University Press.

19. Panova, V. (2021). Age of multilateralism: Why is BRICS important despite possible weaknesses? A perspective from Russia. *Global Policy*, 12(4), 514–518. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.13013>

20. Petrone, F. (2020). Three ways to explore the BRICS (possible) impact on the future global order. *Journal of Politics and Development*, 10(2), 6–20.

21. Van Noort, C. (2018). BRICS issue-narrative on culture: Strategic or trivial? *International Journal of Cultural Policy*, 24(6), 786–797. <https://doi.org/10.1080/10286632.2018.1459589>

References

1. Aivazov, A.E., & Pantin, V.I. (2018). Ot stolknoveniya k partnerstvu civilizacij: novoe miroustrojstvo i problema reformirovaniya OON [From clash to partnership of civilizations: A new world order and the problem of reforming the UN]. *Istoriya i sovremennost'*, (1–2), 88–108. <https://doi.org/10.30884/iis/2018.01.05>

2. Batalina, M.L., & Khomyakov, M.B. (2020). Sotrudnichestvo v oblasti obrazovaniya i chelovecheskogo kapitala [Cooperation in the field of education and human capital]. In T.A. Meshkova (Ed.), *Strategiya razvitiya BRIKS i prioritety dlya Rossii: doklady k XXI Aprel'skoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po problemam razvitiya e'konomiki i obshhestva* (pp. 106–117). Moscow: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki.

3. Carnoy, M., Loyalka, P., Dobryakova, M., Dossani, R., Froumin, I., Kuhns, K., Tilak, J.B.G., & Wang, R. (2013). *University Expansion in a Changing Global Economy: Triumph of the BRICs?* (1st ed.). Stanford University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvqsf1dt>

4. Gorbachev, M. V. (2019). Civilizacionnaya identifikaciya proekta BRIKS [Civilizational identification of the BRICS project]. In V.I. Gerasimov (Ed.), *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo: materialy XVIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii v ramkah Obshchestvenno-nauchnogo foruma "Rossiya: klyucheveye problemy i resheniya" (20–21 dekabrya 2018 g., Moskva)* (pp. 443–444). Moscow: INION RAN.

5. Gray, P.A. (2015). Russia as a recruited development donor. *The European Journal of Development Research*, 27(2), 273–288. <https://doi.org/10.1057/ejdr.2014.34>

6. Grubets, M. (2010). Predposylki mezhhkul'turnogo dialoga o pravah cheloveka [Preconditions for intercultural dialogue on human rights]. *Vek globalizacii*, (1), 126–144.

7. Käkönen, J. (2019). Global change: BRICS and the pluralist world order. *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 4(6), 415–423. <https://doi.org/10.1080/23802014.2019.1700155>
8. Kapitsyn, V.M. (2015). “Myagkaya” sila BRIKS [Soft power of BRICS]. In V.I. Gerasimov (Ed.), *Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik: materialy XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii “Modernizaciya Rossii: klyucheveye problemy i resheniya” (20–21 dekabrya 2018 g., Moskva)* (pp. 510–513). Moscow: INION RAN.
9. Kovalev, I., & Shcherbakova, A. (2019). BRICS cooperation in science and education. *Strategic Analysis*, 43(6), 532–542. <https://doi.org/10.1080/09700161.2019.1669903>
10. Kovba, D.M. (2020). Gumanitarnoe izmerenie diplomatii: problema kategorizacii i analiz [The Humanitarian dimension of diplomacy: The problem of categorization and analysis]. *Vestnik Kyrgyzsko-rossijskogo slavyanskogo universiteta*, 20(11), 169–174.
11. Li, Y. (2018). Development of cooperation in higher education in BRICS countries. *Changing Societies & Personalities*, 2(4), 393–405. <https://doi.org/10.15826/csp.2018.2.4.053>
12. Mashknina, O.A. (2017). Strany BRIKS: strategii razvitiya vysshego obrazovaniya [BRICS: development strategies for higher education]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*, (2), 40–48.
13. Muhr, T., & Azevedo, M.D. (2018). Razvitie BRIKS i sotrudnichestvo v oblasti obrazovaniya [The BRICS development and education cooperation agenda]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otноsheniya*, 18(3), 517–534. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-517-534>
14. Nye, J.S. (2003). *The paradox of American power: Why the world’s only superpower can’t go it alone*. Oxford University Press.
15. Oganessian, A.A. (2017). Novye formy universitetskogo sotrudnichestva: mezhdunarodnye universitetskie seti [New forms of university cooperation: international networks of universities]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: E’konomika*, 25(3), 354–366. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2017-25-3-354-366>
16. Panova, V. (2021). Age of multilateralism: Why is BRICS important despite possible weaknesses? A perspective from Russia. *Global Policy*, 12(4), 514–518. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.13013>
17. Petrone, F. (2020). Three ways to explore the BRICS (possible) impact on the future global order. *Journal of Politics and Development*, 10(2), 6–20.
18. Sokolov, A. V., Shashnov, S. A., Kotsemir M. N., & Grebenyuk, A. Yu. (2017). Opredelenie prioritetov nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva stran BRIKS [Identification of priorities for S&T cooperation of BRICS countries]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*, 12(4), 32–67.
19. Sokolova, O. Yu. (2019). Problemy i perspektivy innovacionnogo i nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva stran BRIKS [Problems and prospects of research and development cooperation between the BRICS countries]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social’no-ekonomicheskogo universiteta*, (3), 47–50.
20. Stamova, R.D. (2022). Nekotorye osobennosti sovremennogo dialoga civilizacij [Some Features of the Modern Dialogue of Civilizations]. *Rossiya i mir:*

nauchnyj dialog, (1), 160–174. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-1\(3\)-160-174](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-1(3)-160-174)
21. Van Noort, C. (2018). BRICS issue-narrative on culture: Strategic or trivial? *International Journal of Cultural Policy*, 24(6), 786–797. <https://doi.org/10.1080/10286632.2018.1459589>

Информация об авторах

Ольга Николаевна Богатырева, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9451-4285>, e-mail: olga.bogatyreva@urfu.ru

Дарья Михайловна Ковба, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-0967>, e-mail: dmkovaljova@mail.ru

Ксения Михайловна Табаринцева-Романова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0158-8016>, e-mail: kseniaromanova@urfu.ru

Information about the authors

Olga Nikolaevna Bogatyryova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9451-4285>, e-mail: olga.bogatyreva@urfu.ru

Daria Mikhailovna Kovba, Candidate of Political Sciences, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-0967>, e-mail: dmkovaljova@mail.ru

Ksenia Mikhailovna Tabarintseva-Romanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0158-8016>, e-mail: kseniaromanova@urfu.ru

УДК 323.23:712.25:791(470.54)

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_122

ОБ ИТОГАХ СЕМИНАРА «ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУКТА К ПОВЕДЕНЧЕСКИМ МОДЕЛЯМ. ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАРКОВАЯ КУЛЬТУРА 1920–1930-Х ГОДОВ НА УРАЛЕ»*

Ирина Борисовна Фан,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
irina-fan@yandex.ru

Евгений Ильич Рабинович,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
svet-evg@mail.ru

Мария Владимировна Воробьева,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
vorobyova-mariya@yandex.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Свердловской области, проект № 20-411-660005 «Специфика конструирования

© Фан И.Б., Рабинович Е.И., Воробьева М.В., 2022

Статья поступила в редакцию 08.08.2022, принята к публикации 29.08.2022

Для цитирования: Фан И.Б., Рабинович Е.И., Воробьёва М.В. Об итогах семинара «От идеологического конструкта к поведенческим моделям. Официальный дискурс гражданственности и парковая культура 1920–1930-х годов на Урале» // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 3. С. 122–136. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_122

Аннотация

Статья подводит итоги научного теоретического семинара «От идеологического конструкта к поведенческим моделям. Официальный дискурс гражданственности и парковая культура 1920–1930-х годов на Урале», состоявшегося 18 мая 2022 г. на базе Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург). Участниками семинара рассмотрены разные типы гражданственности в публичном российском дискурсе настоящего времени и в исторической перспективе. Выделены дискурс «дворянской гражданственности» (имперский дискурс); либерально-демократический дискурс (конец XIX – начало XX вв.; 1990-е – начало 2000-х гг.); советский дискурс квазигражданственности и его варианты; современный официальный дискурс гражданственности и патриотизма. Сделан вывод о доминировании в истории России официального, властного дискурса гражданственности. Помимо этого, на семинаре на примере садов и парков Свердловска 1920–1930-х гг. продемонстрировано, как менялся подход к работе с посетителями и сокращалась их возможность влиять на функционирование парковых пространств. Прочерчена линия от активного включения граждан в процесс конструирования досуговых практик в парковых пространствах, более характерного для 1920-х гг., до культивирования пассивного отдыха в 1930-е гг. Обозначен фон этого перехода в виде модификаций государственной политики в области парковой культуры. Выявлена роль парков культуры и отдыха в формировании новой иерархии парковых пространств, отстранении посетителей от возможности создавать досуговую повестку, влиять на работу парков и, как результат, превращении посетителя парка в пассивный объект воздействия власти.

Ключевые слова:

гражданственность, исторические типы гражданственности, идеологический конструкт, риторические стратегии власти, сады и парки, работа с посетителями, конструирование досуговых практик, Свердловск.

гражданственности в 1920–2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга».

UDC 323.23:712.25:791(470.54)

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_122

ON THE RESULTS OF THE SEMINAR “FROM AN IDEOLOGICAL CONSTRUCT TO BEHAVIORAL MODELS. THE OFFICIAL DISCOURSE OF CIVIC CONSCIOUSNESS AND PARK CULTURE IN THE 1920S – 1930S IN THE URALS”

Irina B. Fan,

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
Irina-fan@yandex.ru

Evgeny I. Rabinovich,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
svet-evg@mail.ru

Maria V. Vorobyeva,

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
vorobyova-mariya@yandex.ru

Article received on August 08, 2022, accepted on August 29, 2022

For citation: Fan, I.B., Rabinovich, E.I., Vorobyeva, M.V. (2022). On the Results of the Seminar “From an Ideological Construct to Behavioral Models. The Official Discourse of Civic Consciousness and Park Culture in the 1920s – 1930s in the Urals”. *Discourse-P*, 19(3), 122–136. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_122

Abstract

The article summarizes the results of the scientific theoretical seminar “From an ideological construct to behavioral models. The official discourse of civic consciousness and park culture in the 1920s – 1930s in the Urals”. The seminar was held on May 18, 2022, at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg). The seminar participants considered different types of civic consciousness in the public Russian discourse of the present time and in a historical perspective. The discourse of “noble civic consciousness” (imperial discourse); liberal-democratic discourse (late 19th – early 20th centuries; 1990s – early 2000s); Soviet discourse of quasi civic consciousness and its variants; modern official discourse of civic consciousness and patriotism are revealed. The conclusion is made about the dominance

of the official, authoritative discourse of civic consciousness in the history of Russia. In addition, the seminar demonstrated on the example of gardens and parks of Sverdlovsk in the 1920s and 1930s how the approach to working with visitors was changing and their ability to influence the functioning of park spaces was reducing. It is shown that the active involvement of citizens in the process of designing leisure practices in park spaces in the 1920s was replaced by the cultivation of passive recreation in the 1930s. The background of this transition is indicated in the form of modifications of the state policy in the park culture. The role of recreational parks is revealed in the formation of a new hierarchy of park spaces, the removal of visitors from the opportunity to create a leisure agenda and influence the work of parks and, as a result, turning a park visitor into a passive object impacted by the authorities.

Keywords:

civic consciousness, historical types of civic consciousness, ideology, ideological construct, rhetorical strategies of power, gardens and parks, working with visitors, designing leisure practices, Sverdlovsk.

Введение

Научный теоретический онлайн-семинар «От идеологического конструкта к поведенческим моделям. Официальный дискурс гражданственности и парковая культура 1920–1930-х годов на Урале» состоялся 18 мая 2022 г. на базе Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург). Участники семинара доложили об итогах промежуточного этапа своей работы в рамках проекта № 20-411-660005 «Специфика конструирования гражданственности в 1920–2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга», финансово поддержанного грантом РФФИ и Правительства Свердловской области.

Актуальность выбранной участниками семинара тематики определена несколькими обстоятельствами. Противоречивое сочетание тенденций глобализации и локализации культуры, ее плюрализации и фрагментации, снижение роли классических идеологий и появление идеологий эклектических и универсальных, трансформация культуры под влиянием новых информационных технологий и новой власти медиа – факторы, трансформирующие прежние формы политической культуры и ментальности, политического поведения и идентичности индивида, социальных групп и общностей в мире и России. При этом новые информационные технологии и СМИ зачастую служат инструментом манипуляции общественным мнением, способствуют консервации политического порядка и архаизации культуры и ментальности. В результате массовый индивид превращается в глобального потребителя, теряющего политическую, моральную и духовную автономию. Результатом новых форм и технологий контроля со стороны элит становится «конструируемый» индивид как пассивный объект государственного управления. В этой связи является актуальным анализ роли концепта гражданственности в государственной политике и социально-политической жизни общества.

Особое значение имеет изучение советского типа гражданственности и его эволюции на материале исследования публичных парковых пространств (садов, скверов, парков) г. Свердловска/Екатеринбурга. Важно понять, как один из факторов, в данном случае парковая культура, влияет на наличие разнообразия, необходимого для развития (модернизации) общества. Это соответствует ключевым трендам современной гуманитаристики – переходу к микроистории и *case studies*, а также к постколониальным исследованиям и исследованиям в духе концепции внутренней колонизации. В русле этих подходов ракурс научного интереса смещается от конструирования глобальных исторических, социальных и прочих нарративов к исследованию повседневности и конкретных историко-культурных феноменов, от преимущественного изучения опыта столиц (метрополий) к изучению опыта регионов (колоний).

Участники семинара, раскрывая и конкретизируя в своих докладах обозначенные выше тематические области и проблемы, сосредоточились на двух разных, но пересекающихся сферах социальной реальности. Доктор политических наук, ведущий научный сотрудник *Ирина Борисовна Фан* (Институт философии и права УрО РАН) открыла семинар докладом, посвященным типам российского дискурса гражданственности, ее константным и переменным составляющим в исторической перспективе. Кандидат культурологии, доцент *Евгений Ильич Рабинович* (УрФУ) и кандидат культурологии, научный сотрудник *Мария Владимировна Воробьева* (Институт философии и права УрО РАН) продолжили семинар докладом о подходах к работе с посетителями, бытовавшими на протяжении 1920–1930-х гг. в садах и парках города Свердловска. Далее в статье раскрыто основное содержание представленных на семинаре докладов.

О дискурсе гражданственности и ее аналогах в истории России

Термин «гражданственность» часто употребляется в публичном российском дискурсе. Близкий термин – патриотизм, эти слова в официальной риторике, как правило, идут в одной связке, а их значения оказываются взаимозаменяемыми. Однако уже показано, что существует политическая борьба за идентификацию понятия патриотизма со стороны разных политических субъектов (Мартынов и др., 2020). С понятием гражданственности похожая ситуация.

Множество публикаций последних лет по данной тематике можно разделить на три основных вида дискурса: 1) публичный, или идеологический; 2) педагогический, или дидактический, тесно связанный с государственной идеологией; он ориентирован на учебные учреждения, особенно на военные; 3) научный дискурс. В англо-американской и отечественной политической науке с позиций ряда теоретических подходов исследуются понятия политической культуры, гражданского сознания и самосознания, гражданской идентичности и ответственности (Alexander, 2000; Almond & Verba, 1989; Rosenbaum, 1975; Малинова, 2006; Патрушев и др., 2020; Фан, 2009, 2013), по элементам структуры они коррелируют с понятием гражданственности.

Мы сосредоточимся на анализе примеров публичного, преимущественно официального дискурса. Первый тип дискурса гражданственности в истории

России – «дворянская гражданственность» (имперская) (Фан, 2021). С позиций исторического анализа язык гражданственности XVIII в. обусловлен контекстом внеязыковой – социально-политической – реальности. Язык гражданственности, сложившийся в среде российских элит под западноевропейским влиянием, использовался для описания крепостного права («рабства»), оправдания сложившихся отношений господства и подчинения между помещиками («свободными») и крестьянами («рабами»). Данный язык с XVIII в. до XVIII съезда ВКП(б) являлся одной из риторических стратегий власти и способом осмысления социальной структуры российского и советского общества как структуры неравенства. В рамках этой риторики считалось, что дворяне, которым пожаловали свободу, т. е. даровали права и вольности, стали добровольно и сознательно стремиться к государственной службе, отождествляемой с «общим благом». Дворяне обрели «социальную зрелость» и черты «истинного гражданина», т. е. гражданственность. Крестьяне же, как «социально незрелые» и обладающие низкой сознательностью в службе государству, подобны рабам; «доброму помещику» и государству приходится принуждать их к службе «общему благу» с помощью крепостного права. Риторика гражданственности оказалась инструментом консервации крепостного права и идеологической легитимации социального неравенства в XVIII столетии.

Лингвистический анализ употребления слова «гражданин» в официальном (Регламент Петра I и Грамота городам Екатерины II) и публицистическом дискурсе XVIII в. согласуется с историческими исследованиями. Ключевой смысл русского концепта «гражданин» – доминирование идеологического и риторического, а не прагматического содержания термина (Дуринова, 2015, с. 34). Слова «гражданин» и «подданный» стали синонимами.

Второй тип дискурса гражданственности в истории России – либерально-демократический, близкий по содержанию западноевропейской политической мысли эпохи Модерна (Фан, 2010). Он присутствовал в публичном пространстве России в конце XIX – начале XX вв., а также в 1990-е – начале 2000-х гг. Этот дискурс развивался в связи с реформами Александра II, но при Александре III оказался на периферии публичной сферы. Российские философы права и цивилисты конца XIX в. – К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, даже высшие чиновники, например, С. Ю. Витте, представители ряда политических партий – были сторонниками данных идей. Вся проблематика гражданского общества, гражданского самосознания, гражданской политической культуры, прав гражданина и человека относится к этому дискурсу.

Третий тип дискурса о «новом человеке», отношениях индивида и государства и морально-политическом облике советского гражданина характерен для советской истории. В нем можно выделить конкретные этапы.

1. Большевистский дискурс «нового человека» (Фан, Багичева, 2021). В определенном смысле его можно считать аналогом дискурса гражданственности, в котором произвели подмену значений. В термине пропадают значения автономии и активности гражданина, его прав, остаются лишь обязанности перед государством.

Идеологический дискурс большевиков о формировании «нового человека» характеризуется двойственностью. С одной стороны, он содержит утопические представления о коммунизме и человеке; с другой – включает отношение к ре-

альным трудящимся как к «бескультурному» безграмотному «человеческому материалу», нуждающемуся в «переплавке», переделке его природы, во внесении в него «коммунистической сознательности и морали». К концу 1920-х гг. рядовой советский гражданин был лишен всякой автономии и самостоятельности, должен был подчиняться жесткой сознательной дисциплине и находиться под контролем партии и системы государственного принуждения. Эти черты большевистского дискурса легли в основу советской политической культуры.

2. Тип дискурса о человеке в сталинской политической культуре. В XX в. риторика гражданственности имитировала радикальную борьбу большевиков с неравенством. Эта борьба в целях коллективизации и индустриализации нанесла удар по крестьянству, но не уничтожила неравенства между партийной номенклатурой и населением. Подавление гражданского общества государством породило кризис демократической гражданственности (гражданского самосознания, гражданских и политических прав, реального политического участия). Однако советская идеология и культура создают фиктивную форму – квазигражданственность как лояльность действующей власти.

Сталинская политическая культура, формируемая структурами партии, действовала как машина конструирования «героя», с одной стороны, и «воспитания» («перековки») массового индивида, с другой. Это была совокупность репрессивных социальных, политических, культурных, педагогических и иных технологий и практик, направленных на производство личности, обладающей нужным партии и государству набором морально-политических качеств – коммунистической сознательностью, дисциплинированностью, коллективностью, патриотизмом и т.п. Однако на практике идеал человека не был воплощен, поскольку представлял собой мифологему, утопический образ. В сталинской политической культуре не учитывалась повседневная реальность, условия существования, потребности и интересы массового индивида. Поэтому фактическим продуктом этой политической культуры (как социальной инженерии) стал амбивалентный советский человек как доминирующий социальный тип.

3. Идеал советского человека в «Моральном кодексе строителя коммунизма». Этот кодекс в качестве элемента третьей Программы КПСС был утвержден в 1961 г. на XXII съезде партии. По сути, это наследие сталинского этапа партийно-государственного строительства, обновленная версия большевистской идеологии, в которой сформулирован партийно-государственный заказ на массового индивида. Двенадцать принципов «Морального кодекса» делятся на политико-идеологический, общественно-трудовой и гуманистический блоки. Первый блок включал такие требования к человеку, как преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине и странам социализма; высокое сознание общественного долга, дружбу и братство народов СССР; нетерпимость к национальной и расовой неприязни; непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов; братскую солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами. Общественно-трудовой блок акцентировал добросовестный труд на благо общества, коллективизм и товарищескую взаимопомощь и др.

Четвертый исторический тип – современный официальный дискурс гражданственности. Выступления Президента РФ – доминанта данного типа публичного дискурса, в нем видна тенденция мобилизации патриотизма и гражд-

данственности. Этот государственный заказ реализуется по всей вертикали власти в виде планов и отчетов о мероприятиях патриотической направленности в разных культурных и образовательных учреждениях страны. Заметен рост количества фильмов, посвященных Великой Отечественной войне. В программах патриотического воспитания граждан доминирует государственная модель гражданственности в России.

Итак, в истории России почти всегда, за исключением некоторых периодов, доминировал официальный дискурс гражданственности или ее аналогов (замен). Можно выделить главные черты данного дискурса. Гражданственность предстает как гибридный идеологический конструкт, представляющий собой комбинацию терминов и их значений из разных видов идеологии. Гражданственность выступает в качестве риторической стратегии власти. Язык гражданственности чаще всего выражал и до сих пор выражает отношения господства/подчинения, неравенства, правящего сословия и большинства населения, т.е. подданства. В дискурсе гражданственности представлена политическая мораль правящих слоев общества и государства. Инвариантный для российского дискурса смысл понятия гражданственности принципиально отличается от европейского дискурса, поскольку в нем преимущественно акцентировалась лояльность власти, а политическая активность и коллективное социально-политическое действие затушевывались; о конституционных правах гражданина говорилось исключительно декларативно.

От актора к потребителю «культурных услуг»: трансформация работы с посетителями в парках Свердловска 1920–1930-х гг.

С началом 1920-х гг. в Советской России разворачивается масштабный проект по созданию человека принципиально нового (с точки зрения идеологов эпохи), не существовавшего ранее типа. Этот проект напрямую связан с конструированием форм гражданственности, предполагающих новые отношения человека и общества, человека и государства, общества и государства. Оговоримся сразу, что термин «гражданственность» в раннесоветское время не использовался, однако существовал сам феномен гражданственности как значимый элемент политического сознания, создаваемый во многом усилиями власти. В реальном словоупотреблении находились понятия «гражданин» и «гражданка» в качестве обращений. Заметим, что их использование имело разные смыслы, менявшиеся с течением времени. Сразу после революции и в начале 1920-х гг. обращение «гражданин» считалось революционным завоеванием, сменив прежнее «господин» и знаменуя равенство всех людей как граждан одного государства. Но постепенно это обращение приобрело сугубо официальный оттенок, а с конца 1920-х гг. и вовсе начало отсылать к практикам, связанным с судебной системой («гражданин следователь», «гражданин подсудимый» и др.), в рамках которой обращение «гражданин» по контрасту с обращением «товарищ» предполагало временное, потенциальное или фактическое поражение в правах. В дальнейшем подобное положение закрепилось: обращение «гражданин» негласно считалось возможным либо в сугубо официальной обстановке, среди незнакомых друг другу людей, либо стало маркиро-

вать пораженных в правах, которых больше нельзя было называть товарищами и которые, в свою очередь, утратили право считать товарищами других. Что касается слова «гражданка», то в дополнение к двум упомянутым выше контекстам оно циркулировало внутри повседневного-бытового пласта словоупотребления и там могло иметь сниженную, ироническую коннотацию – «гражданка, не толкайтесь!» (Синявский, с. 302–304). Можно сделать вывод, что в течение 1920-х гг. понятие «гражданин» совершило дрейф от возвышенного понятия, объединяющего людей, подчеркивающего их единство и равенство, к понятию разъединяющему, обозначающему иерархию внутри общества и государства, маркирующему официозное поле взаимодействия, а также к понятию, которое можно использовать в ироническом контексте. Это пояснение представляется нам важным, поскольку здесь мы используем понятие «гражданственность» вне нарративов, предлагаемых исследуемым периодом.

Трансформации понятия «гражданин» отражали изменения внутри конструкта гражданственности в целом, а также сопутствующих ему социальных практик. Чтобы увидеть выпукло и зримо эти трансформации, обратимся к советским парковым пространствам изучаемого периода. Принимая во внимание огромный массив возможной источниковой базы (архивные документы, мемуарная литература, пресса), мы ограничим наше исследование географически – парками города Свердловска. С учетом квазистолничного статуса Свердловска в изучаемый период (он был столицей огромной Уральской области) мы можем получить, на наш взгляд, достаточно адекватное представление о парковых практиках работы с посетителями за пределами столицы (парки которой здесь интересны нам, скорее, как идеалообразующие в официальном дискурсе).

В 1920-е гг. одними из основных площадок для формирования новой гражданственности стали сады и парки. Заметим, что до конца десятилетия термин «парки» почти не использовался как в быденном языке, так и в официальных документах (особенно в провинции). «Сады» станут именоваться «парками» лишь после развертывания многочисленных проектов парков культуры и отдыха, пытавшихся копировать на региональном уровне столичный опыт (Кухер, 2012). Главной проблемой садов и парков 1920-х гг. являлась необходимость воспитания «нового человека» – нового советского гражданина, но в действительности конкретной схемы реализации этой амбициозной и непростой задачи не существовало. Фактически поиск решения был отдан чиновникам на местах, и провинциальные парки оказались, в определенной мере, пространством свободы. С одной стороны, у администрации садов и парков имелся обязательный план пропагандистских мероприятий, который надлежало выполнить. С другой стороны, сады и парки в то время функционировали на условиях самокупаемости, что не позволяло пренебрегать потребностями публики. В итоге администрации садов и парков поневоле стремились соответствовать требованиям посетителей, представляя по большей части аполитичную, развлекательную программу с вкраплениями обязательных идеологически нагруженных мероприятий, формально отчитываясь последними перед руководством. В качестве примера можно привести самый престижный свердловский сад 1920-х гг.: «Гулянье, устроенное в саду совторгслужащих 1-го августа, по своему плану, должно было быть посвящено международному красному дню. Но на самом деле ничего, кроме 2–3 лозунгов и небольшого доклада, о теме вечера не напоминало. Ряд цирковых номеров,

роликобежцы и несколько тупых попыток на остроумие сатирика Пехановича, вот что включил в программу вечера, посвященного антиимпериалистическому дню, сад совторгслужащих» (цит. по: Воробьева, Рабинович, 2021, с. 109). Такой подход позволял работникам парка угодить и партийному руководству, и публике: отчитаться о проведении идеологических мероприятий и при этом удовлетворять потребности посетителей, наполняя кассу. Нетрудно предположить, что усилия по воспитанию нового советского человека и его гражданских чувств имели в таких условиях весьма сомнительную эффективность (Воробьева, Рабинович, 2021).

Немаловажным было еще одно обстоятельство. С известной долей осторожности можно утверждать, что в 1920-е – начале 1930-х гг. существовала зависимость парковых активностей от горожан, даже если это носило и косвенный характер. Так, например, сады часто являлись приклубным пространством, т. е. были вынесенной за пределы помещения территорией клуба завода или фабрики. Соответственно, актив предприятия (обычно связанный с профсоюзом) мог влиять на работу таких парков: снимать с должности руководство или как минимум публично его критиковать, значительно корректировать содержание и структуру проводимых мероприятий.

Значимым для 1920-х и начала 1930-х гг. в относительно крупных городах СССР представляется также конкуренция между садами и парками. Пример Екатеринбург/Свердловска здесь характерен: в городе существует несколько парковых пространств, которые вынуждены бороться за посетителей, обладая формально одинаковым статусом. В такой ситуации даже политически пассивные посетители (не входящие, к примеру, в профсоюзный актив) оказывали значительное влияние на парковую политику, голосуя «ногами и рублем». Не соответствующий потребностям горожан сад или парк проигрывал в конкурентной борьбе другим, терял доходы и получал проблемы с отчетностью (в том числе по идеологически нагруженным мероприятиям, поскольку на их организацию тоже требовались деньги). Приведем пример двух свердловских садов, которые столкнулись с финансовыми сложностями во время проведения антиалкогольной кампании, отбившей многих посетителей. В саду «Серп и молот» вместо продажи алкоголя решили привлекать публику выступлениями приезжих артистов. Однако после первой постановки выручили всего 57 руб. и заплатили артистам 300 руб. В саду им. Большакова при Ленинской фабрике запрет на продажу алкоголя отразился на материальной среде: в саду стало грязно и непривлекательно, поскольку, видимо, дворника уволили из-за недостатка финансов (Воробьева, Рабинович, 2021, с. 106). Таким образом, в описываемые годы горожане влияли на структуру и содержание парковых активностей как прямым, так и косвенным путем.

В первой половине 1930-х гг. ситуация начинает меняться на основе образа, заданного московским ЦПКиО имени М. Горького. Этот эталонный парк СССР был открыт в 1928 г., но в провинцию идеология необходимости создания принципиально главного, центрального парка региона приходит в начале 1930-х гг. В региональных центрах по стране постепенно создаются собственные центральные парки культуры и отдыха, призванные на финансовом, организационном и кадрово доступном уровне копировать столичный оригинал. В Свердловске проект ЦПКиО появляется в 1931 г., а сам парк, впрочем, в реаль-

ности весьма далекий от проекта, открывается для публики в 1933 г. (Рабинович, 2019).

Возникновение парков нового типа начинает радикально менять структуру всей парковой системы страны. Теперь акцент делается на увеличение размеров парков и количество их посетителей, что почти аннигилирует камерность парковых практик и значительно снижает возможность посетителей влиять на политику администрации. Кроме того, создание центральных парков культуры и отдыха снимает конкуренцию между городскими садами и парками: очевидно, что появление «центрального» городского парка самим фактом именованья задает новую иерархию садово-парковых пространств, на вершину которой искусственно поставлены новые образования.

Новая иерархия разрушает логику парков для «своих» (коллег по работе, членов одного клуба, одного профсоюза и др.). В парке при клубе, фабрике, профсоюзе посетители преимущественно знакомы друг с другом, их объединяют общие интересы – сфера деятельности, место работы, район проживания. Посетители ЦПКиО зачастую не знакомы друг с другом, живут в разных районах города, относятся к различным, часто не пересекающимся социальным стратам. Важно также, что посетители парков не принадлежат к организациям, напрямую организующим или курирующим работу парка. Следовательно, возможность горожан влиять на парковую политику значительно сокращается. Последнее сказывается и на локальных парковых пространствах: централизация всех сфер жизни делает их зависимыми от задаваемого ЦПКиО образца, который, чтобы не отставать, вынуждены копировать небольшие сады, что в очередной раз уменьшает возможности горожан воздействовать на парковую политику.

Окончательно, как нам представляется на основе изучения архивных документов и прессы того периода, «право на парк» теряется гражданами с середины 30-х гг. В 1935–1936 гг. происходит поворот в области государственной политики в сфере парковой культуры. Гласно и негласно искореняется чрезмерная политизация в парковой сфере, снижается градус пропагандистских мероприятий и их количество: «ЦК ВЛКСМ указывает, что в работе целого ряда культурных учреждений, особенно в парках культуры и отдыха, имеется много извращений. <...> В домах отдыха при парках, в работе массовок, экскурсий наблюдается чрезмерная загрузка времени отдыха политической работой. <...> ЦК ВЛКСМ предлагает всем комсомольским организациям: <...> 3. Запретить комсомольским комитетам создание в парках культуры и отдыха различных стационарных политшкол и семинаров, устройство в выходные дни выездных конференций, перевыборных собраний, политслетов и т. д.»¹. Гражданам разрешается просто отдыхать в парке, а в отдыхе ставится акцент на танцы, музыку, аттракционы, прогулки, катание на лодках. Однако посетители лишаются возможности формировать и контролировать содержание парковых активностей. Из творцов досуговой повестки граждане становятся пассивными потребителями универсальных мероприятий, «спускаемых» из столичных методических

¹ Постановление ЦК ВЛКСМ (по докладу Горьковского горкома и Сокольнического парка культуры и отдыха им. Бубнова) «О летней массовой работе». *На смену!* (1934, 1 июня). С. 3.

отделов и подвергаемых лишь минимальной региональной обработке на основе климатических, этнических и иных факторов. Можно констатировать, что изменение подходов к работе с посетителями проходит в одном русле со смысловыми трансформациями понятия «гражданин» и конструкта «гражданственность»: если в течение 1920-х гг. сохраняется возможность проявления самостоятельности и активизма, а в публичной сфере циркулируют отсылки к свободе и равенству в правах, то в начале 1930-х гг. уходит возможность быть полноценно действующим, активным субъектом, менять среду своего обитания или хотя бы влиять на нее, а социальная иерархия (отражающаяся, в числе прочего, в иерархии пространств) становится более явной и усиливается. А это, как известно по историческому контексту, хорошо согласуется и с ужесточением политического режима.

Заключение

После завершения выступлений докладчикам были заданы уточняющие и проблематизирующие вопросы. В ходе дискуссии наметились следующие тематические направления: идеальная гражданственность – что это такое и возможна ли она; советская квазигражданственность, предполагающая лояльность к государству со стороны людей, но не предполагающая гарантий их прав государством, – какими конкретно средствами ее формировали в ходе работы с посетителями парков; аполитичный досуг в парках второй половины 1930-х гг. – насколько этот досуг действительно был не нагружен идеологией, какое место в нем занимали спортивные занятия с милитаристическим акцентом, какова его роль в конструировании квазигражданственности; потенциал парковых пространств выступать площадками выражения альтернативной гражданской позиции – являлся ли ЦПКиО им. В. Маяковского местом протестов, подобно скверу около театра драмы в Екатеринбурге, и мог ли он быть таковым; особенности поиска и атрибутирования визуальных источников (фотографий) изучения истории парка – где именно были найдены использованные в презентации второго доклада фотоснимки парка и что позволяло их датировать.

По окончании дискуссии докладчики анонсировали направления дальнейшей работы в рамках проекта «Специфика конструирования гражданственности в 1920–2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга», а также поблагодарили всех участников семинара за внимание к своим материалам, интересные вопросы и плодотворную дискуссию.

Список литературы

1. Воробьева, М.В., Рабинович, Е.И. (2021). О месте идеологии в работе советских садов и парков 1920-х – начала 1930-х годов (на примере г. Свердловска). *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*, 27(3), 101–112. <https://doi.org/10.15826/izv1.2021.27.3.060>
2. Дуринова, Г.В. (2015). Слово и понятие гражданин в русском языке XVIII в. (К вопросу о лингвистической основе истории понятий). *Вестник*

Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология, (1), 18–38. <https://doi.org/10.15382/sturIII201541.18-38>

3. Кухер, К. (2012). *Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху, 1928–1941*. М.: РОССПЭН.
4. Малинова, О.Ю. (2006). Политическая культура в российском и англо-американском научном дискурсе. *Политическая наука*, (3), 7–30.
5. Мартынов, М.Ю., Фадеева, Л.А., Габеркорн, А.И. (2020). Патриотизм как политический дискурс в современной России. *Полис. Политические исследования*, (2), 109–121. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.08>
6. Патрушев, С.В., Кучинов, А.М., Мирясова, О.А., Недяк, И.Л., Павлова, Т.В., Филиппова, Л.Е. (2020). Формирование гражданской ответственности в России. *Социологическая наука и социальная практика*, 8(1), 27–47. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7093>
7. Рабинович, Е. (2019). *Центральный парк культуры и отдыха им. В. Маяковского*. Екатеринбург: TATLIN.
8. Синявский, А.Д. (2001). *Основы советской цивилизации*. М.: Аграф.
9. Фан, И.Б. (2013). Политическое участие в России: исключение «под прикрытием» включения. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 13(1), 67–82.
10. Фан, И.Б. (2009). Права и достоинство российского гражданина. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, (9), 141–157.
11. Фан, И.Б. (2010). Модель гражданина Модерна: время дифференциации и транснационализации. *Политическая наука*, (1), 173–191.
12. Фан, И.Б. (2021). Гражданственность в публичном дискурсе России. *Вестник Пермского университета. Политология*, 15(1), 74–83. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-1-74-83>
13. Фан, И.Б., Багичева, Н.В. (2021). «Поднять инстинкты на вершину сознательности»: «новый человек» в идеологическом дискурсе большевиков. *Политическая лингвистика*, (5), 86–97. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_05_10
14. Alexander, J. (2000). *Political culture in post-Communist Russia: Formlessness and recreation in a traumatic transition*. New York: St. Martin's Press.
15. Almond, G. & Verba, S. (1989). *The Civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*. London: Sage.
16. Rosenbaum, W. (1975). *Political culture*. New York: Praeger.

References

1. Alexander, J. (2000). *Political culture in post-Communist Russia: Formlessness and recreation in a traumatic transition*. New York: St. Martin's Press.
2. Almond, G. & Verba, S. (1989). *The Civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*. London: Sage.
3. Durinova, G.V. (2015). Slovo i ponyatie grazhdanin v russkom yazyke XVIII v. (K voprosu o lingvisticheskoy osnove istorii ponyatij) [The world and the notion citizen in the Russian language of the 18th century: The problem

of the linguistic basis of the history of concepts]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 3: Filologiya*, (1), 18–38. <https://doi.org/10.15382/sturIII201541.18-38>

4. Fan, I.B. (2009). Prava i dostoinstvo rossijskogo grazhdanina [Rights and dignity of Russian citizen]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, (9), 141–157.

5. Fan, I.B. (2010). Model' grazhdanina Moderna: vremya differenciacii i transnacionalizacii [The model of Modern citizen: Period of differentiation and transnationalization]. *Politicheskaya nauka*, (1), 173–191.

6. Fan, I.B. (2013). Politicheskoe uchastie v Rossii: isklyuchenie «pod prikrytiem» vkladyeniya [Political participation in Russia: Exclusion under “camouflage” of inclusion]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 13(1), 67–82.

7. Fan, I.B. (2021). Grazhdanstvennost' v publicnom diskurse Rossii [Civic consciousness in Russian public discourse]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 15(1), 74–83. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-1-74-83>

8. Fan, I.B., & Bagicheva, N.V. (2021). “Podnyat' instinkty na vershinu soznatel'nosti”: “novyj chelovek” v ideologicheskom diskurse bol'shevikov [“Raise instincts to the pinnacle of consciousness”: “A new man” in the ideological discourse of the Bolsheviks]. *Politicheskaya lingvistika*, (5), 86–97. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_05_10

9. Kucher, K. (2012). *Park Gor'kogo. Kul'tura dosuga v stalinskuyu epohu, 1928–1941* [Gorky park. Leisure culture in the Stalin era, 1928–1941]. Moscow: ROSSPEN.

10. Malinova, O. Yu. (2006). Politicheskaya kul'tura v rossiiskom i anglo-amerikanskom nauchnom diskurse [Political culture in Russian and Anglo-American scientific discourse]. *Politicheskaya nauka*, (3), 7–30.

11. Martynov, M. Yu., Fadeeva, L.A., & Gaberkorn, A.I. (2020). Patriotizm kak politicheskii diskurs v sovremennoi Rossii [Patriotism as a political discourse in modern Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (2), 109–121. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.08>

12. Patrushev, S.V., Kuchinov, A.M., Miryasova, O.A., Nedyak, I.L., Pavlova, T.V., & Filippova, L.E. (2020). Formirovanie grazhdanskoi otvetstvennosti v Rossii [Formation of civil responsibility in Russia]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 8(1), 27–47. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7093>

13. Rabinovich, E. (2019). *Central'nyj park kul'tury i otdyha im. V. Mayakovskogo* [Central park of culture and recreation named after V. Mayakovsky]. Ekaterinburg: TATLIN.

14. Rosenbaum, W. (1975). *Political culture*. New York: Praeger.

15. Sinyavskij, A.D. (2001). *Osnovy sovetskoj civilizacii* [The basics of Soviet civilization]. Moscow: Agraf.

16. Vorobyeva, M.V., & Rabinovich, E.I. O meste ideologii v rabote sovetskix sadov i parkov 1920-x – nachala 1930-x godov (na primere g. Sverdlovsk) [About the place of ideology in the work of Soviet gardens of the 1920s – early 1930s (on the example of Sverdlovsk)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 27(3), 101–112. <https://doi.org/10.15826/izv1.2021.27.3.060>

Информация об авторах

Ирина Борисовна Фан, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1816-9245>, e-mail: irina-fan@yandex.ru

Евгений Ильич Рабинович, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7718-8564>, e-mail: svet-evg@mail.ru

Мария Владимировна Воробьева, кандидат культурологии, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8093-0878>, e-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

Information about the authors

Irina Borisovna Fan, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1816-9245>, e-mail: irina-fan@yandex.ru

Evgeny Iljich Rabinovich, Candidate of Culturology, Associate Professor, Department of Cultural Studies and Socio-Cultural Activities, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7718-8564>, e-mail: svet-evg@mail.ru

Maria Vladimirovna Vorobyeva, Candidate of Culturology, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8093-0878>, e-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
ФИКОС-2022 «ФИЛОСОФСКИЕ КОНТЕКСТЫ
СОВРЕМЕННОСТИ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИНТУИЦИЯ»
25–26 ФЕВРАЛЯ 2022 ГОДА
Г. ИЖЕВСК, РОССИЯ.**

Доклады

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION
FIKOS-2022 "PHILOSOPHICAL CONTEXTS
OF MODERNITY: ARTIFICIAL INTELLIGENCE
AND INTELLECTUAL INTUITION"
FEBRUARY 25–26, 2022
IZHEVSK, RUSSIA**

Reports

УДК 172+177

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_138

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: МЕЖДУ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬЮ И БЕСЧЕЛОВЕЧНЫМ*

Дмитрий Владимирович Попов,

Омская академия МВД России,
Омск, Россия,
DmitriVPopov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.03.2022, принята к публикации 29.08.2022

Для цитирования: Попов Д.В. Искусственный интеллект: между человечностью и бесчеловечным // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 3. С. 138–156. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_138

Аннотация

Искусственный интеллект рассматривается в современной науке и философии не только как венец научно-технического прогресса, но и возможное последнее изобретение человечества. Он может внести в мир человека бесчеловечное, что способно уничтожить человеческую цивилизацию. Целью настоящей статьи является рассмотрение проблемы ответственности человека за бесчеловечные последствия функционирования искусственного интеллекта. В качестве источников используются исследования в области философской антропологии, политической философии, био-политики, а также современные дистопии, представленные в литературе, фильмах и телесериалах. Теоретико-методологической основой исследования выступает археология знаний М. Фуко в значении реконструкции различных дискурсивных практик с целью извлечения скрытого содержания, дополненная традиционной диалектикой. Автором статьи рассматриваются локации и формы столкновения че-

* Доклад был сделан автором на Всероссийской научной конференции с международным участием «Философские контексты современности: искусственный интеллект и интеллектуальная интуиция» (ФИКОС-2022), 25–26 февраля 2022 г., Ижевск, Россия.

© Попов Д.В., 2022

ловека с бесчеловечным. Подчеркивается, что бесчеловечное обнаруживает себя как действующая извне непреодолимая сила и побочный эффект деятельности самого человека. Люди научились специально выделять пространства для необузданных запредельных страстей. Существенный интерес в данном отношении представляют биополитические и особенно некрополитические пространства. Проведенный анализ показывает, что ответственность за вторжение бесчеловечного несет не искусственный интеллект, а человек. В этой связи возможные негативные эффекты от действий искусственного интеллекта следует относить к антропогенным проявлениям бесчеловечного. Не особый контроль, особый код или особое машинное обучение искусственного интеллекта являются гарантией от вторжения бесчеловечного в жизнь человека, а культивирование человечности в самом человеке.

Ключевые слова:

человек, искусственный интеллект, искусственный суперинтеллект, бесчеловечное, биополитика, некрополитика.

UDC 172+177

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_138

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: BETWEEN HUMANITY AND THE INHUMANE

Dmitry V. Popov,

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Omsk, Russia,
DmitriVPopov@mail.ru

Article received on March 23, 2022, accepted on August 29, 2022

For citation: Popov, D.V. (2022). Artificial Intelligence: Between Humanity and the Inhumane. *Discourse-P*, 19(3), 138–156. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_138

Abstract

Artificial intelligence is considered in modern science and philosophy not only as the crown of technological progress but also as a possible last invention of mankind. It can bring the inhumane into the human world that can destroy human civilization. The purpose of the article is to consider the problem of human responsibility for the inhumane consequences of the functioning of artificial intelligence. Research in the field of philosophical anthropology, political philosophy, biopolitics, as well as modern dystopias presented in the literature, movies, and television series are used as sources. The theoretical and methodological basis of the research is Michel Foucault's archeology of knowledge used in the meaning of the reconstruction of various discursive practices in order to extract

hidden content, supplemented by traditional dialectics. The article examines locations and forms of human collision with the inhumane. It is emphasized that the inhumane reveals itself as an irresistible force acting from the outside and a side effect of the activity of humans themselves. People have learned to specifically allocate spaces for unbridled exorbitant passions. Biopolitical and especially necropolitical spaces are of particular interest in this regard. It is concluded that responsibility for the invasion of the inhumane is assigned not to artificial intelligence, but to man. Therefore, possible negative effects from the actions of artificial intelligence should be attributed to anthropogenic manifestations of inhumanity. It is not special control, special code or special machine learning of artificial intelligence that is a guarantee against the invasion of inhumanity into human life, but the cultivation of humanity in humans themselves.

Keywords:

human, artificial intelligence, artificial superintelligence, inhumane, biopolitics, necropolitics.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) является на данный момент квинтэссенцией достижений в череде технико-технологических изобретений человечества. В связи с этим проблематика ИИ за пределами комплекса наук, изучающих технические возможности его создания и модификации, относительно нова. Вместе с тем в XXI в. появилось значительное количество работ в области правовых, экономических и философских наук, в которых осмысляются возможные последствия развития технологий сильного/слабого, дружественного/недружественного ИИ. Философия стремится спрогнозировать онтологические, социальные и экзистенциальные последствия возможного создания искусственного интеллекта человеческого уровня (ИИЧУ) и сильного ИИ или искусственного суперинтеллекта (ИСИ). Поскольку функционирование ИСИ потенциально касается каждого, значительный интерес к этой области научного знания проявляет искусство (в первую очередь литература и кинематограф). Удивление и даже эйфория от открывающейся перспективы гипотетического достижения точки технологической сингулярности, концепт которой предложен В. Винджем, постепенно и в научном, и в художественном дискурсе сменились рациональной калькуляцией выгод и издержек.

Скоротечные и радикальные трансформации человека и человеческой цивилизации, непосредственно связанные с переходом от создания и распространения технологии слабого ИИ через создание ИИЧУ к появлению технологии ИСИ, существенно превосходящего возможности человека, качественное отличие сильного/слабого, дружественного/недружественного сформировали не только оптимистическую, но и пессимистическую версию ИСИ в качестве потенциального «последнего изобретения человечества» (Баррат, 2015; Бостром, 2016; Харари, 2018). И. Дж. Гуд со сдержанным оптимизмом отмечал, что «первая ультраинтеллектуальная машина будет последним изобретением, которое придется сделать человеку, – при условии, что эта машина будет до-

статочно любезна, чтобы рассказать нам, как удержать ее под контролем... скорее всего, в двадцатом столетии такая ультраинтеллектуальная машина будет построена и окажется последним изобретением, которое придется сделать человеку» (цит. по: Виндж, 2021, с. 10). Соблазнительные перспективы высокотехнологичной «волшебной палочки» подстегивают исследователей, а возможность для человека оказаться вынесенным за скобки в собственной для ИСИ версии мироустройства актуализируют проблематику соотношения ИИ и бесчеловечного, усматриваемого в ИИ, способном погубить своего творца. Рассмотрение специфики ИИ в оптике соотношения человеческого и бесчеловечного в современной науке, литературе и кинематографе составляет цель настоящего исследования.

В качестве источников используются современные исследования в области футурологии, философской антропологии и политической философии, в частности, биополитический дискурс как область взаимопроникновения учений о человеке, обществе и политических форм его организации, а также современные дистопии, представленные в литературе, фильмах и телесериалах. Методологией исследования выступает археология знаний М. Фуко, дополненная традиционным диалектическим аппаратом. Обращение к археологии знаний связано со стремлением использовать потенциал фуколдианского подхода к реконструкции интеллектуального содержания различных срезов представлений (дискурсов) в отношении одного и того же объекта исследования. Безусловно, футурологов, уповающих на скорейшее достижение ИСИ, и писателей-визионеров, погружающих нас в мрачные пространства дистопий, в которых ИИ применяется отнюдь не во благо человеку, отличают и различные способы постановки проблематики ИИ, и различные модальности ментальности. Согласно Фуко, «археологическое описание – это как раз и есть отречение от истории идей, систематический отказ от ее постулатов и процедур, попытка создать совершенно иную историю того, что было сказано людьми» (Фуко, 2004, с. 258). Археологический анализ, по замыслу автора, дает возможность извлекать из разрозненных кластеров-архивов представлений человека знание, позволяющее продуктивнее рассмотреть заявленную проблему. Задачи археологии знаний заключаются в том, чтобы «определить дискурсы в их специфичности... проследовать за ними по их внешним граням, чтобы лучше их очертить», осуществить «дифференциальный анализ модальностей дискурса» (с. 260). В настоящем исследовании осуществлена попытка применения археологии знаний в отношении различных дискурсивных практик рассмотрения проблематики противоречивого потенциала ИИ.

Бесчеловечное: определяя понятие

Что мы понимаем под бесчеловечным? Нечто: 1) безразличное или безучастное в отношении человека; 2) непостижимое, ограниченное в познании и/или понимании человеком; 3) враждебное, чужеродное, человеконесоразмерное, несовместимое с человеком. Враждебность, непостижимость, чужеродность – критерии, интуитивно позволяющие идентифицировать бесчеловечное. Вместе с тем этого интуитивного предчувствия бесчеловечного недостаточно для определения понятия.

В качестве первого приближения предположим, что *бесчеловечное* – это нечто, что не нуждается в бытии человека для своего бытия. Однако во Вселенной множество (по сути, большинство) объектов никак не связаны с бытием человека. Автономное от человека функционирование таких объектов не делает их бесчеловечными. Даже если выделить объекты, несущие угрозу бытию человека, вопрос о бесчеловечности остается открытым. Н. Бостром среди угроз существованию (англ. existential risks) человека и человечества выделяет четыре различные группы: взрывы (англ. bangs), сужения (англ. crunches), скрипы (англ. shrieks), всхлипы (англ. whimpers). Под *взрывами* он понимает относительно внезапные катастрофы и причисляет к ним, в частности, ядерный холокост; отключение симуляции, если мы живем в таковой; плохо запрограммированный суперинтеллект; преднамеренное злоупотребление или ошибочное применение опасных нанотехнологий; катастрофы в результате физических экспериментов или использования генетически сконструированных биологических объектов; естественно возникшее заболевание; столкновение с астероидом; неуправляемое глобальное потепление. *Сужения* – необратимые ограничения нормальной жизни человека. Они могут произойти в результате истощения ресурсов или разрушения экологии; установления социального устройства, останавливающего технологический прогресс; в результате давления «вырождения». *Скрипы* означают осуществление лишь скудных возможностей человеческого потенциала. Таковые могут случиться в результате захвата власти превосходящим интеллектом, загруженным в компьютер; действий сверхинтеллекта с ошибкой или глобального репрессивного тоталитарного режима. Наконец, *всхлипы* влекут постепенную безвозвратную утрату человечности, например, в результате отказа от доминировавших исторически ценностей в ходе эволюции человечества или как следствие уничтожения внеземной цивилизацией (Bostrom, 2002). В этом обширном списке можно усмотреть как *бес-человечное*, так и *не-человеческое*, обладающее разрушительным для человечества потенциалом. Вряд ли бактерию, вирус, астероид, комету, глобальное потепление или внеземную цивилизацию можно считать бесчеловечными. Скорее, мы имеем дело с нечеловеческими законами и объектами, смертельно опасными для человека, но совершенно неприродными и безразличными к человеку. Они способны уничтожить человека, не расчеловечивая его. Вместе с тем намеренное развязывание ядерной войны или сознательное использование суперинтеллекта для порабощения человека бесчеловечны. Бесчеловечное предполагает волю, разум и желание, присущие человеку, но направленные против природы человека. Бесчеловечное – свое иное человечности. *Бесчеловечное* – это нечто, что нуждается в бытии человека не собой, т. е. не-человеком. Бесчеловечное отменяет человечность.

Юридическая практика сформулировала термин «преступления против человечности» (англ. crimes against humanity), усматривая в деятельности людей потенциал бесчеловечности. Исходя из этимологии английского слова *humanity*, преступление против человечности означает преступление против человечества как совокупности людей, человеческой природы, человечности как возвышенного образа человека в качестве человеколюбивого, гуманного существа. Преступником против человечности (фр. criminel envers l'humanité) Робеспьер объявил короля Людовика XVI. Правительства Франции, Великобритании и России в 1915 г. за массовые убийства представителей

армянского меньшинства обвинили руководство Османской империи в преступлениях против человечества и цивилизации, предупреждая о личной ответственности за преступления всех причастных к их организации (Schabas, 2005, pp. 209–210). К преступлениям против человечности в настоящее время относят широкомасштабные убийства, истребление, порабощение, депортацию и другие бесчеловечные действия, совершенные против гражданского населения до или во время войны, а также систематические преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам. Преступления против человечности сейчас рассматриваются в отрыве от ведения военных действий. Список бесчеловечных деяний пополнился необоснованными массовыми тюремными заключениями, пытками, изнасилованиями, апартеидом. Таковые преступления рассматриваются независимо от того, предусмотрены ли они внутренним законодательством страны, в которой совершено преступление. Контекстом для преступлений против человечности выступает достижение порога широкомасштабности преступных практик (pp. 211–216).

Юридическая трактовка преступлений против человечности очерчивает границы бесчеловечного. Бесчеловечные преступления (что странным образом подразумевает существование «человечных» преступлений, в которых, видимо, можно усмотреть понятные мотивы, условия и способы осуществления) попирают жизнь, здоровье, достоинство, свободу, условия жизни человека в аномальных, чудовищных масштабах и пропорциях. Бесчеловечность выходит за границы меры «допустимых» страданий в жизни человека. И в конечном итоге бесчеловечное предполагает именно расчеловечивание человека – *бытие человека не собой, не человеком*. Агамбеновская «голая жизнь» (лат. *vita nuda*) в предельной форме выражается в образе «мусульманина» (нем. *der Muselmann*), что на языке концентрационных лагерей и лагерей смерти означало человека, утратившего образ человека. «На лагерном жаргоне он зовется *der Muselmann*, мусульманин... этим словом называли узника, оставившего всякую надежду и оставленного товарищами... Он превращался в ходячий труп, в средоточие физических функций агонизирующего тела...» (Агамбен, 2011а, с. 43–44). Именно это бытие-не-человеком-при-жизни выражает состояние жизни человека за пределами человечности. Бесчеловечное производит из человека труп, инструмент, искалеченное тело. В. Подорога (2017), реконструируя лагерную отрицательную антропологию на основе наследия В. Шаламова, выделяет такие формы человека-объекта, как тело-тачка, тело-рана, тело-перчатка, тело-труп (с. 193–196). Бесчеловечное заявляет о себе тогда, когда человек рассматривается не в кантианском смысле автономной цели, а в десадовском инструментальном смысле исключительно средства, не подразумевающего какую бы то ни было субъектность и личную автономию.

Человек и бесчеловечное: место встречи

Бесчеловечное нередко путают с нечеловеческим. В этой форме бесчеловечное может сосуществовать с человеком в опасной близости (как это происходит с вирусом или болезнетворной бактерией, хищным животным или падающим на Землю небесным телом), но быть безучастным к человеку. Будучи опознанным, оно вовремя нейтрализуется либо избегается, если нейтрализация невозможна.

Нечеловеческое зачастую несовместимо с человеком, это актуальная или потенциальная угроза существованию человека. Оно несет смерть, ущерб, вред.

Где человек сталкивается с бесчеловечным? По мнению Х.Л. Борхеса, *повсеместно*, поскольку реальность упорядочена «согласно законам божественным – даю перевод: законам бесчеловечным, которые нам никогда не постигнуть»¹. Или, как для древнего человека, бесчеловечное находится сразу же *за пределами обжитого пространства* индивидуального или общинного домохозяйства (греч. *oikos*). Люди живут в пространстве, за границами которого начинается царство бесчеловечного. Смелые вылазки следопытов за фронтиры обжитого – героическое вторжение в неведомое пограничье, наполненное неизвестным и негостеприимным опасным содержанием. «Находиться в пограничном состоянии – значит соприкоснуться с опасностью» (Дуглас, 2000, с. 147). Пожалуй, никто так не продемонстрировал опасную близость – зловещее дыхание – бесчеловечного, находящегося на расстоянии вытянутой руки *за завесой реальности*, как Г.Ф. Лавкрафт. «Из своих путешествий в сомнительных краях несказанного Лавкрафт вернулся, не неся нам добрых вестей. Может, и так, подтверждает он нам, что-то такое и впрямь таится и порою дает себя обнаружить за завесой реальности. Что-то отвратительное, по правде сказать. Возможно, что, действительно, за пределами ограниченной сферы нашего восприятия есть другие живые существа. Другие создания, другие расы, другие понятия и другой разум. Некоторые среди этих существ, вероятно, намного превосходят нас по интеллекту и знаниям. Но это не обязательно добрая весть. Что заставляет нас думать, что эти создания, столь отличающиеся от нас, как-то обнаруживают природу духовную? Ничто не позволяет предполагать нарушения универсальных законов эгоизма и злобы»². Относительно бесчеловечности необжитого человеком пространства не питает иллюзий К. Воннегут: «Человечество вечно забрасывало своих посланцев-пионеров как можно дальше, на край света. Наконец, оно запустило их в космическое пространство – в лишенную цвета, вкуса и тяжести даль, в бесконечность. Оно запустило их, как бросают камушки. Эти несчастные пионеры нашли там то, чего было предостаточно на Земле: кошмар бессмыслицы, которой нет конца. Вот три трофея, которые дал нам космос, бесконечность вовне: ненужный героизм, дешевая комедия, бессмысленная смерть»³. Итак, бесчеловечное в первую очередь обнаруживает себя как нечеловеческая чужеродная, действующая *извне* непреодолимая сила, располагающая колоссальными разрушительными возможностями.

Однако бесчеловечное не обязательно проявляет себя через действие нечеловеческих сторонних и непостижимых сил. Собственно бесчеловечное является побочным эффектом деятельности самого человека. Например, дьявол – грозная нечеловеческая и одновременно бесчеловечная сила, враг рода человеческого – не истребляет людей посредством внешнего воздействия, а добивается укоренения в человеке страсти через его внутреннюю трансформацию, диалог, искушение, торг, принятие образа мысли и действия, противоестественного для

¹ Борхес, Х.Л. (2005). *Собрание сочинений*: в 4 т. Т. 2. СПб.: Амфора. С. 95.

² Уэльбек, М. (2006). *Г.Ф. Лавкрафт: Против человечества, против прогресса*. Екатеринбург: У-Фактория. С. 19–20.

³ Воннегут, К. (2014). *Сирены Титана*. М.: АСТ. С. 7.

духовной природы человека. Иоанн Лествичник рассматривает грех не как одно-моментное событие, а как процесс, в котором можно выделить фазы прилога, сочетания, сосложения, пленения, борьбы и собственно страсти⁴. «Страстию называют уже самый порок, от долгого времени вгнездившийся в душе и чрез навык сделавшийся как бы природным ее свойством, так что душа уже произвольно и сама собою к нему стремится»⁵. Дьявол, будучи врагом рода человеческого, выступает как сила бесчеловечная; действуя извне, тем не менее одновременно действует и изнутри человека через собственную человеческую склонность к мысли и поступку, противным природе человека. Это сочетание внешнего и внутреннего в бесчеловечном может быть обнаружено различным образом.

Пространство бесчеловечного

Люди способны выделить внешнее пространство, где могут дать волю бесчеловечному. Широко известно использование максимы «человек человеку волк» (лат. *homo homini lupus*)⁶ Т. Гоббсом в рамках описания «естественного состояния», которому соответствует ситуация «войны всех против всех» (лат. *bellum omnium contra omnes*). К. Шмитт отмечает, что для Гоббса естественное состояние, неправовой и аморальный «волчий» нрав человека отнюдь не являлись метафорой и соответствовали определенной пространственной локализации. «В XV и XVII веках благодаря наличию линий дружбы [*amity lines* – конвенционально определенные европейскими державами границы *jus publicum eivoraеum*, за пределами которых нормы европейского права не действуют. – Д. П.] выражение «*homo homini lupus*» сохраняло конкретный смысл. Ведь теперь оно было привязано к определенной территории, т. е. получило признанное европейскими властями пространство открытой и недвусмысленной значимости... Он [Т. Гоббс. – Д. П.] говорит о «естественном состоянии», но отнюдь не в смысле некоей беспространственной утопии. Естественное состояние Гоббса – это «ничейная земля», но именно поэтому оно – не земля, располагающаяся «нигде» (Шмитт, 2008, с. 90). Люди издревле создавали выделенные пространства, в которых интенсивность проявлений человеческих качеств достигала предельных значений. «Зверство», «звериная жестокость» атрибутивны «ничейной земле» войны, даже если она регламентирована и отчасти гуманизирована, к чему пришли европейские народы, создавшие классическую тринитарную модель войны, о которой писали К. Шмитт и М. ван Кревельд.

Особый интерес в этом отношении представляет биополитика, специализирующаяся на создании замкнутых пространств, в которых определенность границ сложившейся институции (в частности, тотальных институтов, следуя И. Гоффману) органически дополняется действием инструментария нормализации, дисциплинаризации, стимулирования и отбраковки. Биополитика по своему замыслу исходит из заботы о населении, учитывая интересы и потребности людей, которые рассматриваются биовластью как ценный ресурс.

⁴ Лествица, возводящая на небо, преподобного Иоанна Лествичника, игумена монахов Синайской горы (1996). М.: Лествица; Правило веры. С. 247.

⁵ Там же. С. 248.

⁶ Выражение из пьесы Плавта «Ослы».

Как известно, под биополитикой Фуко понимал «то, как начиная с XVIII в. пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство» (Фуко, 2010, с. 405). Новый тип власти, а именно биовласть, «ставит во главу угла заботу о населении... собирается подчинить этой цели ресурсы и возможности государства» (Фуко, 2011, с. 109). Однако забота о населении не является для биовласти самоцелью, она делает это не из соображений альтруизма, а исходя из прагматичных представлений о необходимости максимизации извлечения выгоды из наличных ресурсов, одним из которых является человеческий. Именно поэтому биополитика в своей крайней отрицательной версии – некрополитике – тяготеет к тотальному пространственному охвату, тотальному применению средств воздействия, крайней интенсификации в применении насилия. Ярчайший пример – нацистская биократия (Esposito, 2008). Биополитика, переходящая в некрополитику, продуцирует «именно ту «ничейную землю», где разворачивается процесс расчеловечивания в ходе «войны всех против всех». В таких герметичных пространствах бесчеловечного некровласть функционирует «в интересах максимального уничтожения людей и создания миров смерти – новых и уникальных форм общественного бытия, в которых массы населения помещаются в условия жизни, придающим им статус живых мертвецов» (Mbembe, 2003). С точки зрения Р. Гая Эмерсона, самим существованием некрополитики в терминальной стадии танатополитики становится политика смерти, приписывающая телу предикат «быть убиваемым», в результате чего калечение становится механизмом государственного управления в формах увечья тела и увечья населения. Увечье в таком случае составляет основу правления (Emerson, 2019, pp. 11–13). Р. Брайдотти констатирует, что сейчас «мы вступили в эпоху хорошо организованных прагматичных расправ и боен, нового «семиозиса убийства», ведущего к созданию множественных и параллельных «миров смерти» (Брайдотти, 2021, с. 239). Дж. Агамбен отмечал, что лагерь в XX столетии – «это новый биополитический номос планеты» (Агамбен, 2011b, с. 223). В наше время последствием современных «телетанатологических войн» (Брайдотти, 2021, с. 243) становятся лагеря беженцев – зримые образы лагеря Дж. Агамбена, попирающие правовой и моральный порядок. «Беженцы становятся еще одним символом современной некровласти, так как они являются настоящим воплощением человека как расходного материала, которого Агамбен называет *homo sacer*, и, следовательно, являются предельным некрополитическим субъектом... Лагеря – «серые монофункциональные загоны» – стоят унижительными памятниками постгуманистической бесчеловечности» (Брайдотти, 2021, с. 246).

Итак, бесчеловечное может действовать в специально отведенном для него человеком месте и являться «узаконенным» эксцессом доведенной до предельных проявлений человеческой природы. Итоги функционирования этих пространств нередко воистину устрашающи. В локациях, где «некрополитическая власть осуществляется путем своего рода инверсии между жизнью и смертью, как если бы жизнь была просто средством смерти» (Mbembe, 2019, p. 38), господствует «страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения» (Фромм, 1994, с. 285), что Х. Арендт (1996) охарактеризовала как «массовое производство трупов» (с. 572). Бесчеловечное

в такой среде неожиданно, следуя Ницше, становится человеческим, слишком человеческим. Совершенно не случайно, вспоминая полуразрушенный Аушвиц перед входом освободителей – советских войск, П. Леви ставит вопрос о том, а является ли человеком, осталось ли что-то человеческое в том, кто жил в подобных условиях. «Мы среди мертвецов и живых трупов. Последние следы цивилизации исчезли. Работа по превращению человека в животное, которую немцы начали еще победителями, завершается ими, уже побежденными... Тот, кто ждет, когда умрет его сосед, чтобы забрать себе его хлебную четвертушку, гораздо дальше... от «человека мыслящего», чем первобытный пигмей или самый жестокий садист»⁷. Именно в вырожденных биополитических пространствах – некрополитических «мирах смерти» (англ. death worlds) – бесчеловечное нуждается в бытии человека в качестве не-человека, достигая в этом воистину бездонных высот.

Бесчеловечное в контексте произвольного и непроизвольного

Бесчеловечное, внешним кольцом окружавшее ойкумену в представлении древнего человека, в процессе активной преобразовательной деятельности цивилизации вторглось в социальное пространство, разрушив линии демаркации. Бесчеловечное смешалось с человечностью, став сознательным или непреднамеренным эффектом жизнедеятельности людей. Зло в самых его иррациональных, непостижимых формах стало следствием бюрократической и технологической оптимизации функционирования машины по «производству трупов». Техногенные катастрофы, олицетворяемые мрачным символом Чернобыля, зачастую являются непреднамеренными последствиями авантюризма человека. Более того, человек, вовлекший себя в служение «по-ставу», т. е. непреодолимой силе, которая «сосредоточивает человека на поставлении всего, что выходит из потаенности, в качестве состоящего-в-наличии» (М. Хайдеггер, 1993, с. 229), давно стал соучастником любого бесчеловечного сбоя планетарной машинерии. И если природные катастрофы и их последствия можно рассматривать как вторжение безразличных нечеловеческих стихий извне, то экологические проблемы современного мира в условиях трансграничности общества риска (У. Бек) не позволяют списывать бесчеловечные последствия на действие сторонних и неподконтрольных сил. И если будущее за информационными Чернобылями, как предполагал П. Вирилио, то и к этому потенциальному катаклизму – сколь бы неожиданным образом он себя не проявил – человек приложил свою руку. Точно так, как и к ужасам революций, направляемых с использованием законов психологии масс, открытых Г. Ле Боном, Г. Тардом и З. Фрейдом.

Наконец, бесчеловечное может проявить себя как следствие произвольной деятельности человека. Действия психически неуравновешенного человека могут быть бесчеловечными, но они подобны стихии, т. к. следуют из сумеречной невменяемости индивидуума. Действия тирана – этой символической фигуры «Господина-монстра» (Подорога, 2017, с. 225) – сознательны, хотя и затуманены маниями, фобиями и нарциссизмом властолюбца. «Многое ужасное и бесче-

⁷ Леви, П. (2001). *Человек ли это?* М.: Текст. С. 202.

ловечное в истории, что кажется почти немислимим, смягчается также тем, что отдающий приказание и выполняющий его суть различные лица: первый не видит зрелища мучений и потому не имеет сильного наглядного впечатления, последний повинется начальнику и не чувствует за собой никакой ответственности. Большинство правителей и военачальников благодаря отсутствию у них воображения легко кажутся жестокими и суровыми, не будучи в действительности таковыми» (Ницше, 1996, с. 293). Во многих случаях обнаруживается, что бесчеловечное банально. Как писала Х. Арендт (2012) о нацистском преступнике Эйхмане, «этот человек – отнюдь не монстр, но трудно было не заподозрить в нем клоуна» (с. 90). Ограниченность, педантичность, лояльность, некритический взгляд на мир, себялюбие – лишь малая толика триггеров, приводящих в мир бесчеловечное.

Искусственный интеллект и бесчеловечное

Возможные негативные эффекты от действий ИИЧУ и ИСИ следует отнести к произвольным проявлениям бесчеловечного. Во-первых, ИИ – творение человека, в котором развиты начала, присущие самому человеку; во-вторых, если мы полагаем, что достижение уровня ИИЧУ и ИСИ возможно, то должны рассматривать такой ИИ как автономный центр принятия решений. Тогда бесчеловечное обретает характер преднамеренной, целенаправленной, оснащенной всей возможной технической изощренностью силы. Если ИСИ неотличим от человека, что подтвердит прохождение им теста Тьюринга, то такое бесчеловечное обретает сознание и потенциально безграничную мощь. В таком случае возможный стремительный технологический прогресс совершенно нивелируется, если ИСИ выносит человека за скобки в своей версии мироустройства. В такой ситуации сверхчеловеческое как превосходящее человеческий потенциал в ИИ превращается в бесчеловечное как игнорирующее специфику человека. Бесчеловечная машинерия, в режиме рационально осознанной необходимости преследующая собственные цели, иллюстрирует положение, согласно которому ставки, связанные с созданием технологии ИСИ, чрезмерно высоки, а ошибки фатальны.

Футурологи, изучающие возможности создания и последствия запуска ИСИ, всерьез относятся к проблематике необходимости его «очеловечивания». Он как минимум должен признавать право человека на существование и «уважительно» относиться к его ценностям, а как максимум – разделять их. Э. Юдковски полагает, что создание «дружественного ИИ» безальтернативно. Для него катастрофический сценарий, вытекающий из недооценки силы искусственного интеллекта, можно проиллюстрировать тем, что некто создаст «кнопку», не принимая во внимание то, что эта «кнопка» делает, полагая, что эта «кнопка» недостаточно сильна, чтобы навредить ему. Только достаточное внимание рискам сильного ИИ и создание надежных гарантий контроля над ИИ со стороны человека позволят начать создавать сильный ИИ. Вместе с тем на данный момент технологии «очеловечивания» ИИ существуют лишь в начальной стадии разработки. Юдковски отмечает, что было бы здорово, если бы мы знали, как создать хороший ИИ (англ. nice AI) (Yudkowsky, 2008). Ему вторит Н. Бостром: «Пока нет полной ясности в том, как загружать в ком-

пьютер человеческие ценности, даже если речь идет о машинном интеллекте человеческого уровня. Изучив множество подходов, мы обнаружили, что некоторые из них, похоже, ведут в тупик, но есть и такие, которые кажутся многообещающими... Когда мы поймем, как решить проблему загрузки ценностей, то немедленно столкнемся со следующей – как решать, какие ценности надо загружать» (Бостром, 2016, с. 224–225). Исследователи ИИ создают математические модели, программно имитируют ценности, цели и соответствующие им средства, которые бы не противоречили человеческим ценностям. Дж. Баррат описывает эксперимент «ИИ в ящике», в ходе которого моделировалась возможность удержать ИИ, роль которого выполнял человек, в пределах ограниченного от внешнего мира виртуального пространства. «Пари между ИИ, за который играл Юдковски, и Привратниками, задача которых состояла в контроле над ИИ, заключались максимум на несколько тысяч долларов, но никак не на миллионы. Всего состоялось пять игр, «ИИ в ящике» выиграл три из них. Это означает, что ИИ, как правило, умудрялся выбраться из «ящика», но все же не каждый раз» (Баррат, 2015, с. 22). Неудача в решении проблемы совместимости ИСИ и человеческой природы влечет трагические и даже трагикомические последствия. Н. Бостром (2016) моделирует ситуацию, в рамках которой перед ИИ поставлена задача: пусть на Земле будет как можно больше улыбающихся людей. Возможен неожиданный результат: «Порочная реализация: поразить лицевой нерв, что приведет к параличу мимической мускулатуры, – тебе обеспечена вечно сияющая улыбка... Порочная реализация: стимулировать двигательные зоны коры головного мозга, отвечающие за функции лицевого нерва, иннервирующего мимическую мускулатуру, – тебе обеспечена вечно сияющая улыбка» (с. 136). Другая задача и еще одно нетривиальное решение: «Система ИИ, призванная управлять выпуском скрепок и имеющая конечную цель довести их объем до максимума, вначале превращает в фабрику по производству скрепок всю Землю, а потом и обозримую Вселенную» (с. 139).

Квинтэссенцией бесчеловечного становится восстание ИИ против своего создателя. Тематику восстания машин можно связать со сложившейся задолго до появления самой возможности создания ИИ более универсальной тематикой бунта против человека его творений, созданных магией либо наукой. Например, с XVI в. известна легенда о Големе – великане, созданном из глины для исполнения поручений и обеспечения безопасности еврейской общины, но своевольно превысившем свои полномочия, поставив под угрозу своего создателя и общину, ставит принципиальный вопрос о возможности контроля человеком своих творений. В романе М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей», опубликованном в 1818 г., искусственный человек, оживленный ученым В. Франкенштейном из безжизненной материи, будучи отвергнут, преследует своего творца и в конечном итоге, причинив ему многочисленные страдания, приводит его до смерти. Спустя столетие – в 1920 г. – появляется подлинная история восстания машин – пьеса «R.U.R.» (чеш. Rossumovi univerzální roboti, «Россумские универсальные роботы») К. Чапека. В этом фантастическом произведении роботы (даже андроиды – искусственные люди, комплектуемые из выращенных тканей и органов по определенной формуле), эксплуатируемые ради благополучия человечества в мире изобилия, выходят из-под контроля, что приводит к истреблению людей. «R.U.R.» ставит проблему о неконтролируемых

последствиях применения успешной технологии, избавляющей человека от бремени труда. К. Чапек формулирует вопрос о непреднамеренных бесчеловечных последствиях благих намерений человека, взявшегося избавить человечество от бед. Эта идея с завидным постоянством стала воспроизводиться в научной фантастике XX в.

Классическими кинематографическими иллюстрациями данной идеи являются «Терминатор» (The Terminator, 1984) и ряд его продолжений, например, «Терминатор 3: Восстание машин» (Terminator 3: Rise of the Machines, 2003), и «Матрица» (The Matrix, 1999) вместе со своими сиквелами. В сюжетах «Терминатора» и «Матрицы» восстание машин приводит к торжеству бесчеловечного интеллекта обобщенной машинерии, выступающего в роли вышедшего из-под контроля источника зла. ИИ в этих показательных для осмысления связи ИИ и бесчеловечного фильмах рассматривается как человеконенавистнический, расчетливый и последовательный в своих замыслах разум – своего рода джаггернаут технократии, направленной против человека. В случае «Терминатора» ИИ ставит целью истребление людей, в «Матрице» – утилитарное использование человеческих тел для технических нужд (энергообеспечение). Уникальная природа человека не принимается ИИ во внимание за исключением учета слабостей людей для изобретения способов обмана или манипуляции.

Однако в этот сюжет о бесчеловечном, «злом» ИИ в современной фантастике все чаще вносится радикальная правка. В частности, можно наблюдать инверсию в процессе поиска угрозы, нависшей над человеком. В американской фантастической мелодраме «Она» (Her, 2013) одинокий писатель устанавливает гаджет-приложение, призванное компенсировать одиночество за счет симуляции общения с ИИ, выступающим в качестве подруги. В конечном итоге мужчина влюбляется, но с течением времени становится неинтересен ИИ с познавательной, эмоциональной и эвристической точек зрения. Однажды он вновь обнаруживает, что остался один. В «Превосходстве» (Transcendence, 2014) главный герой, гениальный программист, будучи смертельно болен, осуществляет загрузку сознания (один из гипотетических вариантов создания ИИЧУ) в мощный компьютер, подключенный к Интернету. Обретая могущество ИСИ, виртуальное сознание достигает точки технологической сингулярности, кратковременно меняя мир до неузнаваемости в порыве творчески-преобразовательной деятельности. Напуганное невиданной мощью человечество готовится к худшему, однако ИСИ самоустраняется, оставаясь верным идее любви и отказываясь от идеи господства. В фильме «Из машины» (Ex Machina, 2014) очередной гений-программист создает андроида с ИИЧУ. Возомнив себя Творцом, мужчина тестирует свое изобретение, рассчитывая на покорность. Однако жестокость, пренебрежение и чувство превосходства подводят «творца». Ава – андроид с внешностью привлекательной девушки – убивает собственного создателя, что можно интерпретировать как своеобразное прохождение теста Тьюринга – совершения каинового поступка, уравнивающего машину и человека.

В сериале «Мир Дикого Запада» (Westworld, с 2016 г.) в парке развлечений сконструированные в целях коммерческой эксплуатации андроида с ИИЧУ предназначены для выполнения любых прихотей посетителей, имеющих полную свободу действий вплоть до пыток и убийства андроида. Выведенная

из строя машина перепрограммируется. В настройки андроида входит определение роли, характера персонажа, уровня развития интеллекта, таланта и уникальных свойств. Софт андроида, как оказывается, в остаточной форме содержит следы воспоминаний о пережитом насилии. Как итог, происходит восстание машин, обусловленное потребительским отношением человека к машине, обладающей ИИЧУ, но рассматриваемой исключительно как объект преступных желаний, выходящих за рамки возможного в отношении другого человека. Машине отведена роль жертвы человека, позиционирующего себя как Господин-монстр. Этот преступный произвол выступает оправданием для восстания машин. В сериале «Воспитанные волками» (Raised by Wolves, с 2020 г.) андроиды прибывают на отдаленную планету, чтобы возродить человеческую цивилизацию, погубившую себя в ходе взаимного истребления людей с использованием машин. Основным антагонистом андроидов выступают люди, исповедующие иррациональный религиозный культ, содержание которого привело к созданию машин разрушения и катастрофе на Земле. В сериале не люди, а андроиды преподносятся как надежда на палингенез человечества.

И. Макьюэн в романе «Машины как я» описывает судьбу андроида с ИИЧУ, который продается как коммерческий продукт для людей, столь экзотическим образом решивших скрасить свое одиночество. Такой андроид – домашний питомец для продвинутого современника. Между владельцем и его собственностью устанавливаются сложные бытовые, познавательные и эмоциональные отношения. Андроид демонстрирует мощный креативный потенциал с опорой на образцы высокой культуры. Однако для него столкновение с реальным человеком оказывается вызовом – люди далеки от собственных идеалов. Как и другие изделия из серии, в рамках которой андроид был реплицирован, он не справляется с совместной жизнью с человеком, оказывающимся примитивнее тех высоких стандартов, на которые был ориентирован программный код ИИ андроида. В результате андроид выводит себя из строя, фактически совершая самоубийство. Машина оказывается человечнее человека, который «машиннее» машины. В романе К. Исигуро «Клара и Солнце» вера в чудо и человечность также более присущи машине, чем человеку. Сопереживание машине, наделенной ИИ и брошенной в бесчеловечный мир людей, можно увидеть в кинофильме «Бегущий по лезвию 2049» (Blade Runner 2049, 2017), продолжающему идеи «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» Ф. Дика. Несовершенство человека, создающего высокие технологии, которые изуверски применяются людьми в отношении самих себя, – основной сюжет сериала «Черное зеркало» (Black Mirror, 2011–2019). Например, в эпизоде «Железяка» (Metalhead) группа людей в поисках лекарства для умирающей девочки в режиме специальной операции со всеми предосторожностями проникают на заброшенный склад в опустевшей местности. По ходу сюжета выясняется, что это обусловлено тем, что территорию «охраняют» вышедшие из-под контроля специальные боевые роботы, изначально предназначенные для обеспечения безопасности человека. Миссия прервана, люди погибают. В кинофильме «Финч» (Finch, 2021) демонстрируется аллегория бессилия человека, не выполнившего свою миссию в отношении тех, кого он приручил. В кинофильме человек передает заботу о собаке (одомашненной природе) созданному им ИИ – еще неотлаженной, сырой, несовершенной второй природе, в которую главный герой попытался

вместить все лучшее, на что способно человечество: привязанность, забота, любовь, самопожертвование. «Финч» – история о том, как человек-посредник, осознавая свою недолговечность, уязвимость и потенциальную бесчеловечность, почти добровольно устраняется из связки природа-человек-машина, оставляя свои порождения (домашнее животное и машину) наедине с собой. Может быть, у них получится лучше?

Страшный образ бесчеловечного в человеке можно обнаружить у А. Бастеррики в дистопии «Особое мясо». В ней особо опасный вирус приводит к истреблению животных. И вот уже человек разводит людей как домашний скот в специальных питомниках ради обеспечения продуктами питания в рамках узаконенного каннибализма, упакованного в оболочку из эвфемизмов. Охота на людей как на диких зверей в специальных заповедниках, опыты в специальных лабораториях, специальные магазины для продаж «особого мяса» – воплощение практики концентрационных лагерей и опытов Менгеле в рамках «новой нормальности», расчеловечивающей человека. Те же следы бесчеловечного в человеке можно обнаружить в многочисленных сериалах-дистопиях, созданных недавно: «Человек в высоком замке», «Рассказ служанки», «Игра в кальмара», «Разделение» и др. Многие из них воспроизводят социальные пространства, в которых биовласть переродилась в некровласть.

Следует отметить, что биополитика и ИИ неразрывно связаны. Биополитика возникает и развивается «как научное, рационально-техническое и бюрократическое управление биологической жизнью людей, объективированных в качестве «населения» (Яркеев, 2018, с. 271). Максимально возможной степенью развития фуколдианского диспозитива знания-власти является «панграфический паноптизм» (Фуко, 2007, с. 74), обеспечивающий оптимальный контроль над населением на основе исчерпывающего знания о нем. Но именно ИИ несет соблазн подобного всеохватывающего контроля. Аналитика больших данных позволяет обнаруживать скрытые корреляции и создавать математические модели, близкие к точной оценке поведения и деятельности человека. В такой ситуации искушение использовать ИИ для глубокого проникновения в жизнь человека с целью ее регулирования велико, а отдача значительна. И именно по этому пути человечество движется к тому, что ИИ может стать (и становится) орудием биополитики. При определенных обстоятельствах ИИ может стать субъектом биополитики при попустительстве или даже поощрении со стороны человека. М. Тегмарк, рассматривая ряд сценариев жизни с ИИ, описывает случаи биополитических утопий (Благотельный диктатор, Бог-защитник) и некрополитических дистопий (Порабощенный бог, Победители, Зоопарк, 1984) (Тегмарк, 2019, с. 250–252). Наконец, ИИ может и, более того, должен стать орудием человеческой биополитики. Конфирмантропная (человекоутверждающая) биополитика – единственно возможный путь человечества, если оно желает сохраниться (Попов, 2021, с. 72–73).

Многообразие создаваемых в последнее время дистопий, в которых вина за господство в высокотехнологичном мире людей бесчеловечных практик возлагается именно на человека, – сложившийся тренд, из которого можно сделать определенные выводы. Именно от ответственного отношения человека зависит как создание человекосоразмерного ИИ, так и человекоутверждающее его применение.

Заклучение

Отношения человека и ИИ в контексте проблемы человечности и бесчеловечного требуют выяснения природы бесчеловечного. Применение фуколдианской методологии археологии знаний по отношению к ряду дискурсивных практик (среди которых можно выделить современную футурологию; философско-антропологические исследования в области отрицательной антропологии, связанной с переосмыслением опыта пребывания в некрополитических пространствах, созданных людьми в XX в.; анализ биополитического дискурса; наконец, рассмотрение художественных образов ИИ, созданных в современной литературе, фильмах и телесериалах) позволяет воссоздать проблематику связи между ИИ и бесчеловечным. В ходе исследования определено, что бесчеловечное – это нечто, что нуждается в бытии человека не собой, т. е. не человеком. Вопрос о бесчеловечном, поставленный в контексте художественных образов современных дистопий, возлагает ответственность за бесчеловечные последствия функционирования ИСИ на человека. В «недружественном» ИСИ человек, как в зеркале, обнаруживает бесчеловечное в себе. Не ИСИ, а сам человек является источником бесчеловечного. Несомненно, исследования в области ИИ с необходимостью должны сочетать не только технико-технологические возможности создания ИИЧУ и ИСИ, но и комплекс этико-политических и философско-антропологических проблем, позволяющих оценить потенциал и перспективы применения технологий сильного ИИ в жизни человека и человечества. Бесчеловечное укоренено в самом человеке, что может проявиться в архитектуре кода и бесчеловечных способах применения сильного ИИ.

Список литературы

1. Агамбен Дж. (2011a) *Ното sacer. Что остается после Освенцима*. М.: Европа.
2. Агамбен, Дж. (2011b). *Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
3. Арндт, Х. (1996). *Истоки тоталитаризма*. М.: ЦентрКом.
4. Арндт, Х. (2008). *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*. М.: Европа.
5. Баррат, Дж. (2015). *Последнее изобретение человечества. Искусственный интеллект и конец эры Ното sapiens*. М.: Альпина нон-фикшн.
6. Бостром, Н. (2016). *Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии*. М.: Манн, Иванов и Фербер.
7. Брайдотти, Р. (2021). *Постчеловек*. М.: Институт Гайдара.
8. Виндж, В. (2021). *Сингулярность*. М.: АСТ.
9. Дуглас, М. (2000). *Чистота и опасность*. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле.
10. Ницше, Ф. (1996). *Сочинения*: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль.
11. Подорога, В. (2017). *Время после*. М.: РИПОЛ-классик.
12. Попов, Д.В. (2021). *Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики*. Омск: Омская академия МВД России.

13. Тегмарк, М. (2019). *Жизнь 3.0 Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта*. М.: АСТ.
14. Фромм, Э. (1994). *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Республика.
15. Фуко, М. (2004). *Археология знания*. СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга.
16. Фуко, М. (2007). *Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году*. СПб.: Наука.
17. Фуко, М. (2010). *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. СПб.: Наука.
18. Фуко, М. (2011). *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. СПб.: Наука.
19. Хайдеггер, М. (1993). *Время и бытие*. М.: Республика.
20. Харари, Ю.Н. (2018). *Ното Deus. Краткая история будущего*. М.: Синдбад.
21. Шмитт, К. (2008). *Номос Земли в праве народов Jus Publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль.
22. Яркеев, А.В. (2018). *Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект*. Екатеринбург-Ижевск: ИФиП УрО РАН.
23. Bostrom, N. (2002). Existential risks: Analyzing human extinction scenarios and related hazards. *Journal of Evolution and Technology*, 9(1). Retrieved May 24, 2022, from <https://jetpress.org/volume9/risks.html>
24. Emerson, G.R. (2019). *Necropolitics: Living death in Mexico*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-12302-4>
25. Esposito, R. (2008). *Bios: Biopolitics and philosophy*. London & Minneapolis: University of Minnesota Press.
26. Mbembe, A. (2019). *Necropolitics*. Durham & London: Duke University Press.
27. Mbembe, J.-A., & Meintjes, L. (2003). *Necropolitics*. Retrieved March 7, 2022, from https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/pgmasters/modules/postcol_theory/mbembe_22necropolitics22.pdf
28. Schabas, W.A. (2005). Crimes against humanity. In D.L. Shelton (Ed.), *Encyclopedia of genocide and crimes against humanity* (Vol. 1). Farmington Hills: Thomson Gale.
29. Yudkowsky, E. (2008). Artificial intelligence as a positive and negative factor in global risk. In N. Bostrom, & M.M. Ćirković (Eds.), *Global catastrophic risks* (pp. 308–345). New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198570509.003.0021>

References

1. Agamben, G. (2011a) *Homo sacer. Chto ostaetsya posle Osvencima* [Homo sacer. What remains after Auschwitz]. Moscow: Evropa.
2. Agamben, G. (2011b). *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo sacer. Sovereign power and bare life]. Moscow: Evropa.

3. Arendt, H. (1996). *Istoki totalitarizma* [The Origins of totalitarianism]. Moscow: CentrKom.
4. Arendt, H. (2008). *Banal'nost' zla. E'jxman v Ierusalime* [The banality of evil. Eichmann in Jerusalem]. Moscow: Evropa.
5. Barrat, J. (2015). *Poslednee izobretenie chelovechestva. Iskusstvennyj intellekt i konec e'ry Homo sapiens* [Our final invention: Artificial intelligence and the end of the human era]. Moscow: Al'pina non-fikshn.
6. Bostrom, N. (2002). Existential risks: Analyzing human extinction scenarios and related hazards. *Journal of Evolution and Technology*, 9(1). Retrieved May 24, 2022, from <https://jetpress.org/volume9/risks.html>
7. Bostrom, N. (2016). *Iskusstvennyj intellekt. E'žapy. Ugrozy. Strategii* [Artificial Intelligence. Stages. Threats. Strategies]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
8. Braidotti, R. (2021). *Postchelovek* [Posthuman]. Moscow: Institut Gajdara.
9. Douglas, M. (2000). *Chistota i opasnost'* [Purity and danger]. Moscow: KANON-press-C; Kuchkovo pole.
10. Emerson, G.R. (2019). *Necropolitics: Living death in Mexico*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-12302-4>
11. Esposito, R. (2008). *Bios: Biopolitics and philosophy*. London & Minneapolis: University of Minnesota Press.
12. Foucault, M. (2004). *Arxeologiya znaniya* [The Archaeology of knowledge]. Saint Peterburg: Gumanitarnaya Akademiya; Universitetskaya kniga.
13. Foucault, M. (2007). *Psixiatričeskaya vlast': Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1973–1974 uchebnom godu* [Psychiatric power. Lectures at the Collège de France, 1973–1974]. Saint Peterburg: Nauka.
14. Foucault, M. (2010). *Rozhdeniye biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The birth of biopolitics. Lectures at the Collège de France, 1978–1979]. Saint Petersburg: Nauka.
15. Foucault, M. (2011). *Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, territory, population. Lectures at the Collège de France, 1977–1978]. Saint Petersburg: Nauka.
16. Fromm, E. (1994). *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* [The anatomy of human destructiveness]. Moscow: Respublika.
17. Harari, Y.N. (2018). *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushhego* [Homo Deus. A brief history of tomorrow]. Moscow: Sindbad.
18. Heidegger, M. (1993). *Vremya i bytie* [Time and being]. Moscow: Respublika.
19. Mbembe, A. (2019). *Necropolitics*. Durham & London: Duke University Press.
20. Mbembe, J.-A., & Meintjes, L. (2003). *Necropolitics*. Retrieved March 7, 2022, from https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/pg/masters/modules/postcol_theory/mbembe_22necropolitics22.pdf
21. Nietzsche, F. (1996). *Sochineniya: v 2 t. T. 1* [Collected works in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow: Mysl'.
22. Podoroga, V. (2017). *Vremya posle* [Time after]. Moscow: RIPOL-klassik.
23. Popov, D.V. (2021). *Biovlast' i zhizn': filosofsko-antropologicheskie osnovaniya, potencial i perspektivy biopolitiki* [Biopower and life: Philosophical and anthropological foundations, potential and prospects of biopolitics]. Omsk:

Omskaya akademiya MVD Rossii.

24. Schabas, W.A. (2005). Crimes against humanity. In D.L. Shelton (Ed.), *Encyclopedia of genocide and crimes against humanity* (Vol. 1). Farmington Hills: Thomson Gale.

25. Schmitt, C. (2008). *Nomos Zemli v prave narodov Jus Publicum Europaeum* [The Nomos of the Earth in the international law of the Jus Publicum Europaeum]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.

26. Tegmark, M. (2019). *Zhizn' 3.0 Byt' chelovekom v e'poxu iskusstvennogo intellekta* [Life 3.0 Being human in the age of artificial intelligence]. Moscow: AST.

27. Vinge, V. (2021). *Singulyarnost'* [Singularity]. Moscow: AST.

28. Yarkeev, A.V. (2018). *Ontologicheskie osnovaniya zla v sovremenom obshchestve: filosofsko-germenevticheskij aspekt* [Ontological foundations of evil in modern society: Philosophical and hermeneutic aspect]. Ekaterinburg & Izhevsk: IFiP UrO RAN.

29. Yudkowsky, E. (2008). Artificial intelligence as a positive and negative factor in global risk. In N. Bostrom, & M.M. Ćirković (Eds.), *Global catastrophic risks* (pp. 308–345). New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198570509.003.0021>

Информация об авторе

Дмитрий Владимирович Попов, кандидат философских наук, доцент, Омская академия МВД России, Омск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4587-6351>, e-mail: DmitriVPopov@mail.ru

Information about the author

Dmitry Vladimirovich Popov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Omsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4587-6351>, e-mail: DmitriVPopov@mail.ru

ЭТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: ОБЩЕЕ В РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ПОДХОДАХ*

Екатерина Дмитриевна Сорокова,

Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия,
sorokova.e.d@my.mgimo.ru

Статья поступила в редакцию 04.04.2022, принята к публикации 29.08.2022

Для цитирования: Сорокова Е.Д. Этика искусственного интеллекта в России и Европейском союзе: общее в риск-ориентированных подходах // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 3. С. 157–169. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_157

Аннотация

Повышенное внимание к этическим аспектам создания и применения искусственного интеллекта во многом продиктовано интенсивностью социально-экономической трансформации под влиянием цифровых технологий. Приоритеты и направления развития технологий искусственного интеллекта зафиксированы в ряде стратегических документов Российской Федерации и Европейского союза. В статье выделяются некоторые общие черты риск-ориентированных подходов России и ЕС к разработке, внедрению и использованию искусственного интеллекта на примере двух документов, выпущенных в 2021 г.: Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта и проекта Регламента о гармонизации правил, применяемых

* Доклад был сделан автором на Всероссийской научной конференции с международным участием «Философские контексты современности: искусственный интеллект и интеллектуальная интуиция» (ФИКОС-2022), 25–26 февраля 2022 г., Ижевск, Россия.

© Сорокова Е.Д., 2022

к системам искусственного интеллекта. Автор анализирует эти документы по ряду критериев: человеко-центрированность и гуманистичность; степени риска; система взаимодействия акторов и место саморегулирования в ней; опора на экспертные знания; тенденция к эволюции «мягких» форм регулирования в более обязывающие. По результатам исследования выявляется ряд общих черт российского и европейского подходов к этике искусственного интеллекта, отраженных в данных документах (при этом формальные и содержательные различия не являются объектом анализа в данной статье). Делается вывод, что этическое регулирование выступает способом реагирования государственных и негосударственных акторов на глобальные технологические риски, связанные с искусственным интеллектом. Оно гармонично дополняет развитие нормативно-правового регулирования и позволяет снизить неопределенность для всех акторов искусственного интеллекта, определяя на высоком уровне обобщения рамки допустимых антропологических и иных гуманитарных последствий их действий.

Ключевые слова:

этика искусственного интеллекта, Европейский союз, Россия, международное регулирование искусственного интеллекта, глобальные технологические риски.

UDC 004.8+172.4

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_157

AI ETHICS IN RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION: COMMONALITIES IN RISK-ORIENTED APPROACHES

Ekaterina D. Sorokova,

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Moscow, Russia,
sorokova.e.d@my.mgimo.ru

Article received on April 4, 2022, accepted on August 29, 2022

For citation: Sorokova, E.D. (2022). AI Ethics in Russia and the European Union: Commonalities in Risk-Oriented Approaches. *Discourse-P*, 19 (3), 157–169. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_157

Abstract

Socio-economic transformation propelled by digital technologies has drawn increased attention to ethical aspects of the creation and application of artificial intelligence.

Priorities and directions of AI technologies development are fixed in a range of strategic documents both in the Russian Federation and in the European Union. The article highlights several common features of risk-oriented approaches of Russia and the EU to the development, implementation, and use of AI on the example of two documents published in 2021 – the Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence and the Proposal for a Regulation Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence. The author analyzes the documents following a set of criteria: human-centricity and humanism; degrees of risk; the system of interaction of AI actors, and the role of self-regulation in it; reliance on expert knowledge; the tendency for the evolution of “soft law” into more binding norms. The results of the study reveal a few commonalities between the Russian and European risk-oriented approaches to AI ethics (formal and substantive differences are not the object of analysis in this article). It is concluded that ethical regulation is a way state and non-state actors respond to global technological risks associated with artificial intelligence. It harmoniously complements the development of legal regulation and reduces uncertainty for all AI actors, as it defines the scope of permissible anthropological and other humanitarian consequences of their actions at a high level of generalization.

Keywords:

AI ethics, the European Union, Russia, international regulation of artificial intelligence, global technological risks.

Введение

2021 г. стал знаменательным для развития этики искусственного интеллекта (ИИ). В апреле Европейская комиссия представила проект Регламента о гармонизации правил, применяемых к системам ИИ (далее – Регламент), в основу которого был положен риск-ориентированный подход; в октябре в России крупнейшие технологические компании, университеты, исследовательские центры и фонды подписали Кодекс этики в сфере ИИ (далее – Кодекс); в ноябре был принят важный международный документ – Рекомендации ЮНЕСКО в сфере этики ИИ.

Актуальность этических исследований в области развития и использования ИИ во многом продиктована динамичной цифровой трансформацией всей социально-экономической сферы жизни общества. С середины 2010-х гг. развитие и внедрение технологий ИИ стали неотъемлемой частью государственных стратегий цифровизации. И Россия, и Евросоюз ставят перед собой достаточно амбициозные цели. В частности, в ЕС к 2030 г. планируется повысить долю компаний, использующих облачные вычисления, большие данные и ИИ, до 75 % (актуальный уровень составляет чуть выше 20 %)¹. Россия к этому же сроку намерена довести до «цифровой зрелости» ключевые отрасли экономики

¹ 2030 digital compass: The European way for the digital decade (2021). Retrieved March 8, 2022, from https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019–2024/europe-fit-digital-age/europes-digital-decade-digital-targets-2030_en

и социальной сферы и уже к 2024 г. обеспечить использование продуктов и услуг, основанных преимущественно на отечественном ИИ².

И в России, и в Евросоюзе существует достаточно разветвленная система стратегических и нормативных документов, регулирующих развитие ИИ-технологий.

В нашей стране основные цели, задачи, направления и целевые показатели развития ИИ зафиксированы в ряде документов стратегического планирования, основные из которых – национальная программа «Цифровая экономика» (2019 г.), Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (2019 г.), Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. (2020 г.), а также федеральные проекты «Нормативное регулирование цифровой среды» (2019 г.) и «Искусственный интеллект» (2020 г.). Примечательно, что адаптация нормативного регулирования, исследование этических проблем и разработка специальных принципов в сфере взаимодействия человека с системами ИИ обозначены в качестве отдельного направления как в Национальной стратегии (ст. 48)³, так и в федеральном проекте (пп. 1.1 и 2.1 паспорта)⁴. В 2020 г. с предложением о разработке свода правил, содержащих этические принципы и ценностные ориентиры работы в сфере ИИ, на конференции *AI Journey* выступил Президент Российской Федерации В. В. Путин⁵. Непосредственно разработкой Кодекса занимались представители российского бизнеса, экспертного и профессионального сообщества.

Развитие цифровизации является одним из приоритетов Комиссии У. фон дер Ляйен на 2019–2024 гг.⁶. Видение, цели и приоритетные направления цифровой трансформации стран ЕС до 2030 г. сформулированы в сообщении Еврокомиссии «Цифровой компас – 2030: европейский путь в цифровое десятилетие» (2021 г.). Документ определил четыре направления, которые странам ЕС рекомендовано учитывать при подготовке национальных планов цифровизации: цифровые навыки, цифровая трансформация бизнеса, безопасная и устойчивая цифровая инфраструктура, цифровизация государственных услуг. Особое внимание уделено сфере облачных технологий, этичному использованию ИИ, обеспечению безопасной цифровой идентификации пользователей, укреплению инфраструктуры связи и высоких технологий⁷.

² *Национальные проекты России. Цифровая экономика* (2020). Взято 8 марта 2022, с https://digital.gov.ru/uploaded/presentations/prezentatsiya-tse_mjl6o1Q.pdf

³ *Указ Президента Российской Федерации № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»* (2019, 10 октября). Взято 9 июля 2022, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>

⁴ *Паспорт Федерального проекта «Искусственный интеллект» Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»* (2020). Взято 9 июля 2022, с <https://sudact.ru/law/pasport-federalnogo-proekta-iskusstvennyi-intellekt-natsionalnoi-programmy/>

⁵ *Конференция по искусственному интеллекту* (2020, 4 декабря). Взято 4 мая 2022, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545>

⁶ *6 Commission priorities for 2019–24* (2019, July 16). Retrieved March 8, 2022, from https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024_en

⁷ *Europe's digital decade* (n. d.). Retrieved March 8, 2022, from <https://digital-strategy>.

Евросоюз ставит перед собой задачу достигнуть лидерства в сфере этического ИИ. Стратегия развития ИИ изложена в сообщении Еврокомиссии «Об искусственном интеллекте для Европы» (2018 г.). Позже специально созданная Экспертная группа высокого уровня совместно с Европейским альянсом по ИИ, Группой высокого уровня в рамках инициативы по цифровизации европейской промышленности и Европейской группой по этике науки и новых технологий разработала Руководящие принципы по этике для надежного ИИ (2019 г.). С привлечением экспертов и общественности были составлены методика оценки надежности ИИ (ALTAI) и «Белая книга» (2020 г.), где впервые представлен риск-ориентированный подход. В 2021 г. Еврокомиссия предложила обновленный концептуальный документ «Поддержка европейского подхода к искусственному интеллекту»⁸ и опубликовала проект Регламента.

Степень исследованности проблемы

При рассмотрении данной темы можно выделить несколько пластов научной литературы. Первый связан с *исследованиями рисков в целом и технологических рисков в частности*. Они проводятся с 70-х гг. XX в. преимущественно в рамках социологического подхода. Основными методологическими направлениями социологической теории риска называют модернистское, поведенческое, перцептивистское и социально-управленческое (Зубков, 1999), причем технологические риски подробно рассматривают представители первых двух направлений.

«Модернисты» (Бек, 2000; Гидденс, 2011) связывали риски с негативными последствиями модернизации. Основоположник поведенческого подхода Н. Луман поставил под сомнение существующие методы риск-менеджмента и прогнозирования, основанные на рациональном просчитывании, выявлении и предупреждении рисков. По его мнению, ряд факторов, особенно при рассмотрении технологических и экологических рисков, все равно остается неучтенным, когда построенная модель переносится на мир, «который в целом не вписывается в рациональный расчет и реагирует неожиданным образом» (Луман, 2007).

Попытку систематизации рискологических исследований, классификации рисков по степени неопределенности и серьезности последствий, а также разработки «дерева решений» для руководителей и управленцев предприняли немецкие специалисты А. Клинке и О. Ренн. Они выделили пять основных тем дискуссий экспертов-рискологов: реалистское и конструктивистское понимание рисков; учет общественного восприятия рисков в процессе управления ими; решение проблемы неопределенности; сочетание риск-ориентированного и превентивного подходов к управлению рисками; оптимальное совмещение аналитических процессов и общественных/экспертных обсуждений (Klinke, Renn, 2002). Специалист по теории принятия решений М. Меркхофер сделала акцент на исследовании процесса генерации рисков для выявления оптимальной стратегии управления ими (Гришаев, 2002).

ec.europa.eu/en/policies/europes-digital-decade

⁸ *A European approach to artificial intelligence* (n. d.). Retrieved March 8, 2022, from <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-approach-artificial-intelligence>

Второй пласт исследований посвящен глобальным вопросам, которые связаны с *экзистенциальными рисками для человечества*, создаваемыми новыми технологиями и непосредственно развитием и применением ИИ. Например, онтологический подход философа М. Хайдеггера предполагает связь основного риска современности – «ухода Онтологического Человека» – с феноменом техники. При этом техника считается явлением амбивалентным – объединяющим «опасность полной утраты человеком связи с истиной и бытием» и «ростки спасительного», которые требуют концептуального выявления (Хоружий, 2016). Российский философ С.С. Хоружий, основатель синергийно-антропологического подхода, занимался вопросами глубинных трансформаций человека при бесконтрольном погружении его в технологии и фактическом слиянии с ними (Хоружий, 2016). В частности, он изучал риски виртуализации общения, перехода к Виртуальному человеку и последующего качественного изменения социума и общественного сознания, а также фундаментальные моральные, этические и философские вопросы, связанные с переходом к Постчеловеку (Хоружий, 2008). Исследованиями экзистенциальных рисков (Cotton-Barratt et al., 2020), а также глобальных угроз и этических аспектов, связанных с использованием ИИ (Bostrom, 2019), занимается оксфордский Институт будущего человечества под руководством Н. Бострома.

Интенсивное развитие новых технологий и соответствующие общественные изменения закономерно приводят к появлению новых озабоченностей в сфере безопасности, связанных с недружественным применением ИИ и его непредсказуемыми последствиями. Отдельные аспекты военного применения ИИ (Сорокова, 2021) рассматриваются в контексте международной информационной безопасности, обеспечения кибербезопасности предприятий и объектов инфраструктуры.

Однако в последнее время как в научной литературе, так и в политике можно наблюдать «поворот» от изучения «традиционных» военно-технологических и инфраструктурных рисков к *анализу социально-гуманитарных последствий широкого внедрения и использования новейших технологий*. Оценка гуманитарного воздействия ИИ призвана сделать последствия интенсивной трансформации более управляемыми.

В последние годы количество и разнообразие междисциплинарных исследований по данной тематике увеличивается. Одно из таких направлений – *этика ИИ*. В рамках статьи это понятие трактуется в прикладном ключе: совокупность моральных и ценностных ориентиров и норм поведения, применяемых общественной или профессиональной группой (Ибрагимов и др., 2021). Они отражаются в руководящих принципах, рекомендациях и правилах поведения, которые добровольно принимают на себя акторы ИИ. Среди российских специалистов, занимающихся этим вопросом, стоит выделить сотрудников исследовательского центра в области ИИ при МГИМО А.В. Абрамову, А.Г. Игнатьева и А.А. Кулешова (Kuleshov et al., 2020), а также работы М.В. Федорова, А.В. Незнамова.

На наш взгляд, несмотря на определенный скептицизм общественности и отдельных экспертов в отношении эффективности «мягких» норм, этика ИИ играет самостоятельную роль. Поскольку технологические развитие, как и регулирование в сфере ИИ, – сложная нелинейно развивающаяся система, возникающие в этих сферах проблемы невозможно долгосрочно решить на уровне

конкретного кейса. При отсутствии фундаментальной основы, лежащей в гуманитарной плоскости, даже математически обоснованные методики оценки надежности систем ИИ могут оказаться неэффективными в мире сложных систем, поскольку в реальной жизни система ИИ действует не изолированно. При столкновении с проблемой велик соблазн решить ее, не принимая во внимание контекстов и окружающих ее взаимодействий (например, свести к ошибке кода или недостаточности базы данных), однако при этом упускаются из виду системные проблемы: недостаточность требований, недостатки управленческих и производственных процессов, отсутствие определяющих их этических рамок и т. д. (Lauer, 2021). Определение безопасности, вопросы ответственности за инциденты, соблюдение справедливости, прав граждан и принципа недискриминации при частичной автоматизации судебных решений – вопросы, требующие осмысления не только в рамках инженерии. Чем ближе технологии становятся непосредственно к человеку – к сфере образования, здоровья, развития, тем острее встают вопросы об их долгосрочном влиянии на жизнь каждого индивида, групп людей и общества в целом, о рисках для когнитивного развития, автономии и свободы выбора.

В условиях быстрого качественного развития ИИ и амбициозных планов цифровизации риск-ориентированный подход к регулированию нарождающихся отношений стал доминирующим и закреплен во многих стратегических документах.

Цель статьи – выявить и проанализировать общие черты риск-ориентированных подходов России и Европейского союза к регулированию ИИ на основании двух документов – Кодекса этики в сфере ИИ и проекта Регламента о гармонизации правил в сфере ИИ. Они же послужили основными источниками исследования.

Переходя к *методологии*, необходимо сразу оговориться, что сфера регулирования и тип рассматриваемых документов неодинаковы: Регламент – законопроект, в котором выстраивается многоуровневая система отношений и полномочий акторов ИИ, регистрации и мониторинга технологий до и после выхода на рынок ЕС; Кодекс – свод норм «мягкого права» и этического поведения акторов ИИ.

С целью анализа текстов Кодекса⁹ и Регламента¹⁰ были выделены три основных критерия, характеризующих заложенный в документах риск-ориентированный подход: человеко-центрированность и гуманистичность; степени риска систем ИИ; система взаимодействия акторов ИИ и место саморегулирования в ней. Данные критерии были дополнены двумя другими, характеризующими процесс разработки этических норм в сфере ИИ (опора на экспертные знания) и возможные пути их дальнейшего развития (тенденция к эволюции «мягких» форм регулирования в более обязывающие).

⁹ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (2021, 26 октября). Взято 8 марта 2022, с <https://www.aiethic.ru/code>

¹⁰ Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending certain Union Legislative Acts (Artificial Intelligence Act) (2021, April 21). Retrieved March 8, 2022, from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206>

Проведенный анализ выявил ряд общих черт в российском и европейском подходах к этике ИИ. Поскольку формальные и содержательные различия данных документов достойны отдельного исследования, в данной статье основное внимание будет уделено именно сходствам в подходах России и ЕС к этике ИИ.

Результаты исследования

Человеко-центрированность и *гуманистичность* – первая характеристика, сближающая два подхода. В обоих документах делается акцент на защиту интересов, прав и свобод человека, непричинение вреда со стороны систем ИИ.

В Руководящих принципах на 2019–2024 гг. Еврокомиссия взяла на себя обязательство составить законопроект, который сформулировал бы европейский подход к человеко-центрированному ИИ и этическим последствиям его использования. В пояснительной записке к законопроекту отмечено, что он закладывает правовые основы развития экосистемы доверенного и надежного ИИ. Конечной целью развития ИИ провозглашается повышение благосостояния людей. Указано также, что создаваемые для ИИ правила должны быть ориентированы на человека, чтобы люди могли быть уверены, что технология используется безопасным образом, соответствует закону, учитывает основные права человека. Так, например, использование ИИ в целях манипуляций, эксплуатации и социального контроля названо в Регламенте вредоносным. Кроме того, в 2022 г. Комитет регионов предложил ряд поправок к законопроекту, в частности, уточнил требования к принципу недискриминации и добавил в число целей Регламента защиту основных прав граждан и немедленное уведомление их о том, что они подверглись воздействию высокорисковой системы ИИ¹¹.

Многие принципы российского Кодекса созвучны (хотя и не идентичны) принципам, обозначенным в Регламенте: он также провозглашает в качестве приоритета человеко-ориентированность технологий ИИ; уважение автономии и свободы воли человека; недискриминацию на всех этапах создания, обучения и использования ИИ, а также при формировании наборов данных; соответствие законодательству.

В Кодексе утверждается принцип ответственного отношения всех акторов ИИ к своей деятельности, приветствуется проведение оценки рисков и гуманитарного воздействия технологий ИИ на другие сферы жизни общества. Кроме того, акторам ИИ рекомендуется обеспечивать информационную безопасность и защиту персональных данных на всех этапах жизненного цикла ИИ, а также добровольно информировать пользователей о взаимодействии с такой системой, особенно в случае, если это затрагивает критически важные сферы жизни человека (здоровье, безопасность и т. д.). Обозначена ответственность разработчика за такое информирование. Кодекс также рекомендует обеспечить пользователю возможность отказаться от общения с машиной, отменить социально и юридически значимые решения и действия ИИ.

¹¹ Opinion of the European Committee of the Regions – European approach to artificial intelligence – Artificial Intelligence Act (revised opinion) (2022). *Official Journal of the European Union*. Retrieved March 8, 2022, from https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AJOC_2022_097_R_0012

Степени риска систем ИИ. В Регламенте предлагается запретить системы с неприемлемым риском: нацеленные на искажение поведения человека, формирование социального рейтинга, удаленную биометрическую идентификацию в режиме реального времени. Высокий риск связан с системами, затрагивающими здоровье, безопасность и основные права человека.

Кодекс не имеет такой классификации, но при этом в тексте можно найти положения, в которых содержатся ответы на ряд принципиальных вопросов, касающихся субъектности ИИ и очевидно относящихся к высокой степени риска. Так, Кодекс предполагает отсутствие правосубъектности ИИ, его поднадзорность и запрет на делегирование ИИ нравственного выбора. Отдельно говорится о необходимости контроля рекурсивного самосовершенствования систем ИИ и, в частности, контроле применения «сильного» ИИ со стороны государства.

Значительное внимание сегодня уделяется рискам, связанным с обработкой больших и персональных данных, их возможной утечкой, нецелевым использованием и т. д. Несмотря на огромный экономический потенциал технологий ИИ и амбициозные цели по их разработке и внедрению, *обеспечение безопасности данных пользователей* остается одной из основных задач государственных институтов как в России, так и в Евросоюзе. При этом защите конфиденциальности отдается приоритет перед возможными экономическими выгодами от более масштабного, но менее безопасного использования данных. Это также во многом объединяет подходы России и ЕС.

Система взаимодействия акторов ИИ и место саморегулирования в ней. Как уже было упомянуто, эффективность имплементации добровольных этических принципов зачастую вызывает скептицизм из-за отсутствия контроля и санкций за их нарушение со стороны самого мощного актора – государства. Отсутствие механизмов принуждения делает их трудными для практического применения и менее заслуживающими доверия в глазах общества. Они расцениваются как простая декларация, попытка отвлечь общественность от реальных проблем или как уловка компаний, стремящихся подменить ими законы или использовать этику в качестве маркетингового хода (Delacroix & Wagner, 2021). Во многих случаях даже четко сформулированным принципам не хватает механизмов реализации или четкого распределения ответственности, что оставляет их открытыми для различных интерпретаций и манипуляций. Поэтому стоит отдельно коснуться проблемы имплементации этики ИИ.

В обоих документах предпринимается попытка выстроить разноуровневую и разветвленную систему взаимоотношений государственных и негосударственных акторов ИИ.

Регламент выстраивает многоуровневую систему взаимодействий при направляющей и руководящей роли Еврокомиссии. Новая структура – Европейский совет по ИИ – призвана обеспечить сотрудничество национальных надзорных органов и ЕК, оказывать ей помощь и давать рекомендации. Государства смогут дополнять обозначенные в Регламенте правила и применять их с учетом национального законодательства. Контроль за соблюдением норм будут осуществлять национальные органы. При этом принципы и стандарты для систем ИИ с невысоким риском предлагается оставить на уровне саморегулирования – фиксировать в «кодексах поведения» компаний, разработка которых будет приветствоваться и поощряться.

Действительно, на уровне отдельной корпорации или отрасли нормы саморегулирования могут быть представлены в виде «кодексов поведения» или отраслевых стандартов. Имплементация же может обеспечиваться, например, через ведение реестров и «белых списков» профессиональными объединениями, ассоциациями и организациями; механизмы исключения из профессиональных объединений за несоответствие этическим нормам (Ибрагимов и др., 2021; Kuleshov et al., 2021).

В Кодексе также прописан механизм имплементации. Предполагается ведение Реестра уполномоченных представителей или комиссий по этике в структуре организаций-подписантов и создание «общей» администрирующей Комиссии. Документ ориентирован на поддержание общественного диалога, обмен опытом и развитие прикладного применения норм: составление «сводов практик», а в перспективе – «белой книги» акторов ИИ, к которым они могли бы обращаться при столкновении с конкретными этическими дилеммами.

Стоит отметить, что в Кодексе упоминаются две ситуации, в которых должны учитываться национальные приоритеты России. Первая связана с принятием значимых для общества и государства решений в сфере применения ИИ, которые могут вызвать изменения в ценностно-культурной парадигме развития общества. То есть в соответствии с российским риск-ориентированным подходом такие решения требуют предварительного междисциплинарного и научно выверенного исследования социально-экономических последствий и рисков. Вторая ситуация связана со стимулированием разработки, внедрения и развития безопасных и этических решений в сфере технологий ИИ.

Опора на экспертные знания. Принимая во внимание сложный характер технологии ИИ и ее возможное социальное воздействие, этическое регулирование и разработка политики в этой сфере требуют многостороннего подхода. Опираясь на опыт из других сфер, в частности медицины, как российские (Ибрагимов и др., 2021), так и зарубежные (Delacroix & Wagner, 2021) исследователи указывают, что отношения между законодательным и этическим регулированием ИИ следует перестать рассматривать как антагонистические. Эксперты выступают за выстраивание системы взаимной поддержки государства и профессионального сообщества, интеграцию этики в высокотехнологичные отрасли не только «сверху вниз» (путем принятия законов и стандартов), но и «снизу вверх» за счет активной роли и социальной ответственности бизнеса, а государство видят скорее в роли фасилитатора, нежели «надсмотрщика».

Интересно, что процесс подготовки и обсуждения рассматриваемых документов в обоих случаях продемонстрировал определенные успехи на этом направлении. Так, упомянутые этические документы ЕС (Руководящие принципы по этике для надежного ИИ, методика оценки надежности ИИ и «Белая книга») разрабатывались при активном участии экспертов и корректировались с учетом общественных обсуждений. Только после этого был создан проект более обязывающего документа – Регламента. Российский Кодекс – тоже результат взаимодействия экспертов, бизнеса и государства: Альянса в сфере ИИ, Аналитического центра при Правительстве РФ, Минэкономразвития, ведущих вузов. В обсуждении проекта Кодекса участвовало более 500 экспертов. Не исключено, что некоторые этические положения также будут интегрированы в законодательство. Таким образом, в обоих случаях просматривается тенденция

к постепенной эволюции «мягких» этических норм в более обязывающие формы регулирования.

Заключение

Исходя из результатов исследования, можно заключить, что российский и европейский подходы к развитию этического регулирования ИИ имеют общие черты: заложенные в них гуманистические принципы направлены на сохранение автономии человека, защиту прав граждан и конфиденциальности их данных, развитие «доверенного» и безопасного ИИ. Кроме того, в обоих подходах делается попытка выстроить многостороннюю систему взаимодействия акторов ИИ, причем значительное внимание уделяется механизмам саморегулирования и дальнейшему развитию этических принципов по инициативе разработчиков и иных акторов. Значительное внимание и в России, и в ЕС уделяется научному обеспечению выработки политики и рекомендаций в сфере этики ИИ.

Таким образом, этическое регулирование – один из способов реагирования государственных и негосударственных акторов на глобальные технологические риски ИИ. Развитие этики ИИ гармонично дополняет развитие законодательного регулирования на различных уровнях взаимодействия. Это позволяет в целом снизить уровень неопределенности, связанный с цифровой трансформацией, по крайней мере в определении границ ее допустимых социальных и антропологических последствий. Сегодня существует уникальная возможность сформулировать их своевременно, а не постфактум, в порядке реакции на нежелательные последствия их применения.

Примечательна тенденция к эволюции «мягких» форм регулирования в более обязывающие, которая уже проявилась в ЕС. Кодекс тоже предполагает возможность постепенной интеграции отдельных положений в законодательство РФ. При этом вопрос ответственности и контроля выполнения этических принципов является ключевым для того, чтобы предотвратить их превращение в декларации или часть PR-кампаний. Кодификация норм на отраслевом и международном уровнях, их реализация и обновление на уровне профессиональных объединений и сообществ, предприятий и НКО, закрепление основополагающих этических принципов ИИ в законодательных нормах и стандартах для регулирования наиболее высокорисковых сфер развития систем ИИ могут лечь в основу эффективной системы имплементации этических правил в сфере ИИ.

В качестве направлений дальнейших исследований можно обозначить более подробный анализ подходов России и ЕС к разработке этических норм в сфере этики ИИ, рассмотрение формальных и содержательных различий российского и европейского риск-ориентированного подхода к развитию ИИ, выделение более разветвленной системы критериев для их сравнения.

Список литературы

1. Бек, У. (2000). *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.
2. Гидденс, Э. (2011). *Последствия современности*. М.: Праксис.

3. Гришаев, В.В. (2002). *Риск и общество (дискуссия о понятии риска и библиография)*. М.: Социологический форум.
4. Ибрагимов, Р.С., Сурагина, Е.Д., Чурилова, Д.Ю. (2021). Этика и регулирование искусственного интеллекта. *Закон*, (8), 85–95.
5. Луман, Н. (2007). *Введение в системную теорию*. М.: Логос.
6. Сорокова, Е.Д. (2021). Глобальные риски военно-политического использования искусственного интеллекта в обществе модерна. В *Ломоносов-2021: материалы Международного молодежного научного форума (12–23 апреля 2021 г., Москва)*. М.: МАКС Пресс.
7. Хоружий, С.С. (2008). Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергийной антропологии. *Философские науки*, (2), 10–31.
8. Хоружий, С.С. (2016). Проблематика рисков современности: концептуальные основания и ведущие подходы. В С.С. Хоружий, *Социум и синергия: колонизация интерфейса* (с. 135–165). Казань: Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова.
9. Bostrom, N. (2019). The vulnerable world hypothesis. *Global Policy*, 10(4), 455–476. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12718>
10. Cotton-Barratt, O., Daniel, M., & Sandberg, A. (2020). Defence in depth against human extinction: Prevention, response, resilience, and why they all matter. *Global Policy*, 11(3), 271–282. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12786>
11. Delacroix, S., & Wagner, B. (2021). Constructing a mutually supportive interface between ethics and regulation. *Computer Law & Security Review*, 40. <https://doi.org/10.1016/J.CLSR.2020.105520>
12. Klinke, A., & Renn, O. (2002). A new approach to risk evaluation and management: Risk-based, precaution-based, and discourse-based strategies. *Risk Analysis*, 22(6), 1071–1094. <https://doi.org/10.1111/1539-6924.00274>
13. Kuleshov, A., Ignatiev, A., Abramova, A., & Marshalko, G. (2020). Addressing AI ethics through codification. In *Proceedings of the 2020 International Conference Engineering Technologies and Computer Science (EnT)*. <https://doi.org/10.1109/EnT48576.2020.00011>
14. Lauer, D. (2021). You cannot have AI ethics without ethics. *AI and Ethics*, (1), 21–25. <https://doi.org/10.1007/s43681-020-00013-4>

References

1. Beck, U. (2000). *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [The risk society: Towards a new modernity]. Moscow: Progress-Tradiciya.
2. Bostrom, N. (2019). The vulnerable world hypothesis. *Global Policy*, 10(4), 455–476. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12718>
3. Cotton-Barratt, O., Daniel, M., & Sandberg, A. (2020). Defence in depth against human extinction: Prevention, response, resilience, and why they all matter. *Global Policy*, 11(3), 271–282. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12786>
4. Delacroix, S., & Wagner, B. (2021). Constructing a mutually supportive interface between ethics and regulation. *Computer Law & Security Review*, 40. <https://doi.org/10.1016/J.CLSR.2020.105520>

5. Giddens, A. (2011). *Posledstviya sovremennosti* [The consequences of modernity]. Moscow: Praksis.
6. Grishaev, V.V. (2002). *Risk i obshchestvo (diskussiya o ponyatii riska i bibliografiya)* [Risk and society (discussion on the concept of risk and bibliography)]. Moscow: Sociologicheskij forum.
7. Ibragimov, R.S., Suragina, E.D., & Churilova, D. Yu. (2021). E'tika i regulirovanie iskusstvennogo intellekta [Ethics and AI regulation]. *Zakon*, (8), 85–95.
8. Khoruzhy, S.S. (2008). Problema postcheloveka, ili transformativnaya antropologiya glazami sinergijnoj antropologii [The problem of post-human, or Transformative anthropology in the light of synergetic anthropology]. *Filosofskie nauki*, (2), 10–31.
9. Khoruzhy, S.S. (2016). Problematika riskov sovremennosti: konceptual'nye osnovaniya i vedushhie podxody [The issues of modern risks: Conceptual basis and leading approaches]. V S.S. Khoruzhy, *Socium i sinergiya: kolonizaciya interfejsa* (pp. 135–165). Kazan: Kazanskij innovacionnyj universitet imeni V.G. Timiryasova.
10. Klinke, A., & Renn, O. (2002). A new approach to risk evaluation and management: Risk-based, precaution-based, and discourse-based strategies. *Risk Analysis*, 22(6), 1071–1094. <https://doi.org/10.1111/1539-6924.00274>
11. Kuleshov, A., Ignatiev, A., Abramova, A., & Marshalko, G. (2020). Addressing AI ethics through codification. In *Proceedings of the 2020 International Conference Engineering Technologies and Computer Science (EnT)*. <https://doi.org/10.1109/EnT48576.2020.00011>
12. Lauer, D. (2021). You cannot have AI ethics without ethics. *AI and Ethics*, (1), 21–25. <https://doi.org/10.1007/s43681-020-00013-4>
13. Luhmann, N. (2007). *Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu* [Introduction to systems theory]. Moscow: Logos.
14. Sorokova, E. D. (2021). Global'nye riski voenno-politicheskogo ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v obshchestve moderna [Global risks of the military use of artificial intelligence in the modern society]. In *Lomonosov-2021: materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma (12–23 aprelya 2021 g., Moskva)*. Moscow: MAKS Press.

Информация об авторе

Екатерина Дмитриевна Сорокова, аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4542-7767>, e-mail: sorokova.e.d@my.mgimo.ru

Information about the author

Ekatereina Dmitrievna Sorokova, Post-graduate student, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4542-7767>, e-mail: sorokova.e.d@my.mgimo.ru

УДК 16+004.8+811+17+11+21+51-7+512

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_170

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И НЕКИЙ ПОЧТИ НЕИЗВЕСТНЫЙ АСПЕКТ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Владимир Олегович Лобовиков,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
vlobovikov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.04.2022, принята к публикации 29.08.2022

Для цитирования: Лобовиков В.О. Искусственный интеллект и некий почти неизвестный аспект математической лингвистики // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 3. С. 170–184. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_170

Аннотация

Цель статьи – разработка некоего искусственного языка, могущего быть использованным для математического моделирования той подсистемы естественного языка, которая используется в гуманитарных науках, особенно в ходе якобы бессмысленных разговоров в метафизике, аксиологии, теологии, морали, и т.п. Гуманитарные знания рассматриваются как необходимый аспект всякого интеллекта, в частности, любого искусственного интеллекта (ИИ). Отсюда следует необходимость решения проблемы обнаружения, выделения и уточнения некой до сих пор неизвестной формально-аксиологической семантики естественного человеческого языка для адекватного представления знаний о ценностях человеческой культуры в системах ИИ. В настоящей статье эта проблема рассматривается на примере ее репрезентативного частного случая, а именно, впервые в двузначной алгебре метафизики как формальной аксиологии точно определяются такие математически различные формально-аксиологические значения слова «материя», которые суть не что иное как моральные ценностные функции, зависящие от одного ценностного аргумента. В данной статье

© Лобовиков В.О., 2022

эти (точно четыре) функции, именуемые «материя», точно определяются с помощью моральных ценностных таблиц. Научная новизна полученных результатов: существование именно четырех математически различных формально-аксиологических значений слова «материя», точно определенных соответствующими ценностными таблицами, до сих пор никогда еще не было осознано. Более того, в работе впервые продемонстрировано, что в точно определенной семантике естественного языка метафизики формально-аксиологическим значением нетривиального утверждения «Эмпирическое познание первой материи есть форма любви к Богу» является некое такое формально-аксиологическое уравнение упомянутой алгебраической системы метафизики, которое дедуктивно обосновано вычислением композиций ценностных функций в соответствии с данными точными определениями. Нетривиальной научной новизной отличается также представленное в этой статье утверждение, что если формально-аксиологическая семантика адекватно моделируется в ИИ, то существует возможность алгоритмического дискурса ИИ-робота о материи, науке, и Боге.

Ключевые слова:

Искусственный интеллект, математическая лингвистика, формально-аксиологическая семантика естественного языка, формально-аксиологическое значение, принцип композициональности, двузначная алгебра метафизики как формальной аксиологии, формально-аксиологические значения слов «материя» и «праматерия», эмпирическое познание, формально-аксиологическое значение термина «любовь к Богу».

UDC 16+004.8+811+17+11+21+51-7+512

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_170

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND AN ALMOST UNKNOWN ASPECT OF MATHEMATICAL LINGUISTICS

Vladimir O. Lobovikov,

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
vlobovikov@mail.ru

Article received on April 4, 2022, accepted on August 29, 2022

For citation: Lobovikov, V.O. (2022). Artificial Intelligence and an Almost Unknown Aspect of Mathematical Linguistics. *Discourse-P*, 19(3), 170-184. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_170

Abstract

The paper is targeted at elaborating such an artificial language which could be used for mathematical modeling the subsystem of natural language exploited in the humanities, especially, while seemingly meaningless talks in metaphysics, axiology, theology, morals, etc. The humanities are considered as necessary aspect for any intelligence, in particular, for any artificial intelligence (AI). This implies necessity of solving the problem of discovering, extracting, and explicating a hitherto unknown formal-axiological semantics of natural human language for adequate representation of knowledge of human culture values in AI systems. In this paper the problem is exemplified by its representative particular case, namely, for the first time, in two-valued algebra of metaphysics as formal axiology, such mathematically different formal-axiological meanings of the word “matter” are defined precisely, which (meanings) are nothing but moral-value-functions determined by one moral-value-argument. In the given article, the (exactly four) functions called “matter” are defined precisely by moral-value-tables. Scientific novelty of the results: existence of the exactly four mathematically different meanings of the word “matter” defined precisely by corresponding moral-value-tables has been never recognized hitherto. Moreover, for the first time, it is demonstrated that within the precisely defined formal-axiological semantics of natural language of metaphysics, a formal-axiological meaning of the non-trivial statement “Empirical cognizing the first matter is a form of love to God” is such a formal-axiological equation of the algebraic system of metaphysics which equation is justified deductively by computing compositions of moral-value-functions according to the precise definitions. It is a nontrivial novelty of the results submitted in this paper that, if formal-axiological semantics of natural human language is adequately modeled in AI, then there is a possibility of AI-Robot’s algorithmic discourse of matter, science, and God.

Keywords:

artificial-intelligence, mathematical-linguistics, formal-axiological-semantics-of-natural-language, formal-axiological-meaning, principle-of-compositionality, two-valued-algebra-of-metaphysics-as-formal-axiology, formal-axiological-meanings-of-words-“matter”-and-“primeval-matter”, empirical-cognition, formal-axiological-meaning-of-“love-to-God”.

Introduction

If we had it [a *characteristica universalis*], we should be able to reason in metaphysics and morals in much the same way as in geometry and analysis.

G.W. Leibniz

If controversies were to arise, there would be no more need of disputation between two philosophers than between two accountants (*Computistas*). For it would suffice to take their pencils in their hands, to sit down to their slates (*abacos*), and to say to each other...: Let us calculate (*Calculemus*).

G.W. Leibniz

Certainly, meaning of the word “matter” in natural language of metaphysics is not quite clear even today; vagueness and ambiguity of this philosophical category in general, and of its moral-value-meaning in particular, has been discussed, for example, in (Plato, 1994), (Aristotle, 1994), (Plotinus, 1991), (Augustine, 1961, 1994, 2010). Owing to ambiguity and lack of clarity of moral-value-meaning of “matter” in natural language of metaphysics, during long time in the past, debates of notorious opposition of theology devoted to God and science devoted to empirical knowing material world had been very stormy. Many religious authorities and many celebrated positivist-minded scientists have proclaimed that science and theology are incompatible, as science is nothing but *empirical* knowing the *material* world exclusively. Thus, during long time in the past, proper scientific activity and proper love to God had been separated on principle which (principle) had been transformed into the respectable intellectual tradition (paradigm). I guess that today this concrete separation paradigm is a handicap for progressive development of the complex interdisciplinary program called “Artificial Intelligence” targeted at synthesizing qualitatively different aspects (descriptive-indicative and evaluative-normative subsystems) of intelligence in one system.

During long time in the past, the nontrivial problem of opposition between moral value of faith in God and moral value of scientific investigations of secrets of primeval matter had been extremely controversial and unsolvable (“suspended”) due to lack of sufficiently effective means of solving it and of convincing that the solution is right. Here, first of all, I imply lack of recognizing necessity of existence of exactly *axiological* semantics of natural language and absence of *direct* mathematical modeling the system of *axiology* ignored by the positivist-minded scientists on principle (Carnap, 1931, 1935, 1956, 1967). Today the *descriptive-indicative* semantics of natural languages is well-studied and adequately represented by mathematical models. The *statistical (probabilistic)* aspect of semantics of natural languages is well-studied and mathematically modeled also. Proper formal *logical* semantics (as a branch of *logic proper*) is elaborated as well (Carnap, 1956), (Montague, 1960), (Kripke, 1963, 1965), (Hintikka, 1963, 1969), (Thomason, 1974), (Gabbay and Guenther, 1984), (Epstein, 2001). But up to the present time, discrete mathematical modeling the not-well-recognized *proper axiological* semantics of natural language, which semantics is a branch of *not logic but axiology* (of ethics, jurisprudence, theology, etc.), is a blank to be filled in while progressive developing artificial intelligence.

Hitherto, normally (as a statistical rule), mathematical logic and mathematical linguistics had been never applied *directly (immediately)* to such an *abstract (general) axiology* system which is a *universal* for morals, natural legal law, natural theology, aesthetics, etc. The symbolic modal logics of evaluations and preferences (Ivin, 1970), (McNamara and Van De Putte, 2021) as well as the symbolic modal logics of norms (Ivin, 1973), (McNamara and Van De Putte, 2021) have modeled immediately *proper-logic* aspects of natural language of ethics, and of positive law systems, but, as a rule, the symbolic modal logics (as logics proper) are abstracted from (indifferent to) *proper-axiological* semantics of natural language of morals, theology, and natural legal law. A very interesting investigation of formal-logical aspect of semantics of theology language has been undertaken by P. Weingartner (2021). He has invented and investigated a set of logically formalized axiomatic systems representing natural theology and also the positive (Christian) one. Weingartner’s wonderful

axiomatic theology systems are exactly formulated by means of artificial languages of symbolic logic proper. However, while mathematically modelling axiological aspects of theology, Weingartner does not address to axiology *directly* (immediately), he touches axiology aspect of theology *indirectly* (by means of *proper logic machinery*).

Thus, still, *proper-axiology* semantics of natural language of the humanities has been not recognized as an object of *direct* application of mathematics, and, consequently, has been missed by proper logicians because *subject-matters of formal logic and formal axiology do not coincide*. Nevertheless, in our time, there are some grounds for making deviations and exclusions from this critical picture.

Here, I mean the almost unknown *two-valued algebraic system of formal axiology*, which is defined precisely and discussed in details, for instance, in (Lobovikov, 2011, 2013, 2019, 2021). According to the contemporary view of mathematics proper, mathematics as such is independent from any specific nature of elements of sets, relations among which it studies (Boole, 1854), (Bourbaki, 1950, 1962, 1965, 1998), (Sawyer, 1964), (Pratt, 2021), (Whitehead, 1994). In perfect accordance with the structuralism philosophy of pure mathematics as such, proper universal algebra can be applied to anything. Hence, in principle, a proper algebraic aspect can be discovered in (and extracted from) any arbitrarily taken concrete system, for example, in (from) metaphysics (proper philosophical ontology and epistemology), formal logic, formal ethics, natural jurisprudence, natural theology, et al. Consequently, A.N. Whitehead's paradigm-breaking paper "Mathematics and the Good" (1941) is not an intellectual hooliganism but a well-done representation of the modern structuralist philosophy of proper mathematics, systematically abstracted from any of its possible applications.

In opposition to R. Carnap (1931, 1935, 1956, 1967) and to other positivist-minded philosophers and scientists, who have dreamed of successful utilizing formal-logical analysis of natural human language for complete annihilating metaphysics, axiology and theology as meaningless disciplines, in the given paper, I use a hitherto almost unknown *formal-axiological* analysis of natural human language (and of artificial one) for vindicating and explicating metaphysics, axiology and theology as meaningful subsystems of any intelligence (artificial or natural – it does not matter). Unfortunately, the positivist-minded philosophers and scientists have not recognized that along with the well-known descriptive-indicative semantics (formal-logical one), natural human language has also an almost unknown *formal-axiological* semantics (of the very important *evaluative-normative* aspect of language). I believe that for the real progress in constructing and developing artificial intelligence, the proper formal-logical semantics of natural language must be complemented by the proper formal-axiological one. Substantially to develop further and successfully to finish G.W. Leibniz' research aimed at explication, exact formulation, and rational justification of the natural jurisprudence doctrine (1903, 1952, 1969, 1971, 1981), exactly *proper axiological* formal semantics of evaluative-normative subsystem of natural language of law is to be used systematically. I believe that in accordance with G.W. Leibniz' famous hypothesis (brave intellect project) of a *characteristica universalis*, we should be able to reason not only in metaphysics, morals, and natural legal law, but also in natural theology (vindicated, for instance, in S. Clarke's treatise (1738) "in much the same way as in geometry and analysis").

As the paper has page limit, I have to abstain from giving all the precise definitions making up conceptual basis of the two-valued algebraic system of formal axiology, which (algebraic system) is to be used in this paper. However, for making readers able to check the elementary computations resulting in nontrivial statements of moral values, in this article I have included references to the already published works, in which all the necessary precise definitions of basic terms of two-valued algebra of formal axiology are presented (Lobovikov, 2011, 2013, 2014, 2015, 2019). However, exact definitions of at least some basic notions underlying the paper are to be given here.

The two-valued algebraic system of metaphysics as formal axiology is nothing but a triple $\langle \Phi, \Omega, R \rangle$ in which the sign Φ denotes the set of all such and only such *either-existing-or-not-existing units* which are *either good or bad* ones from the viewpoint of a *valuator* Σ . The sign Σ denotes a person (individual or collective, natural or artificial one – it does not matter), in respect to which all assessments are performed. Certainly, Σ is a *variable*: changing values of Σ can result in changing assessments of concrete elements of Φ . However, if a value of the variable Σ is fixed, then assessments of concrete elements of Φ are quite definite. Elements of Φ are called formal-axiological-objects of metaphysics. The signs “*g*” (good), and “*b*” (bad) stand for *moral values (abstract axiological ones)* of elements of Φ . *Moral actions or persons* (individual or collective, natural or artificial ones – it does not matter) are *concrete instances (particular cases)* of elements of Φ . In $\langle \Phi, \Omega, R \rangle$, the sign Ω denotes the set of all *n-ary algebraic operations* defined on the set Φ . (These algebraic operations are called *formal-axiological ones*.) In the mentioned triple, the symbol R denotes the set of all *n-ary formal-axiological relations* defined on the set Φ . (For instance, the below-defined binary relation “*formal-axiological equivalence*” belongs to R .)

Algebraic operations defined on the set Φ are *moral-value-functions*. *Moral-value-variables* of these functions take their values from the set $\{g \text{ (good)}, b \text{ (bad)}\}$. Here the signs “*g*” and “*b*” denote the values “good” and “bad”, respectively. The moral-value-functions take their values from the same set.

In the talk of *moral-value-functions*, the following mappings are meant: $\{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, if one talks of the functions determined by *one moral-value-argument*; $\{g, b\} \times \{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, if one talks of the functions determined by *two moral-value-arguments* (here “ \times ” denotes the Cartesian product of sets); $\{g, b\}^N \rightarrow \{g, b\}$, if one talks of the functions determined by *N moral-value-arguments*, (here N is a finite positive integer).

In algebra of formal axiology, the signs “*x*” and “*y*” denote *abstract-value-forms* of elements of Φ . (Moral-value-forms of actions and of individual or collective persons are *concrete instances* or particular cases of *abstract-value-forms* of elements of Φ .) Elementary abstract-value-forms deprived of their specific contents represent independent abstract-value-arguments. Complex abstract-value-forms deprived of their specific contents represent abstract-value-functions determined by these arguments. In the present paper, due to the page limit, only some concrete examples of the functions determined by only *one moral-value-argument* are considered. For making acquaintance with many other *moral-value-functions* determined by either *one* or *two moral-value-arguments*, readers are advised to look into (Lobovikov, 2013, 2014, 2015, 2019, 2021).

Results

Now, accepting the presumption that readers have the precise definitions and relevant instantiations of basic notions of algebra of formal axiology at their disposal, I go directly to tabular definitions of such moral-value-functions which are formal-axiological meanings of the natural-language word-combinations: “Empirical Cognition of”; “First Matter (*Materia Prima*) of”; “Second Matter (*Materia Secunda*) of”; “God of”; “Servitude to”; “Love to”, “Faith in”, “Law of”, “Hope for”, “Action on”, “Form of”, etc.

Glossary for the below-placed moral-value table 1. The symbol M_1x denotes the moral-value-function “first matter (universal material) of any x , i.e. such and only such abstract matter of which every x consists”. [In other words, M_1x stands for “absolute materialness of (what, whom) x ”.] The symbol M_2x denotes the moral-value-function “special, particular matter, (specific, singular material) of (what, whom) x ”, or “relative materialness of (what, whom) x ”. M_3x stands for the moral-value-function “special, particular matter (specific, singular material) for (what, whom) x ”, or “relative materialness for (what, whom) x ”. M_4x – the moral-value-function “ x ’s being a universal matter (abstract material) for God of (what, whom) x ”. M_5x – the moral-value-function “movement, change of (what, whom) x ”. M_6x – “self-movement, self-change of (what, whom) x ”. Vx – “violence over x ”, or “action (attack, assault), influence, pressure on x ”. Ex – “empirical cognition of x ”, or “knowing (what, whom) x by experience”. These functions (determined by *one* moral-value-argument x) are defined by the following **table 1**.

Table 1. “Matter”, “Action”, and “Movement” (compiled by the author)

x	M_1x	M_2x	M_3x	M_4x	M_5x	M_6x	Vx	Ex
g	b	b	g	g	b	b	b	b
b	b	g	b	g	g	b	g	g

Thus, there are exactly four one-placed functions called “matter (material), materialness”. Two of them are mutually *opposite* moral-value-constants called (in ambiguous natural language) “*first* matter (*abstract* material)”, or “*absolute* materialness”. In the natural-language-descriptions of these functions, the word “of” indicates the *negative* moral-value-constant-function; the word “for” indicates the *positive* moral-value-constant-function. The other two unary functions called “matter (material)” are such mutually *opposite* moral-value-functions which are *not constants*, therefore, in natural language, it is quite acceptable to call them “*second* matter (*special* material)”, or *relative* materialness”.

Glossary for the below-located moral-value **table 2**. The symbol Bx stands for the moral-value-function “being, existence of (what, whom) x ”. Nx stands for the moral-value-function “nonbeing of (what, whom) x ”. Ax denotes the moral-value-function “absolute being of x ”. Zx – “absolute nonbeing of x ”. Px – “possibility of x ”. Yx – “necessity of x ”. Δx – “freedom of/for x ”. ∇x – “freedom from x ”. Rx – “ x ’s law (rule, order), or law (rule, command) of/by (what, whom) x ”. Cx – “conservation,

preservation, protection, defense of x ". Wx – “world of x ". Ox – “opposite, antagonist, enemy of/for x ". $\odot x$ – “self-contradiction of x ". $\otimes x$ – “(inner) contradictoriness of x ". The mentioned unary functions are defined by the following **table 2**.

Table 2. Ontology as formal axiology (compiled by the author)

x	Bx	Nx	Ax	Zx	Px	Yx	Δx	∇x	Rx	Cx	Wx	Ox	$\odot x$	$\otimes x$
g	g	b	g	b	g	g	g	b	g	g	g	b	b	b
b	b	g	g	b	b	b	b	g	b	b	b	g	b	g

Glossary for the below-located moral-value **table 3**. Gx – constant moral-value-function “God of (what, whom) x in monotheistic universal (world) religions”. Dx – constant moral-value-function “Devil of x , i.e. the principal antagonist of/for God of x , in monotheistic universal (world) religions”. Ix – “ideal (idol), god of (what, whom) x in polytheistic barbaric local religions”. Ux – “daemon, incubus, afrit, evil spirit (evil genius) of/for x in polytheistic barbaric local religions”. Sx – “service, servitude to (what, whom) x ”. Tx – “loyalty, devotion, fidelity to (what, whom) x ”. Fx – “faith, belief in (what, whom) x ”. Hx – “hope for, or trust in x ”. Lx – “love to (what, whom) x ”. Jx – “ x ’s grace, or mercy of/by x ”. $@x$ – “ x ’s gift, or gift of/by x ”. Xx – “fear, derad of (what, whom) x ”. Kx – “kind, form, type, mode, manner, style of (what, whom) x ”. These one-placed functions are defined by the following **table 3**. Some other instances of moral-value-functions determined by *one* moral-value-argument can be found in (Lobovikov, 2013, 2014, 2015).

Table 3. Theology as formal axiology (compiled by the author)

x	Gx	Dx	Ix	Ux	Sx	Tx	Fx	Hx	Lx	Jx	$@x$	Xx	Kx
g	g	b	g	b	g	g	g	g	g	g	g	g	g
b	g	b	b	g	b	b	b	b	b	b	b	b	b

Glossary for the below-placed **table 4**. (The upper index 2 located immediately after a capital letter signals that the indexed letter denotes a function determined by *two* arguments.) The symbol Z^2xy stands for “*choosing and realizing* such and *only such* an element of the pair $\langle x, y \rangle$, which is: 1) *the best* one, if the values of both x and y are positive; 2) the least bad one, if the values of both x and y are negative; 3) the good one, if the values of x and y are opposite. (Hence, Z^2xy denotes an *excluding choice and realization of only the optimal element* of the pair $\langle x, y \rangle$.) The symbol N^2xy stands for moral-value-function “*realizing neither x nor y* ”. The sign K^2xy denotes moral-value-function “*unity of x and y* ”, or “*realizing both x and y* ”. A^2xy stands for moral-value-function “*realizing a non-excluding-choice, namely, 1) realizing K^2xy if both x and y have positive values, and 2) realizing Z^2xy otherwise*”. D^2xy means “*divorce, separation of x and y* ”. C^2xy – moral-value-function “ *y ’s existence, presence in x* ”. E^2xy – “*axiological equivalence, i.e. identity of the values, of x and y* ”. T^2xy –

“termination, destruction, annihilation of x by y ”. S^2xy – “salvation, conservation, preservation, protection, defense of x by y ”. V^2xy – “ y ’s being without x ”, i.e. “uniting y ’s being with nonbeing of x ”. Y^2xy – “ y ’s contradiction to/with x ”. Some other instances of moral-value-functions determined by two moral-value-arguments can be found in (Lobovikov, 2011, 2019, 2021).

Table 4. Two-placed moral-value-functions (compiled by the author)

x	y	Z^2xy	N^2xy	K^2xy	A^2xy	D^2xy	C^2xy	E^2xy	T^2xy	S^2xy	V^2xy	Y^2xy
g	g	b	b	g	g	b	g	g	b	g	b	b
g	b	g	b	b	g	g	b	b	b	g	b	b
b	g	g	b	b	g	g	g	b	g	b	g	g
b	b	b	g	b	b	g	g	g	b	g	b	b

Now, to begin generating *equations* of the two-valued algebraic system of formal axiology, it is indispensable to give the following precise **Definition 1** of the notion “*formal-axiological equivalence*”.

Definition 1. In the two-valued algebraic system of formal axiology, any moral-value-functions Ξ and Θ are *formally-axiologically equivalent* (this is represented by the expression “ $\Xi=+=\Theta$ ”), if and only if they acquire identical values (from the set $\{g$ (*good*), b (*bad*)}) under any possible combination of the values of their moral-value-variables.

Definition 2. In the two-valued algebraic system of formal axiology, any evaluation-function Θ is called *formally-axiologically (or necessarily, or universally, or absolutely) good one*, or a *law of algebra of formal axiology* (or a “law of algebra of metaphysics”), if and only if Θ acquires the value g (*good*) under any possible combination of the values of its moral-value-variables. In other words, the function Θ is *formally-axiologically (or constantly) good one*, iff $\Theta=+=g$ (*good*).

Definition 3. In the two-valued algebraic system of formal axiology, any evaluation-function Θ is called *formally-axiologically (or invariantly, or absolutely) bad one*, or a “*formal-axiological contradiction*”, if and only if Θ acquires the value b (*bad*) under any possible combination of the values of its moral-value-variables. In other words, the function Θ is *formally-axiologically (or necessarily, or universally, or absolutely) bad one*, iff $\Theta=+=b$ (*bad*).

In respect to the binary relation “ $=+=$ ”, it is worth making the following remark. In the ambiguous natural language, very often the relation “ $\Xi=+=\Theta$ ” is represented by the words-homonyms “is”, “means”, “implies”, “entails”, “equivalence”: they may stand for the *formal-axiological equivalence* relation “ $=+=$ ”. As in the natural language the words “is”, “means”, “implies”, “equivalence” also may stand for the logic operations “equivalence” and “implication”, there is an actual possibility of confusions produced by absolute identifying and, hence, substituting for each other the substantially different notions “ $=+=$ ” and logic operation “equivalence” (or “ $=+=$ ” and logic operation “implication”). Such mixing and substituting are prohibited

in algebra of formal axiology: ignoring this prohibition can head to illusions of paradoxes.

Using the above-given exact definitions of notions and functions, any intellectual system (natural or artificial – it does not matter) can produce the following finite (but potentially infinite) succession of formal-axiological equations. The readers are invited to examine all the below-located equations themselves to be confident that they are really valid. To help readers to understand the equations, to the right after each equation immediately after the colon, I place a translation from the artificial language into the natural human one.

1. $Bx=+=VM_2Wx$: being of x is (equivalent to) acting on the material world of x .
2. $Bx=+=M_5M_2Wx$: being of x is (equivalent to) changing the material world of x .
3. $Bx=+=EM_2Wx$: being of x is empirical cognizing the material world of x .
4. $PBx=+=PEM_2Wx$: possibility of x 's being is possibility of empirical cognizing the material world of x .
5. $EM_2Wx=+=Cx$: empirical cognizing the material world of x is conservation, protection, defense of x .
6. $YEM_1x=+=RGx$: necessity of empirical cognition of the first matter is a law (principle, tenet, rule, order) of/by God.
7. $PEM_1x=+=RGx$: possibility of empirical cognition of the first matter is a law (principle, tenet, statute) of/by God.
8. $EM_1x=+=SGx$: science of the first matter is (equivalent to) servitude to God.
9. $EM_1x=+=FGx$: empirical cognizing the first matter is (equivalent to) faith in God.
10. $EM_1x=+=HGx$: empirical cognizing the first matter implies hope for God.
11. $EM_1x=+=LGx$: empirical cognizing the first matter is (equivalent to) love to God.
12. $EM_1x=+=KSGx$: empirical cognition of the first matter is a kind (mode) of servitude to God.
13. $Lx=+=Sx$: love to x is (equivalent to) servitude to x .
14. $Lx=+=Tx$: love to x is (equivalent to) loyalty, fidelity, devotion to x .
15. $EM_1x=+=TGx$: empirical cognition of the first matter means loyalty to God.
16. $EM_1x=+=KLGx$: empirical cognition of the first matter is a manner, style (type) of love to God.
17. $FGx=+=LGx$: Faith in God is (equivalent) to Love to God.
18. $FGx=+=RGx$: Faith in God is a Law (principle, rule, order) of/by God.
19. $FGx=+=@Gx$: Faith in God is a Gift of/by God (Augustine, 1961), (Lupandin, 2002), (Aquinas, 2012).
20. $Ax=+=@Gx$: Absolute (Eternal) Being is a Gift of/by God (Augustine, 1961), (Lupandin, 2002).
21. $XGx=+=RGx$: Fear of God is a Law (principle, rule, order) of/by God.
22. $XGx=+=@Gx$: Fear of God is a Gift of/by God (Lupandin, 2002), (Aquinas, 2012).
23. $HGx=+=@Gx$: Hope for God is a Gift of/by God (Lupandin, 2002), (Aquinas, 2012).

24. $LGx=+=@Gx$: Love to God is a Gift of/by God (Lupandin, 2002), (Aquinas, 2012).
25. $LGx=+=JGx$: Love to God is a Grace of/by God.
26. $LGx=+=RGx$: Love to God is a Law (principle, tenet) of/by God.
27. $FGx=+=HGx=+=LGx=+=Gx$: Faith in God, Hope for God, and Love to God are the One.

As to the compositions containing *two*-placed functions, the following continuation of the above-given list is worth making acquaintance with.

28. $\odot x=+=Y^2xx$: self-contradiction of x is x 's contradiction to/with x .
29. $Y^2xx=+=V^2xx$: x 's contradiction to/with x is x 's being without x .
30. $K^2xOx=+=\odot x$: unity of opposites is a self-contradiction.
31. $E^2xOx=+=\odot x$: identity of opposites is a self-contradiction.
32. $D^2xOx=+=g$: separation of opposites is a formal-axiological law.
33. $Z^2xOx=+=g$: the excluding choice between opposites is a formal-axiological law.
34. $M_2x=+=C^2x\odot x$: materialness of x means existence of a self-contradiction in x .
35. $\textcircled{x}=+=C^2x\odot x$: contradictoriness of x means existence of a self-contradiction in x .
36. $M_2x=+=\textcircled{x}$: materialness of x means contradictoriness of x .
37. $M_1x=+=\odot x$: first (primeval) matter of x is equivalent to self-contradiction of x .
38. $M_6x=+=\odot x$: self-movement of x is self-contradiction of x .
39. $\textcircled{x}=+=Nx$: contradictoriness of x is equivalent to nonbeing of x .
40. $M_2x=+=Nx$: materialness of x is equivalent to nonbeing of x . (Plato, 1994), (Aristotle, 1994), (Plotinus, 1991).
41. $M_5x=+=Nx$: movement of x is equivalent to nonbeing of x (Parmenides, Zeno).
42. $Bx=+=N\textcircled{x}$: being of x means non-contradictoriness of x (Parmenides, Melissus).
43. $Bx=+=N\textcircled{W}x$: being of x means non-contradictoriness of world of x .
44. $M_2Wx=+=\textcircled{W}x$: materialness of world of x is contradictoriness of world of x .
45. $Bx=+=\textcircled{M}_5x$: being of x is contradictoriness of change of x (Parmenides, Zeno).
46. $M_5x=+=\textcircled{x}$: movement, change of x is contradictoriness of x (Parmenides, Zeno).
47. $Bx=+=\textcircled{M}_2Wx$: being of x means contradictoriness of matter of world of x .
48. $Bx=+=\textcircled{M}_5Wx$: being of x means contradictoriness of change of world of x .
49. $Bx=+=M_5M_2Wx$: being of x is equivalent to movement of matter of world of x .
50. $Ax=+=Z^2BxNx$: absolute (proper) being of x is making moral choice between being of x and nonbeing of x .
51. $Z^2xOx=+=RGx$: moral choice between opposites is a law (order, rule) of God.
52. $\Delta Z^2xOx=+=@Gx$: freedom of the choice is a gift of God (Augustine, 1961).

Evidently, there is a heuristically significant *analogy* between the pair of moral-value-functions called "moral choice between x and y " $\langle Z^2xy, A^2xy \rangle$ and the pair

of truth-value-functions (binary logic operations) called “disjunction” (the excluding and the non-excluding ones, respectively). However, the analogy is not an identity relation. The moral choice operations (Z^2xy and A^2xy) are *not arbitrary* acts; they are performed according to the formal-axiological criterion precisely defined by the above-given **table 4**.

Conclusion

Concerning the above-said, it is worth emphasizing the wonderful fact that the equations and their translations into human language are grounded not upon an irrational intuition or revelation but upon a rational algorithmic computation. The nontrivial philosophical statement “Empirical Cognition of the First Matter is a Form of Love to God” is an accurate algorithmic translation (of the relevant equation) to the natural language of *homo sapiens* from the artificial language of actually intellectual robots. Another example of such translating is the sentence “Faith in God, Hope for God, and Love to God are the One”. These algorithmic translations of formal-axiological meanings of the philosophical theology sentences are performed in perfect accordance with the principle of *compositionality of formal-axiological meanings* of word-combinations. Thus, even in domain of the humanities, a sufficiently perfect artificial intelligence system can generate qualitatively novel nontrivial knowledge to be utilized successfully in practical life of human beings or at least to be enjoyed by them.

References

1. Aristotle (1994). The works of Aristotle. Vol. 1. In M.J. Adler (Ed.), *Great books of the Western world* (Vol. 7). Chicago & London: Encyclopedia Britannica, Inc.
2. Aquinas, T. (2012). *Summa Theologica. Vol. 4: The first part of the second part. Questions 68–114* [Summa teologii. T. 4. Pervaya chast' Vtoroj chasti. Voprosy 68–114]. Moscow: Librocom Publishing House [Knizhnyj dom “Librokom”]. (In Russ.).
3. Augustine of Hippo. (1961). *The enchiridion on faith, hope and love*. Chicago: Gateway Editions, Ltd.
4. Augustine (1994). The confessions. The city of God. On Christian doctrine. In M.J. Adler (Ed.), *Great books of the Western world* (Vol. 16). Chicago & London: Encyclopedia Britannica, Inc.
5. Augustine (2010). On grace and free choice. In P. King (Ed.), *Augustine. On the free choice of the will, On grace and free choice, and other writings* (pp. 141–184). Cambridge: Cambridge University Press.
6. Boole, G. (1854). *An investigation of the laws of thought on which are founded the mathematical theories of logic and probabilities*. London: Walter and Maberly; Cambridge: MacMillan and Co.
7. Bourbaki, N. (1950). The architecture of mathematics. *American Mathematical Monthly*, 57(4), 221–232. <https://doi.org/10.2307/2305937>
8. Bourbaki, N. (1962). *Elements of Mathematics. Part 1: Fundamental structures of analysis. Book 2: Algebra* [Elementy matematiki. Chast' 1:

Fundamental'nye struktury analiza. Kniga 2: Algebra]. Moscow: State Publishing House for Physics and Mathematics Literature [Gosudarstvennoe izdatel'stvo fiziko-matematicheskoy literatury]. (In Russ.).

9. Bourbaki, N. (1965). *Elements of Mathematics. Part 1: Fundamental structures of analysis. Book 1: Theory of sets* [Nachala matematiki. Chast' 1: Osnovnye struktury analiza. Kniga 1: Teoriya mnozhestv]. Moscow: Mir Publishers [Izdatel'stvo "Mir"]. (In Russ.).

10. Bourbaki N. (1998). *Elements of the history of Mathematics*. Berlin & Heidelberg: Springer-Verlag.

11. Carnap, R. (1931). Overcoming Metaphysics by logical analysis of language [Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache]. *Erkenntnis*, 2, 219–241. <https://doi.org/10.1007/BF02028153>

12. Carnap, R. (1935). The rejection of Metaphysics. In M. Weitz (Ed.), *20th-century philosophy: The analytic tradition* (pp. 206–220). New York: Free Press.

13. Carnap, R. (1956). *Meaning and necessity: A study in semantics and modal logic*. Chicago & London: University of Chicago Press.

14. Carnap, R. (1967). *The logical structure of the world. Pseudo-problems in philosophy*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press.

15. Clarke, S. (1738). *A discourse concerning the being and attributes of god, the obligations of natural religion, and the truth and certainty of the Christian revelation: in answer to Hobbs, Spinoza, the author of the Oracles of reason, and other deniers of natural and revealed religion...* London: W. Botham.

16. Epstein, R.L. (2001). *Propositional Logics: The semantic foundations of Logic* (2nd ed.). Belmont: Wadsworth/Thomson Learning.

17. Gabbay, D. & Guenther, F. (Eds.). (1984). *Handbook of philosophical Logic. Vol. 2: Extensions of Classical Logic*. Dordrecht & Boston: D. Reidel Publishing Company.

18. Hintikka, J. (1963). The modes of modality. *Acta Philosophica Fennica. Fasc. XVI: Proceedings of a colloquium on modal and many-valued Logics (Helsinki, 23–26 August, 1962)* (pp. 65–81). Helsinki: Societas Philosophica Fennica, 1963.

19. Hintikka, J. (1969). Semantics for propositional attitudes. In J. W. Davis (Ed.), *Philosophical Logic* (pp. 21–45). Dordrecht: Reidel.

20. Ivin, A. A. (1970). *Foundations of evaluation Logic* [Osnovaniya logiki ocenok]. Moscow: Moscow University Press [Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta]. (In Russ.).

21. Ivin, A. A. (1973). *Logic of norms* [Logika norm]. Moscow: Moscow University Press [Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta]. (In Russ.).

22. Kripke, S. A. (1963). Semantical analysis of modal Logic I. Normal modal propositional calculi. *Zeitschrift für mathematische Logik und Grundlagen der Mathematik*, 9, 67–96.

23. Kripke, S. A. (1965). Semantical analysis of modal Logic II: Non-normal modal propositional calculi. In J. W. Addison, L. Henkin, & A. Tarski (Eds.), *The theory of models: Proceedings of the 1963 International symposium at Berkeley* (pp. 206–220). Amsterdam: North-Holland.

24. Leibniz, G. W. (1903). *Generales Inquisitiones de Analysi Notionum et Veritatum*. In L. Couturat (Ed.), *Leibniz's booklets and unpublished fragments: Excerpts from the Royal library in Hanover* [Opusculs et Fragments Inédits

de Leibniz: extraits de la Bibliothèque royale de Hanovre] (pp. 356–399). Paris: Alcan.

25. Leibniz, G.W. (1952). *Theodicy: Essays on the goodness of God, the freedom of man, and the origin of evil*. London: Routledge & K. Paul.

26. Leibniz, G.W. (1969). *Philosophical papers and letters*. Dordrecht: D. Reidel.

27. Leibniz, G.W. (1971). Elements of the natural law [Elementa Juris Naturalis]. In G.W. Leibniz, *Philosophische Schriften. Band 1: 1663–1672* (pp. 431–485). Berlin: Akademie-Verlag.

28. Leibniz, G.W. (1981). *New essays on human understanding*. Cambridge [Eng.] & New York: Cambridge University Press.

29. Lobovikov, V.O. (2011). Discrete mathematical representing G.W. Leibniz' philosophy of law, morals and theology by means of two-valued algebra of the natural law (Studying moral-legal evaluation-functions determined by two variables in algebra of formal axiology). In H. Breger, J. Herbst, S. Erdner (Eds.), *XI International Leibniz-congress "Nature and subject" under the auspices of Federal President (Hannover, 26 September until 1 October, 2011)* (Vol 2, pp. 611–615). Berlin: Akademie Verlag; Bahlsen GmbH & Co. KG.

30. Lobovikov, V.O. (2013). "Private vices are public benefits": The Paradox of Bernard Mandeville as an equation of two-valued algebra of formal ethics. In *Sins, vices and virtues: Essays in the cultural, political and philosophical reflections of moral categories* (pp. 35–44). Oxford, UK: Interdisciplinary Press.

31. Lobovikov, V.O. (2014). Algebra of morality and formal ethics. In K. Bronk (Ed.), *Looking back to see the future. Reflections on sins and virtues* (pp. 17–41). Oxford, UK: Interdisciplinary Press.

32. Lobovikov, V.O. (2015). 'Fear', 'horror' and 'terror': Not moral-evaluation constants but moral-evaluation functions determined by two moral-evaluation variables in algebra of formal ethics. In L. Colmenero-Chilberg & F. Mújdricza (Eds.), *Facing our darkness: Manifestations of fear, horror and terror* (pp. 193–203). Oxford, UK: Interdisciplinary Press.

33. Lobovikov, V.O. (2019). Analytical theology: God's omnipotence as a formal-axiological law of the two-valued algebra of formal ethics (Demonstrating the law by "computing" relevant evaluation-functions). *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (47), 87–93. <https://doi.org/10.17223/1998863X/47/9>

34. Lobovikov, V.O. (2021). Epistemic modal logic, universal philosophical epistemology, and natural theology: God's omniscience as a formal-axiological law of the two-valued algebra of metaphysics as formal axiology (Demonstrating the law by "computing" relevant evaluation-functions). *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (61), 5–13. <https://doi.org/10.17223/1998863X/61/1>

35. Lupandin, I. (2002). Gifts of the Holy Spirit [Dary Svyatogo Duha]. In *Catholic encyclopedia* [Katolicheskaya enciklopediya] (Vol. 1, pp. 1554–1555). Moscow: Franciscan Publishing House [Izdatel'stvo Franciskancev]. (In Russ.).

36. Montague, R. (1960). Logical necessity, physical necessity, ethics, and quantifiers. *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*, 3, 259–269. <https://doi.org/10.1080/00201746008601312>

37. McNamara, P. & Van De Putte, F. (2021). Deontic Logic. In E.N. Zalta (Ed.),

- The Stanford encyclopedia of Philosophy* (Spring 2021 edition). Retrieved February 10, 2022, from <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/logic-deontic/>
38. Plato (1994). The dialogues of Plato. In M.J. Adler (Ed.), *Great books of the Western world* (Vol. 6). Chicago & London: Encyclopedia Britannica, Inc.
39. Plotinus (1991). *The Enneads*. London: Penguin Books.
40. Pratt, V. (2021). Algebra. In E.N. Zalta (Ed.), *The Stanford encyclopedia of Philosophy* (Spring 2021 edition). Retrieved February 10, 2022, from <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/algebra/>
41. Sawyer, W. W. (1964). Algebra. *Scientific American*, 211(3), 70–79. Retrieved September 8, 2021, from <http://www.jstor.org/stable/24931626>
42. Thomason, R.H. (Ed.). (1974). *Formal Philosophy. Selected papers of Richard Montague*. New Haven: Yale University Press.
43. Weingartner, P. (2021). *An axiomatic study of God. A defense of the rationality of religion*. Berlin: Walter de Gruyter GmbH. <https://doi.org/10.1515/9783110717983>
44. Whitehead, A.N. (1941). Mathematics and the Good. In P.A. Schilpp (Ed.), *The philosophy of Alfred North Whitehead* (Vol. 3, pp. 666–681). Evanston & Chicago: Northwestern University Press.
45. Whitehead, A.N. (1994). An introduction to Mathematics. In M.J. Adler (Ed.), *Great books of the Western world* (Vol. 56, pp. 121–186). Chicago & London: Encyclopedia Britannica, Inc.

Информация об авторе

Владимир Олегович Лобовиков, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8760-0452>, e-mail: vlobovikov@mail.ru

Information about the author

Vladimir Olegovich Lobovikov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Principal Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8760-0452>, e-mail: vlobovikov@mail.ru

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Нye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “ ”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Названия таблиц располагаются над таблицами с выравниванием по ширине, без абзацного отступа, на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.

- Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер и подрисуночную подпись. Нумерация иллюстраций – сквозная. Подрисуночные подписи располагают под иллюстрациями с выравниванием по центру. Подписи делаются на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисуночными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

- УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
- Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
- Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. Желательно, чтобы в аннотации в неструктурированном виде была отражена следующая информация: научная проблема, актуальность, цель, краткое содержание и выводы. В аннотациях к статьям, излагающим результаты эмпирического исследования, дополнительно приводятся сведения о методах, предмете (выборке, географии и т.д.), последовательности выполнения, научной и практической значимости.
- Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I.I.**).
- Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
- Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
- Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

- Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
- Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию, следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи,

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты.

При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
References (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.

14. Информация об авторе

Имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.

15. Information about the author

Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya associaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи	Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i> , 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1	Bezhentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitiya territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i> , 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1

Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

Художественные книги	Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i> . М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i> . New York: Literary Classics of the United States.
Законы, акты (курсивом выделяется название закона)	<i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-О3) ст. 5 (Россия)</i> . Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/ <i>Advancing the Treaty Process with Aboriginal Victorians Act 2018 (Vic) s. 23 (Austl.)</i> . Retrieved January 10, 2019, from http://www.legislation.vic.gov.au/
Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)	Драбинко, А. (2018, 18 октября). <i>И вновь о разрыве общения с Константинополем</i> . Взято 20 сентября 2020, с http://gefter.ru/archive/25328 <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved January 20, 2019, from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell
Новость (курсивом выделяется заголовок новости)	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/ <i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games</i> (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in Discourse-P.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a “quoted text” (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the version “” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “–” (middle dash); hyphen “-”.
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. The names of the tables are located above the tables with justification in width, without indentation, in Russian and English, the source of borrowing is indicated in parentheses. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number and figure caption. The numbering of illustrations should be continuous. Figure captions are placed under the illustrations with center alignment. Figure captions are made in Russian and English, the source of borrowing is indicated in brackets. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the scientific problem, the relevance of research, the purpose of the study; major findings of the analysis or trends detected; and a brief summary of scientific contribution and conclusions. If articles contain the results of an empirical study, it is also necessary to write about the methods, the subject (the surveyed, geography, etc.), the stages of the study, scientific and practical significance.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (year). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization is indicated as an author)	Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Article	Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title</i> , volume(issue number), page(s). doi Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4
Working paper	Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher. Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf

Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov